

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Минусинский региональный краеведческий музей
им. Н.М. Мартьянова»

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
МИНУСИНСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ
ИМ. Н.М. МАРТЬЯНОВА

Выпуск 2

Минусинск, 2020

ББК 63.3(253):72.4(253)

УДК 94(57):001.891

Учёные записки Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова: [текст] / МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова». – Интеллектуальная система Ridero. 2020. – Вып. 2. – 264 с. ISBN 978-5-0051-7099-6

Рецензенты:

А.П. Шекшеев, к. и. н., член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», г. Абакан, Республика Хакасия;

Т.А. Кискидосова, к. и. н., зав. сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан, Республика Хакасия.

С.А. Борисова – директор музея, руководитель проекта

Редакционная коллегия:

И.Л. Решетникова (ответственный за выпуск);

В.Г. Чернышёва (редактор);

О.В. Войда (дизайн-макет, вёрстка)

Печатается по решению Учёного совета Минусинского музея

ISBN 978-5-0051-7099-6

© МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей Н.М. Мартьянова».

Минусинск, 2020

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ СИБИРИ

УДК 005:796/799(571.513)»193»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Н.Я. Артамонова

Аннотация: Предметом исследования являются проблемы развития физической культуры в первые годы существования Хакасской автономной области. Раскрываются методологические установки государственной политики, которые легли в основу развития физической культуры и спорта в стране. На основе архивных документов выявляются проблемы и достижения физкультурного движения в отдельной взятой национальной территории в начале 1930-х гг. Делается вывод о том, что развитие физической культуры в Хакасии в исследуемый период осуществлялось медленными темпами, зачастую по инициативе «снизу». Тем не менее был приобретён немалый опыт, необходимый для дальнейшего развития физической культуры и спорта.

Ключевые слова: Хакасия, Хакасская автономная область, физическая культура, физкультурники, комсомол, профсоюзы, Хакасский областной совет по физической культуре, Западно-Сибирский краевой совет физической культуры.

PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE IN THE KHAKASS AUTONOMOUS REGION IN THE BEGINNING OF THE 1930S.

N.Ya. Artamonova

Resume: The subject of this research is the problems of the development of physical culture in the initial period of the existence of the Khakass Autonomous Region. The methodological guidelines of state policy are revealed, which formed the basis for the development of physical culture and sports in the country. On the basis of archival documents, the problems and achievements of the physical culture movement in a separate national territory taken in the early 1930s are revealed. It is concluded that the development of physical culture in Khakassia in the period under study was carried out at a slow pace, often on the initiative «from below». Nevertheless, considerable experience, necessary for the further development of physical culture and sports was acquired.

Key words: Khakassia, Khakass autonomous region, physical culture, athletes, Komsomol, trade unions, Khakass regional council for physical culture, West Siberian regional council of physical culture.

История физической культуры и спорта советского периода является перспективным и активно исследуемым научным направлением в современной отечественной историографии. В большей степени в этом преуспели учёные Западной Сибири.

Определённый вклад в изучение истории физической культуры и спорта в отдельно взятом сибирском городе внёс П.В. Соловьёв [Соловьёв, 2007]. Значительный интерес представляет книга д-ра пед. наук, профессора А.Б. Суника [Суник, 2010]. Ценность его научной монографии заключается в том, что исследования историографического плана по истории физической

культуры и спорта представляют большую редкость и в настоящее время их недостаточно. В современный период одним из наиболее полных исследований данной проблемы является диссертация Т.В. Сарычевой, солидный труд которой объёмом в 1000 страниц посвящён становлению и развитию физической культуры в Западной Сибири в период с 1920-х по 1991 гг. [Сарычева, 2017]

В современной историографии Хакасии единственным исследованием по истории физической культуры и спорта является монография А.Н. Асочакова [Асочаков, 2002]. Автор достаточно подробно анализирует особенности становления и развития физической культуры и спорта в этой национальной территории в период с 1917 по 1930 гг., раскрывает такие аспекты, как проведение спортивных мероприятий, внедрение в область физической культуры национального региона новых видов спорта (футбол, тяжёлая атлетика, конькобежный спорт и др.). Анализ имеющейся научной литературы свидетельствует о том, что данная тема учёными Хакасии изучена мало, можно сказать, не раскрыта в полной мере. Чтобы воссоздать подлинную историю развития физической культуры и спорта в Хакасии, необходимо изучить широкий круг вопросов в разных направлениях, что сделать в одной небольшой публикации не представляется возможным. Данная статья охватывает только начальный период существования Хакасской автономной области, однако, чтобы сохранить целостность предмета исследования и не нарушить логику изложения, автор обращается и к истории физкультурного движения 1920-х гг.

Период конца 1920-х – начала 1930-х гг. был сложным и противоречивым в истории такой национальной территории как Хакасия. В эти годы началось претворение в жизнь заданий первой пятилетки, ускоренными темпами осуществлялась коллективизация и индустриализация страны, продолжалась борьба с так наз. «мелкобуржуазными элементами». Несмотря на трудности политического, социально-экономического и культурного развития, в Хакасии осуществлялись мероприятия в области физи-

ческой культуры. Надо сказать, что в конце 1920-х–1930-х гг. в советской стране наблюдался широкий размах физкультурного движения, проводились массовые парады, шествия физкультурников, направленные на демонстрацию успехов социалистического строительства в стране Советов. В эти годы была проведена действительно огромная работа по развитию физической культуры, которая охватила широкие массы советских граждан. Успехи советских спортсменов были заметны и на международной арене. В конце 1920-х–начале 1930-х гг. СССР вступил на новый уровень социалистических преобразований. В условиях переустройства советского общества взамен старой была необходима новая система руководства физической культурой.

Несмотря на проблемы, тормозившие развитие физической культуры и спорта, в городах и районных центрах Хакасии в 1920-х гг. создавались спортивные кружки, проводились спортивные мероприятия. По данным А.Н. Асочакова, к середине 1920-х гг. в Хакасии уже насчитывалось 28 различных спортивных кружков [Асочаков, 2002: 21]. Если в начале 1920-х гг. преобладающими являлись национальные виды спорта, такие как конные скачки, национальная борьба «курес», поднятие тяжестей, то к середине 1920-х стали развиваться необычные для хакасского населения футбол, волейбол, легкая атлетика, гимнастика [Там же]. Со второй половины 1920-х гг. в Хакасии состоялось несколько спартакиад, а, по сути, спортивных праздников, на которые собирались жители многих районов Хакасского округа. Наиболее значимой была окружная Спартакиада (1927), которая посвящалась Всесоюзной спартакиаде (Москва, 1928). Эти мероприятия были зрелищными, поскольку собирали не только участников спортивных кружков, но и большое количество зрителей г. Черногорска, рудников «Юлия» и «Улень», с. Аскиз и др. населённых пунктов [Домогашев, 2018: 67].

В программу спортивных состязаний включались новые виды спорта, такие как лёгкая атлетика футбол, волейбол, шахматы, стрельба, актуальными были и национальные виды спорта (стрельба из лука, поднимание различных тяжестей и т.д.).

Одним из культивируемых видов спорта среди жителей Хакасии во второй половине 1920-х гг. стал футбол. Свои футбольные команды имели г. Черногорск, сёла Аскиз, Таштып, Уйбат и Усть-Абакан [Асочаков, 2002: 27-28]. Но развитие физической культуры в Хакасском округе в 1920-е гг. носило, скорее, неорганизованный характер, хотя результаты в этой области всё же были весьма заметными. Итоги окружной Спартакиады 1927 г. показали ничтожность результатов по отдельным видам спорта, недостаток мастерства спортсменов. По мнению А.Н. Асочакова, это было вызвано отсутствием квалифицированных специалистов [Там же: 28]. Вызывает сомнение утверждение О.С. Домогашева о том, что «именно спортивные мероприятия 1920-х гг. дали мощный стимул для развития и улучшения физкультурной работы в Хакасии, накопления опыта судейства, организации и проведения соревнований». Дело в том, что, как показывают источники, физическая культура в 1920-х гг. развивалась в большей степени стихийно, благодаря инициативе самих граждан. Да и сам исследователь в своей статье утверждает, что «о широком развитии физической культуры и спорта в Хакасии в первые годы Советской власти не могло быть речи, поскольку в регионе отсутствовали квалифицированные кадры, необходимая материально-техническая база, не было опыта работы в этой сфере» [Домогашев, 2018, 68].

23 сентября 1929 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О физкультурном движении». А 1 апреля 1930 г. вышло Постановление Президиума ЦИК СССР «Об учреждении Всесоюзного совета физической культуры при Центральном исполнительном комитете Союза ССР» и Положении о нём. В этих документах раскрывались методологические установки государства в области развития физической культуры и спорта. Цель этого органа управления заключалась в осуществлении «государственного руководства и контроля над работой по физической культуре, проводимой государственными органами и общественными организациями (профессиональными союзами, ВЛКСМ, кооперацией, добровольными обществами и т.д.)». То есть дан-

ное постановление демонстрировало активное вмешательство государства в область физической культуры и спорта в стране, обратив, таким образом, её в сферу государственной важности, наравне с развертыванием тяжёлой индустрии и социалистического переустройства сельского хозяйства и культурного преобразования.

Государственная политика в области развития физкультуры требовала «внесения в это дело большей организованности и плановости, максимального расширения работы по вовлечению в физкультурное движение рабочих масс и усиления этого движения в деревне». То есть физическая культура «должна стать обязательной частью трудового воспитания рабочей и крестьянской молодёжи и войти в систему культурно-просветительной работы государственных органов и общественных организаций города и деревни», «должна быть всемерно использована, как массовый фактор повышения производительности труда и борьбы с профессиональными вредностями производства» [Постановление Президиума ЦИК СССР от 01.04.1930 «Об учреждении Всесоюзного совета физической культуры при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР»].

Для осуществления государственного руководства и контроля над работой по физической культуре привлекались и общественные организации (профессиональные союзы, ВЛКСМ, кооперация, различные добровольные общества т.д.)

С преобразованием 20 октября 1930 г. Хакасского округа в Хакасскую автономную область (ХАО), входившую в состав Западно-Сибирского края, открывалась новая страница в истории советской Хакасии [Очерки истории Хакасской областной организации КПСС, 1987, 83-84]. В связи с изменением национально-территориального статуса были созданы областные руководящие органы, подчинявшиеся Западно-Сибирскому краю. Это коснулось и сферы физической культуры.

25 января 1931 г. на первом областном пленуме по физической культуре был образован Хакасский областной совет по физической культуре (облсовет). Материалы первых пленумов облсо-

вета создают впечатление о том, что недавно созданный орган слабо выполнял свои руководящие функции. Заседания пленума проходили от случая к случаю, отдельные члены совета их вообще не посещали, хотя на тех немногих заседаниях рассматривались разные вопросы по состоянию и проблемам физической культуры в Хакасской автономной области. Работа в сфере физкультурного движения в начале 1930-х гг. не приняла, судя по источникам, упорядоченного, планомерного характера.

На одном из пленумов (дата и номер протокола не указаны, по содержанию – зима 1931 г. – *Н.А.*) в повестке дня стояли ключевые вопросы в контексте требований и задач Постановления Президиума ЦИК СССР «Об учреждении Всесоюзного совета физической культуры при Центральном исполнительном комитете Союза ССР»: «Политический доклад и увязка ФК и комсомола», «О состоянии Хакасского областного совета ФК и о дальнейших его задачах на хакасской территории», «О профсоюзном движении по ФК» и т.д. Материалы пленума показывают в целом слабую работу областного совета по физической культуре в первый год его существования, по сути, эта работа отсутствовала. Несмотря на требование вышеуказанного постановления ВЦИК СССР от 1 апреля 1930 г. профсоюзной организации и ленинскому комсомолу «усилить физкультурную работу в общей системе своей культурно-просветительной деятельности», в докладах выступавших, напротив, отмечалась слабая «увязка» работы по физической культуре с комсомольскими ячейками и профсоюзной организацией, отсутствие внимания таким вопросам как «внедрение физвоспитания среди хакасской молодёжи», «отсутствие всякого контроля в школах над физическим воспитанием детей» [ГКУ РХ НА. Ф.Р–333. Оп.1. Д.1. Л.1об.]. Выступавшие отмечали, что «физическая культура не занимается военизацией», что «соревнования проводятся «без политической подкладки», отсутствует помощь физкультурным организациям со стороны антропологического кабинета для медосмотра спортсменов [Там же, л.1об, 2]. На заседаниях пленумов ставились вопросы об отсутствии кадров для работы в области физической

культуры и спорта. Весьма редко проводились заседания облсовета, некоторые представители районных спортивных организаций не знали членов облсовета, не были информированы о его работе. Выступавшие в прениях по докладам отмечали, что к работе по физической культуре не привлечена общественность и «лозунг о привлечении общественности остаётся на бумаге». Облсоветом почти не проводилась воспитательная работа [Там же, л.8]. И далее: «... довольно красивых фраз, надо приступить к практической работе, которая у нас почти отсутствует, к перестройке работы в отношении воспитания в духе комсомола, то есть готовить в комсомол, – призывали выступавшие. ... Надо использовать в работе печать, избы-читальни, клубы и т.д. Вообще создать общественное мнение вокруг физической культуры и работу строить под углом соцсоревнования и ударничества» [Там же].

Некоторые члены облсовета (Чульжанов¹) отмечали, что «физкультурная работа носила буржуазную идеологию, то есть рекордсменство<...>. Нужно провести самоочистку физкультурной организации от чуждых элементов, надо освободиться от аполитичности и приступить к ударной работе» [Там же, л.8об]. «Физкультурная организация, – продолжал Чульжанов, – сейчас влезла в оппортунистическое болото, из которого необходимо вылезти. Облсовет игнорировал и недооценивал соцсоревнование. Надо заключить договор с Ойротией. Среди коренного населения нет выдвижения хакасов на физкультурную работу, что является шовинизмом». Он предложил внедрить в улусы национальные виды спорта, то есть заинтересовать молодёжь, поскольку она этими видами спорта интересуется, и тем самым отвлечь внимание молодежи от влияния кулаков [Там же, л.9].

Представляют интерес резолюции, принятые по основным докладам А.Троякова и Летуновского, которые носили, скорее, плакатно-митинговый характер и почти не содержали конкретных предложений по решению высказанных проблем. Так, в ре-

¹ В статье фамилии некоторых членов облсовета представлены без имен или инициалов, поскольку в архивных документах нам найти их не удалось.

золюции по докладу А. Троякова основная мысль заключалась в требовании «коренного перелома в работе по физкультуре, в решительном повороте лицом к производству», проводившегося под лозунгом «ни одного физкультурника вне ударных бригад», осуществлении борьбы «с элементами буржуазной идеологии (нездоровый соревновательный уклон, рекордсменство и т.д.)» [Там же, л.18]. Резолюция призывала игнорирование со стороны хозяйственной среды и общественных организаций и недооценку физкультурной работы расценивать как проявление правого уклона на практике. Поэтому следовало «повести решительную борьбу с проявлениями правого уклона на практике, аполитичностью, небдительностью в классовой борьбе, а равно с уклонами в национальной политике партии, полностью привлекая хакасские кадры по физкультурной работе, давая боевой удар по великодержавному шовинизму и местному национализму» [Там же, л.19]. В резолюции А. Троякова акцентировалось внимание и на таком «недопустимом явлении» как «недооценки роли местной печати», ибо в газетах «Советская Хакасия» и «Хызыл аал» не было ни одной публикации о физкультурной работе.

В подобном жанре была составлена и резолюция по докладу Летуновского, и поскольку она отражает реальную атмосферу, дух того времени, приведем её полностью:

«Физическая культура в Советском Союзе является методом не только физвоспитания, оздоровления и одной из сторон культурно-хозяйственной и военной подготовки молодёжи, но также и методом воспитания масс и вместе с тем средством сплочения (масс) рабочих и крестьян вокруг партийных, советских и профессиональных организаций и приобретает исключительное значение, особенно в период напряжённого социалистического строительства, выполнения пятилетки в 4 года.

1) Борясь за осуществление генеральной линии партии, за выполнение решений XVI партийного съезда, борясь с классовым врагом и со всеми, пытающимися сорвать социалистическое строительство (правый оппортунизм, «левые загибы» и вредительство»), мобилизуя политическую активность широких масс

трудящихся, в т.ч. физкультурников на выполнение всех мероприятий партии и правительства (ликвидация прорывов, хлебозаготовки, всеобуч, ликбез и перевыборы Советов), физкультурные организации должны ещё более сплотить свои ряды вокруг коммунистической партии, борясь в своих рядах с проявлением буржуазной идеологии, как-то: профессиональным рекордсменством, аполитичностью и право-оппортунистической практики в физкультурном движении, вовлекая и организуя массы в общественно-политическую деятельность.

2) Физкультура с каждым годом растёт и становится всё более массовой по форме. Методы и содержание физкультуры всё ещё полностью не подчинены задачам социалистического наступления. Физкультура в значительной степени всё ещё оторвана от политических и культурных задач. Слабо связана с производством, политическое и культурное воспитание стоит не на должной высоте и одной из причин является то, что профессиональные организации ещё слабо руководят физкультурной работой, не возглавляя растущую активность, инициативу физкультурников в самостоятельном движении, а также комсомольские организации недостаточно уделяют внимание физкультурному движению» [Там же, л.20об.].

На том же заседании было принято постановление о проведении кустовой Спартакиады, основная мысль которого сводилась к тому, что она должна стать новой массовой формой соревнования, где могли бы проявить себя не только «исключительно мастера спортивной техники», а коллективы организации. Спартакиада сумела бы «поставить физкультуру на службу пролетариату», «использовать физкультуру для организации широких трудящихся масс вокруг решающих задач социалистического строительства, использовать физкультуру как могучий фактор оздоровлений, повышение производительной деятельности и военной подготовки трудящихся масс» [Там же, л.23об.–24].

В целях подготовки и проведения Спартакиады был запланирован ряд мероприятий, начиная с подготовительной кампании

на местах, подготовке, рапортов о деятельности и составлении физкультурных организаций:

– Развернуть вокруг Спартакиады широкую агитационно-пропагандистскую работу, используя для этого всевозможные формы: печать, радио, кино, доклады, выступления, демонстрации, пробеги и т.д.

В местной печати следует добиться специальных отделов, где освещается подготовка и ход Спартакиады.

– Всем городским и районным СФК (совет по физической культуре – *Н.А.*) обеспечить участие в спартакиаде всех физкультурячек и пополнить охват масс физкультурников.

– Совету физкультуры обеспечить финансирование Спартакиады, привлечь для этого все заинтересованные организации и учреждения.

Здесь же представлена программа кустовой Спартакиады между Минусинском, бывшими районами и Хакасией, в которую входили забег на лыжах (10 км.) (мужчины), забег на коньках, перетягивание каната [Там же, л.23об.–31].

По результатам годовой деятельности Хакасского облсовета по физической культуре Секретариат Западно-Сибирского краевого совета физкультуры, состоявшийся 25 января 1932 г., принял следующее постановление:

1. Предложить краевым ведомствам дать директиву Хакасской областной организации о прекращении безобразных отношений к физической культуре.

2. Обратить особое внимание интернациональному воспитанию и вовлечению большего числа коренного населения и продвижение её в улус.

3. В области кадров: предложить Хакасскому областному совету физической культуры через облисполком и обком ВКП(б) и ВЛКСМ вернуть на физкультурную работу работников, имеющих физкультурное образование и ранее работавших на физкультуре и кроме того предложить организовать курсы массового физкультурного актива при комплектовании минусинских курсов (включить Хакасию).

4. Крайотделу, цветметзолото и крайкому угольщиков усилить руководство над Хакасией как промышленному району.

5. Предложить сектору кадров к 5/II подобрать для Хакасии двух работников (одного из них – для Черногорска).

6. Выступление инструктора ФК Черногорского рудника квалифицировать явно оппортунистическим, несоответствующим со званием инструктора советской физкультуры, а также и за проявление рвачества лишить его звания инструктора и права работать на руководящей физкультурной работе [Там же. Д.6. Л.62]. Взамен снятого с работы инструктора физической культуры Ямма в Черногорск был направлен инструктор Осокин, который крайсоветом характеризовался как хороший организатор и методист [Там же, л.74].

В докладной записке Хакасского облсовета по физической культуре Сибкрайсовету (копия облисполкому) отмечалось, что при наличии одного работника в своем аппарате невозможно увеличить количество членов совета, удовлетворить потребности в квалифицированных кадрах, удовлетворить запросы масс [Там же, л.82]. Действительно, что касается кадрового состава, то в тот период в Хакасии первым квалифицированным специалистом в области физической культуры и спорта был А. Трояков. В целях улучшения физкультурной работы, а также подготовки квалифицированных кадров по решению Хакасского окружного комитета ВКП(б) он был командирован на курсы в г. Новосибирск, Окончив трехмесячную курсовую подготовку, А. Трояков работал в окружном, затем в Хакасском областном Совете по физической культуре и спорту [Асочаков, 2002: 25]. Он проводил различные методические семинары, в том числе по созданию спортивных кружков, организации и проведению соревнований [Там же].

Смета аппарата Хакобсовета на 1932 г. предусматривала трёх постоянных работников: ответственного секретаря с зарплатой 165 руб., орг. работника – 165 руб., методиста – 180 руб. в месяц. Утверждённый крайсоветом лимит в 5000 руб. не был достаточен на содержание аппарата, не говоря уже о других каких-либо

организационных расходах, как-то: созыв и проведение пленумов, совещаний, поездки на пленумы в край и т.д. [ГКУ РХ НА. Ф.Р-333. Оп.1. Д.6. Л.82]. Смета же, по подсчетам Хакасского обсовета, предполагала 24 563 руб. 30 коп. Сюда входили административно-хозяйственные (канцелярские, почтово-телеграфные, оплата сторожу-курьеру), хозяйственные (приобретение периодической физкультурной литературы, газет и журналов, установка и оплата телефона, плата за помещение и др.), операционные (поездка по области для инструктажа и помощи промышленного производства, участие в краевом ФК празднике и т.д.) расходы [Там же].

Политика советского государства предусматривала укрепление промышленных объектов физкультурными силами. В письме Сибкрайсовета от 10 февраля 1932 г. Хакасскому областному совету физической культуры предлагалось обеспечить руководство физкультурниками шахт со стороны физкультурного коллектива Черногорских копей «с расчётом офизкультуривания всех копей к мировой спартакиаде» [Там же, л.72].

В связи с этим в Хакасии проводилась работа по вербовке и посылке физкультурников на работу в шахту Черногорских копей «за счёт националов». На Черногорских копиях в 1931 г. было занято 213, в начале 1932 г. – 224 хакаса [Мешалкин, 1987: 87]. Но, по мнению П.Н. Мешалкина, не все хакасы закреплялись на шахтах и рудниках, поскольку давала о себе знать «вековая приверженность к традиционным формам хозяйства и быта» [Там же, 1987: 87].

Важно отметить, что в начале 1930-х гг. в области, помимо спортплощадок, не было каких-либо специальных спортивных сооружений. В связи с этим на одном из заседаний пленума Хакасского обсовета по физической культуре от 7 марта 1933 г. был рассмотрен вопрос об эскизном проекте постройки стадиона в г. Абакане. Проект был утверждён в сумме 50 000 руб. [ГКУ РХ НА. Ф.Р-333. Оп.1. Д.9. Л.1]. На основании этого постановления был построен деревянный стадион, который послужил жителям

города до середины 1980-х гг. На его месте был построен современный стадион «Саяны».

С 1932-1933 гг. активизировалась деятельность по организации и участию спортсменов в различного рода спортивных соревнованиях. Так, в 1932 г. спортсмены из Хакасии приняли участие в Спартакиаде, посвящённой 10-летней годовщине Ойротии (Республика Алтай). Они выступали по таким видам спорта как волейбол, футбол, лёгкая атлетика и непременно по национальным играм [Асочаков, 2002: 32]. С этого времени, считает А. Асочаков, подобные встречи по отдельным видам спорта с соседними регионами, населёнными пунктами стали регулярными. В 1933 г. началась подготовка к 3-й Спартакиаде города. Правда, срок её проведения неоднократно переносился, поскольку физкультурники были мобилизованы на борьбу с вредителями полей. «Эту борьбу физкультурников, – отмечалось в обращении Хакасского облсовета ко всем коллективам города, – включить в производственные рапорты, и право на участие в спартакиаде будет иметь ударник, участвовавший в борьбе с вредителями по призыву районных и советских организаций» [ГКУ РХ НА. Ф.Р-333. Оп.1. Д.10. Л. 27].

В 1934 г. в связи с образованием Красноярского края Хакасская автономная область вошла в его состав. Партийное и советское руководство со стороны краевых органов стало более оперативным и чётким.

Таким образом, развитие физической культуры в Хакасской автономной области в начале 1930-х гг. являлось частью коммунистической идеологии и отвечало интересам социалистического государства. Развитие физкультуры и спорта в такой региональной окраине как Хакасия осуществлялось по той же схеме, что и по всей стране. Полное огосударствление, политическая направленность отрицательно влияли на естественное развитие физической культуры. В условиях строительства социалистического государства и капиталистического окружения первостепенное значение приобретала военная подготовка и повышение производительности труда, демонстрация успехов

социалистического строительства, нежели оздоровление и физическое воспитание масс. Оценивая в целом состояние физической культуры и спорта в Хакасской автономной области в начале 1930-х гг., следует отметить, что процесс её развития осуществлялся медленными темпами и в основном сводился к проведению массовых мероприятий, приуроченных к какому-либо празднику или знаменательным датам. Хакасский областной совет физической культуры и спорта не осуществлял должного руководства этой областью. В то же время следует отметить активное развитие национальных видов спорта, в частности, хакасской борьбы «курес». И тем не менее, для Хакасии этот период являлся важным рубежом в развитии физической культуры и спорта, поскольку был получен немалый опыт, сформированный путём преодоления трудностей и достижения успехов в области физкультуры и спорта.

Список литературы:

1. *Соловьёв П.В.* Физическая культура и спорт в социокультурном развитии сибирского города Томска (1920-1041 гг.): автореф... канд ист. наук: 07.00.02/ Соловьёв Павел Владимирович. Томск, 2007. – 26 с.
2. *Суник А.* Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта / Александр Суник. – М.: Советский спорт, 2010. – 615 с.
3. *Сарычева Т.В.* Становление и развитие советской системы физической культуры в Западной Сибири (1920–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Сарычева Татьяна Валерьевна; [Место защиты: ФГА-ОУ ВО Национальный исследовательский Томский гос. ун-т], 2017. – 1000 с.
4. *Асочаков А.Н.* Физическая культура и спорт в Хакасии. Абакан: ООО «Журналист», 2002. – 200 с.
5. *Домогашев О.С.* Влияние октябрьских событий 1917 года на развитие национальных видов спорта /О.С. Домогашев // Вестник Хакасского государственного университета. –2018. №23. – С.66-68.
6. Постановление Президиума ЦИК СССР от 01.04.1930 «Об учреждении Всесоюзного совета физической культуры при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР»/ (Электр. ресурс) //

7. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=esu&n=29030#09418961521842315> (Дата обращения 5.08.2020)

8. Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1987. – 259 с.

9. Протоколы заседаний членов Хакасского областного комитета физической культуры // Государственное казённое учреждение Республики Хакасия (далее – ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф.Р-333. Оп. 1. Д.1.

10. Переписка с краевым советом о проведении спартакиад //ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф.Р-333. Оп.1. Д.6.

11. *Мешалкин П.Н.* Хакасская партийная организация в период борьбы за победу и упрочение социализма (1921-1941 годы // Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1987. – С.44-126.

12. Протоколы заседаний Пленума Хакасского областного совета физической культуры и совещания инструкторов // ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф.Р-333. Оп.1. Д.9.

13. Сведения по проведению массовых мероприятий и спортивного строительства по области.// ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-333. Оп.1. Д.10. Л.27.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Артамонова Надежда Яковлевна,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия.

lazar1918@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artamonova Nadezhda Yakovlevna,

Professor of the Department of Russian History, Khakass State University named after N.F. Katanova,

Doctor of Historical Sciences, Professor,

Abakan, Republic of Khakassia.

lazar1918@yandex.ru

УДК 930.85

**«ПО МЕРЕ СИЛ НАШИХ И ЗНАНИЙ БУДЕМ РАБОТАТЬ...»:
ИЗ ПЕРЕПИСКИ ОСНОВАТЕЛЕЙ МИНУСИНСКОГО И
ЕНИСЕЙСКОГО ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ**

Е.В. Комлева

Аннотация. Анализируется состав и содержание отложившейся в фондах Городского архива Енисейска переписки основателей Минусинского и Енисейского городских общественных музеев Н.М. Мартьянова, Н.В. Скорнякова и А.И. Кытманова. Публикуются шесть сохранившихся писем за 1883-1884 гг., раскрывающих их взгляды на назначение музеев и подход к комплектованию музейных фондов.

Ключевые слова: Минусинск, Енисейск, музеи, Н.М. Мартьянов, Н.В. Скорняков, А.И. Кытманов, эпистолярное наследие.

**“TO THE BEST OF OUR ABILITIES AND KNOWLEDGE,
WE WILL WORK...”: FROM THE CORRESPONDENCE OF THE
FOUNDERS OF THE MINUSINSK AND YENISEYSK CITY
PUBLIC MUSEUMS**

Komleva Evgeniya V.

Abstract. The article analyzes the composition and content of the correspondence of the founders of the Minusinsk and Yeniseysk city public museums N. Martyanov, N. Skorniyakov and A. Kytmanov, which was deposited in the funds of the Yeniseysk city archive. Six surviving letters from 1883–1884 are published, revealing their views on the purpose of museums and the approach to the picking of Museum funds.

Keywords: Minusinsk, Yeniseysk, museums, N. Martyanov, N. Skorniyakov, A. Kytmanov, epistolary heritage.

Волна музейного движения, охватившая Сибирь во второй половине XIX в., стала одним из важнейших событий общественной жизни региона пореформенного периода. Музеи были не просто хранилищами артефактов, местом приятного и познавательного проведения досуга, но «одним из самых могущественных орудий образования» [Адрианов, 1882: 229], настоящими центрами «умственной жизни» [Клеменц, 1892: 24–25], притягивавшими самых образованных людей своего времени, путешественников и учёных. Признанным лидером в этом отношении можно считать городской музей Минусинска, учреждённый по инициативе Николая Михайловича Мартянова в 1877 г. Вскоре – 1 октября 1883 г. по старому стилю – «при довольно значительном стечении народа из различных слоёв общества» [Енисейский общественный музей, 1883: 5] состоялось открытие музея и на севере Енисейской губернии – в Енисейске. В Городском архиве Енисейска сохранились копии некоторых писем основателей Енисейского музея Николая Виссарионовича Скорнякова и Александра Игнатьевича Кытманова, адресованные Н.М. Мартянову, а также одно оригинальное письмо Н.М. Мартянова Н.В. Скорнякову. Эти документы проливают свет на начальный период существования обоих музеев, раскрывают взгляды их создателей на сущность музейного дела, принципы и источники комплектования фондов.

Всего отложилось 21 письмо: одно (без начала) за подписью Н.В. Скорнякова – за 1882 г., 12 (четыре А.И. Кытманова и восемь Н.В. Скорнякова) – за 1883 г., 3 (два И.А. Кытманова, одно Н.М. Мартянова) – за 1884 г., 2 (Н.В.Скорнякова Н.М.Мартянову и И.А. Кытманова «в Минусинский общественный музей») – за 1885 г. и 3 (все за подписью А.И. Кытманова) – за 1886 г. С сохранившейся корреспонденцией работали некоторые исследователи – в частности, она упоминается в трудах Л.П. Бердникова [Бердников], А.В. Аксёновой и Н.В. Гониной [Аксёнова, Гонина, 2017: 194], однако подробного анализа данных источников пока не проводилось. Предлагаем читателям

познакомиться с небольшой частью этого эпистолярного комплекса – пятью текстами, относящимися к 1883 – началу 1884 г. Что касается писем Н.В. Скорнякова и А.И. Кытманова, то нами отобраны те из них, которые максимально выявляют отношение авторов к адресату – Н.М. Мартьянову, подчёркивают оказанную последним поддержку их начинанию, а также затрагивают неприятную для всех троих критику музеев в сибирской периодической печати. Единственное обнаруженное письмо самого Н.М. Мартьянова датировано 11 января 1884 г. и является ответом на послание Н.В. Скорнякова от 28 декабря 1883 г.

Прежде всего, рассматриваемые источники свидетельствуют о крайне уважительном отношении корреспондентов друг к другу, подчёркивают авторитет Н.М. Мартьянова как учёного, организатора и популяризатора науки для основателей Енисейского городского общественного музея. И Н.В. Скорняков, и А.И. Кытманов спрашивали советов Николая Михайловича, сравнивали его опыт с предпринимаемыми ими самими шагами, обменивались с ним литературой и музейными коллекциями. Так, например, в 1883 г. Н.М. Мартьянов прислал в Енисейск ценную коллекцию минералов и флоры [Архив города Енисейска. Ф. Р-6. Ф. 1. Д. 48. Л. 2], а А.И. Кытманов отправил в Минусинский музей 350 растений [АГЕ. Ф. Р-6. Ф. 1. Д. 48. Л. 9]. Насколько важным было это взаимное общение, видно из стремления Н.В. Скорнякова и И.А. Кытманова побывать в Минусинске и своими глазами увидеть, как обстоят дела в местном музее. Н.М. Мартьянов, обращаясь к Н.В. Скорнякову, также писал: «От души рад бы видеть Вас и Вашего многоуважаемого сотрудника А.И. Кытманова в нашем музее и поговорить о многом и многом» [АГЕ. Ф. Р-6. Д. 33. Л. 167об.]. О популярности Н.М. Мартьянова среди сибиряков можно судить и по той высокой оценке его усилий по организации просветительных учреждений, которая высказывалась на страницах «Восточного обозрения» в 1897 г.: «Хотя и говорят, что никто в своей стране не пророк, но это

правило для крупного общественного деятеля Минусинска, Н.М. Мартьянова, представляет исключение. Его с лишком двадцатилетняя деятельность в Минусинске создала ему настолько прочную репутацию, что он остаётся признанным и искренно уважаемым пророком своей страны, население которой не раз давало доказательства этого» [Письмо из Минусинска, 1897: 2]. По словам Л.П. Бердникова, «Мартьянов первым в Енисейской губернии показал, что развитие культуры – это привилегия не только губернских городов, что и здесь, за тысячи вёрст от Москвы и Петербурга, можно жить нормальной цивилизованной жизнью» [Бердников].

Если никто никогда не оспаривал роль Н.М. Мартьянова как организатора музея в Минусинске, то несколько по-иному сложилась ситуация в Енисейске. В одном из писем А.И. Кытманов, опровергая распространявшуюся в прессе информацию, согласно которой имя Н.В. Скорнякова отходило на второй план, обозначает вклад каждого из стоявших у истоков Енисейского музея: «Всё устройство музея, распределение предметов по системам, группам и проч[ее] вёл я один, хозяйственную часть вели Скорняков и я. Но Маркс для устройства музея не сделал решительно ничего: он не видал ни инвентарей, ни хозяйственных книг и ограничивается лишь тем, что иногда заходит в музей» [АГЕ. Ф. Р-6. Ф. 1. Д. 48. Л. 26]. Н.В. Скорняков упоминает о встречах с А.И. Кытмановым, М.О. Марксом и Н.В. Подвысоцким, на которых они обсуждали разные предметы, связанные с организацией музея [АГЕ. Ф. Р-6. Ф. 1. Д. 48. Л. 2]. Надо сказать, что сам Никита Виссарионович, будучи активным и известным общественным деятелем, неоднократно публиковал в различных периодических изданиях информацию о музее. Он призывал всех обладателей каких-либо подходящих экспонатов, имеющих «местный характер», прислать «их в дар енисейскому музею» [Скорняков, 1883: 5]. Это обращение в первую очередь относилось к богатым золотопромышленникам: «Наша золотопромышленность, – писал Н.В. Скорняков, – со своими громадными капиталами, с

людьми сильного ума и воли, пролетела в нашей местной жизни, как метеор, не оставив никакого следа, на который с любовью могло бы оглянуться потомство; поэтому наше воззвание к ним есть скромный голос той страны, в которой они жили и которая, мне кажется, вправе напомнить им о их гражданских обязанностях в отношении к ней. Это была бы небольшая дань с их стороны, но исполнение её указало бы нам, что связь их с их второю матерью, вспоившею и вскормившею, так сказать, их, ещё не разрушилась» [Скорняков, 1883: 5].

Ещё один сюжет, который прослеживается во всех публикуемых письмах, связан с развернувшейся в периодике в начале 1880-х гг. дискуссии о сущности музейного дела и назначении музеев. Надо сказать, что в то время на страницах региональных печатных изданий постоянно мелькали материалы, связанные с местными музеями [См., например: Адрианов, 1882: 229-234]. В основном они носили положительный, оптимистичный характер, всецело поддерживая создание новых просветительных учреждений. Было очевидно, что в интересах науки давно назрела необходимость сохранения и описания природных богатств Сибири и найденных в регионе артефактов [Богданов, 1883: 9]. Однако иногда проскальзывала и критика, причём, порой весьма резкая. Так, в мае 1883 г. в «Сибирской газете» вышла статья, автор которой считал возникновение музея «совершенно искусственным, не коренящимся в реальных потребностях населения... района». Он добавлял, что «проект о музее возник чисто подражательным путём. Инициаторы лишены всех тех качеств, какими располагает г. Мартьянов. Он учёный натуралист, специалист-ботаник; они совершенные дилетанты в деле науки и далеко-далеко не компетентные в её задачах и целях... Что же касается общества, то буквально никакой потребности в чём-либо подобном в нём не замечается, равно как и какой-либо готовности содействовать ему [т.е. музею. – Е.К.] своими средствами». Кроме того, по мнению корреспондента «Сибирской газеты», для Енисейской губернии вполне хватило бы и одного музея – Минусинского, который

«без всякого ущерба для науки мог бы сосредоточивать в себе не только «всё, что производилось и производится природою и человеком» в Минусинском крае, но и в других округах Енисейской губернии». Перед жителями же Енисейска «стоят на очереди более безотлагательные вопросы, чем вопрос о музее»: «всего лишь два начальных (приходских) училища», «наши улицы грязны до отвратительности», «мы пьем мерзейшую воду». «Да мало ли чего у нас нет такого, рядом с чем музей уже только роскошь!» – заключал автор [Сибирская газета. 1883. № 22 (29 мая): 573–575].

Такой подход вызвал возмущение Никиты Виссарионовича Скорнякова, который, после отказа ему редакцией «Сибирской газеты» вступить в полемику на страницах издания, в ноябре того же года опубликовал большую статью в «Восточном обозрении». Н.В. Скорняков обвинял «Сибирскую газету» в непоследовательности и желании «доканать инициаторов» Енисейского музея [Скорняков, 1883: 10]. Он считал, что «при отсутствии на нашей родине учёных учреждений, музеи эти, которые можно скорее и легче всего создать, без особенных денежных затрат, при одном лишь сочувствии и содействии всех и каждого, могут принести значительную пользу, во-первых, как наглядный и разнообразный материал для наблюдений, с целью приобретения знаний по всем отраслям наук и ремёсел [так в источнике. – Е.К.], во-вторых, как одно из лучших учебных пособий для учащихся, в-третьих, как выставки местных произведений промышленности и ремесел, и в-четвертых, как хранилище всего редкого, которое, при отсутствии музеев, могло бы исчезнуть для науки...» [Скорняков, 1883: 9]. Говоря о преимуществах музеев, Никита Виссарионович добавлял: «...Не оспариваю, что школа должна стоять на первом месте; но ведь и музеи, как пособие школе, как учреждение общедоступное и бесплатное, содержание которого может стоить в половину дешевле школы, никогда не будут лишними в настоящее не беспечальное время, и можно быть уверенным, что они будут даже доступнее значительному контингенту

населения, ибо ничего не требуют от народа...» [Скорняков, 1883: 9]. Н.В. Скорняков указывал на общую связь школы с музеем, считая, что они дополняют друг друга: «...первая учит детей, тогда как второй учит ещё и отцов» [Скорняков, 1883: 10]. Наконец, оспаривая тезис корреспондента «Сибирской газеты» о достаточности одного музея на губернию, он писал: «Что касается преимуществ того или другого округа для целей музея, то мы об этом говорить и спорить не будем, потому что для науки все они имеют одинаковое значение, и материала, который производит природа и человек, в каждом округе, при его обширности, будет достаточно для каждого отдельного музея» [Скорняков, 1883: 10].

Переживания Н.В. Скорнякова, связанные с этим спором, нашли отражение в письмах к сочувствовавшему ему Н.М. Мартьянову. В свою очередь, А.И. Кытманов был уверен, что негативные публикации в «Сибирской газете» – «это какая-то личная полемика редакции с Скорняковым» и что «газета должна бы поддержать» организаторов музея «при общем несочувствии и непонимании нового учреждения» [АГЕ. Ф. Р-6. Ф. 1. Д. 48. Л. 12]. О назначении музеев он писал: «Самой главной услугой музеев нужно, по-моему, считать то, что они дают возможность хранить памятники жизни народов и произведения природы, побуждают людей обогащать науку своими вкладками» [АГЕ. Ф. Р-6. Ф. 1. Д. 48. Л. 13].

В 1883 г. критика прозвучала и в адрес Минусинского музея: на страницах той же «Сибирской газеты» в статье о Енисейском музее, который, по мнению автора, «слепо» копировал Минусинский, последний упрекнули в том, что среди экспонатов находились «бутылка Даниловской водки [изготовленной на заводе купцов Даниловых. – Е.К.], свежепросольные огурцы, медовое варенье, колбаса», а также «дрянные изделия» завода купца Гусева. Автор писал: «Минусинску мы советуем выбросить весь это хлам вон и тогда очистится место для др[угих] необходимых предметов, а всем другим музеям посоветуем не делать такой ошибки» [Муль, 1883: 1352].

Николай Михайлович не стал отвечать на эти нападки публично, однако в письме к Н.В. Скорнякову, написанном в январе 1884 г., сформулировал свой взгляд на назначение музеев и главный принцип комплектования фондов: «Наша задача заключается в том, чтобы собрать и сохранить в музее все [подчеркнуто в рукописи. – Е.К.], что производилось (в районе, который обнимает музей) и производится в настоящее время природой и человеком, – это наш идеал» [АГЕ. Ф. Р-6. Д. 33. Л. 166].

Итак, подготовленная выборка писем основателей Минусинского и Енисейского городских общественных музеев раскрывает целый ряд важных аспектов создания и начального периода функционирования этих просветительных учреждений, характеризует трудности, с которыми приходилось сталкиваться энтузиастам. При публикации орфография и синтаксис приведены в соответствие с нормами современного русского языка. Среди авторских особенностей Н.М. Мартьянова следует отметить пропуск знаков препинания или использование вместо них нижнего подчеркивания, наличие в тексте разговорных форм слов («пораход», «дароже», «при дороговизни»), игнорирование «ь» в суффиксах глаголов («менятся», «слушатся»); текст скорее напоминает черновик – вероятно, автор писал его в спешке. Письма Н.В. Скорнякова и А.И. Кытманова в 1930-х гг. были набраны на машинке согласно изменившимся к тому времени правилам орфографии, заверены печатями и подписями секретаря Минусинского музея и направлены в Енисейск; в качестве бумаги использованы плотные цветные обои или обёртка. К сожалению, не всегда указана точная дата написания письма: чаще всего в конце машинописного текста значится «из архива» такого-то года. На некоторых копиях видны рукописные пометки секретаря Минусинского музея, свидетельствующие о тщательной сверке набранных текстов с подлинниками. Между тем, в ряде случаев встречающиеся в текстах писем имена собственные явно подверглись искажению: например, неправильно написана фамилия енисейского купца П.А. Бойлинга (Бойленг, Бойлит), что могло быть как ошибкой наборщика (Бойлит), так

и изначальным искажением (Бойленг), допущенным самим автором письма (Н.В. Скорняковым) и отражающим разговорную речь конца XIX в. А.И. Кытманов, фамилию которого иногда писали через «и» (Китманов), упомянул учёного Ф.Б. Шмидта как «Шмита». Подобные неточности исправлены и оговорены в примечаниях. В большинстве остальных случаев исправления сделаны без оговорок (слитное написание ряда частиц со словами, в том числе «не» с глаголами, игнорирование дефисов в наречиях («по-моему») и другие). Написание слов с заглавных букв преимущественно сохранено как в источниках за исключением некоторой корректировки (например, «Сибирская газета» вместо «Сибирская Газета»). Пропущенные буквы и сокращённые фрагменты слов восстановлены и приведены в квадратных скобках. Слова и части слов, которые не удалось разобрать, заменены многоточием и заключены в квадратные скобки. Деление на абзацы сохранено как в исходных текстах. Названия документов даны нами.

**Документ № 1. Письмо Н.В. Скорнякова
Н.М. Мартьянову с выражением уважения адресату,
об отдельных экспонатах и коллекции П.А. Бойлинга
(24 февраля 1883 г.)**

Многоуважаемый Николай Михайлович,

История Минусинского Музея нераздельно связана с Вашим именем, которое, мне кажется, и даже уверен в этом вполне, не умрёт даже и в том несчастном случае, если музей осиротеет и лишится Вашего сотрудничества; благодаря Вашей счастливой мысли – сделать музей достоянием общества – в среде его всегда должны найтись люди, готовые поддержать его, тем более что сибиряков не оставляет надежда на реформы, на улучшение своей жизни, которая с каждым годом должна ведь выдвигать все более и более деятелей. Ведь Сибирь еще так молода (300 лет от роду) и все светлое еще впереди.

Не примите слова мои за лесть – ей-Богу ее нет, но скажу

Вам откровенно, что Ваше сочувствие и к нашему делу, Ваш быстрый отклик и готовность служить ему нераздельно связывает Ваше имя и с нашим предприятием, и я душевно рад этому и готов уделить почетное место Вам в этой работе. Вот почему я и не благодарю Вас за новые предложения и обещания; благодарность в этом случае должна отойти на задний план, а вместо нее – почетное^а место Вам в нашей музейной работе, и имя Ваше я надеюсь связать с историей и Енисейского музея.

Теперь отвечаю на вопросы Ваши: рогов северного оленя, сохатого, изюбра и допотопного быка нет, но первые два, я думаю, достать и здесь нетрудно. Коллекции Бойлинга^{а,1} целы, но он просит за них дорого – кажется, 2000 рублей, чего дать в настоящее время, при новизне учреждения, когда потребуются много других, более необходимых затрат, невозможно; к тому же, мне кажется, эти редкости не настолько редки, чтоб давать за них такие большие деньги; насколько я помню, Минусинский округ богат курганами и, вероятно, достать их содержимое не будет трудно и впоследствии. Впрочем, в мыслях нашего сотрудника г. Китманова² есть, как мне известно, предположение купить их впоследствии. Библиографию от Вас я получил и очень благодарен за нее. О пострадавших растениях сообщу в другой раз.

Пока до свидания – будьте здоровы и долговечны в Минусе.

Преданный Вам Н.В. Скорняков.

II/24 1883

Енисейск

АГЕ. Ф. Р-6. Ф. 1. Д. 48. Л. 3. Машинописная копия.

Пометы: в конце письма зелёными чернилами по центру С подлинным верно: Секретарь Ток[...] и синяя печать с надписью: «Государственный музей имени Н.М. Мартьянова, город Минусинск Зап.-Сибирск. Края».

^а В оригинале Почетное; ^б испр., в оригинале Бойленга.

Примечания:

¹ Бойлинг Пётр Андреевич (р. 1814) – датчанин (по другим данным, англичанин) по происхождению, томский, ачинский и енисейский купец, собрал крупную археологическую коллекцию (по разным оценкам около 500–800 предметов) [Быконя, Комлева, Погребняк, 2012: 103; Ядринцев, 1887: XIII–XVI].

² Кытманов Александр Игнатьевич (1858–1910) – енисейский купец, один из организаторов Енисейского общественного музея, с 1891 г. в течение 20 лет заведующий музеем. В других источниках конца XIX – начала XX в. (например, в воспоминаниях Ф. Нансена [Нансен, 1915: 252] и некоторых газетных публикациях) также можно встретить написание фамилии Кытманов через «и».

**Документ № 2. Письмо А.И. Кытманова
Н.М. Мартянову о начале переписки и отправке в дар
Минусинскому музею гербария (1883 г.)**

Милостивый государь Николай Михайлович.

В письме к Н.В. Скорнякову Вы выразили желание иметь со мной переписку и, следовательно, познакомиться. С^а величайшим удовольствием пользуюсь случаем выразить Вам свое глубокое уважение, вызываемое Вашей ученой деятельностью, в которой Вы являетесь и отличным специалистом и еще лучшим популяризатором науки, создавши учреждение – местный музей, выше чего еще никто, кажется, из ученых людей в Сибири не создавал. С величайшим удовольствием удовлетворил бы я Вашему желанию – иметь гербарий растений нашего округа, но к сожалению, дубликаты многих растений вышли. многие растеряны во время переезда из Енисейска в Питер и обратно, поэтому могу удовлетворить Вашему желанию лишь отчасти; посылаю Вам с этой почтой растений 200 из нашей флоры. Прошу извинить меня как за незначительность гербария, так и за то, что время не позволило расположить виды систематически. Некоторых растений нет у Вас в «Материалах для флоры Минусинского края»¹, напр[имер], *Anemone reflexa*^{6,2}, *Saxifraga aestivalis*³, с другой стороны, нет многих обыкновеннейших растений округа, напр[имер], *Caltha palustris*⁴, *Delfinium elatium*⁵, [...] ^в, различные виды из

рода *Vaccinium*⁷, *Aconetium*⁸, [...]г и проч[ие]. Летом нынешнего года я предполагаю основательно заняться гербаризацией растений явнوبرачных и, если материала хватит, кое-что написать о них. По мере собирания буду высылать экземпляры и Вам, а пока прошу мои растения принять, как копию в^а ботаническую сокровищницу Вашего музея^с. В наш музей от меня поступает до 350 растений.

С глубоким уважением остаюсь
Ваш покорнейший слуга А. Кытманов

Из арх[ива] 1883 г.

АГЕ. Ф. Р-6. Ф. 1. Д. 48. Л. 9. Машинописная копия.

Пометы: *в конце текста справа зелёными чернилами С подлинным верно: Секретарь Музея Тро[...] и по верх синяя печать Минусинского музея.*

^а *Испр., в оригинале после запятой строчная буква с;* ^б *испр., в оригинале reflexa, здесь и далее латинские названия вписаны зелёной ручкой в специально оставленное в машинописном тексте место;* ^с *одно название на латыни неразборчиво;* ^д *одно название на латыни неразборчиво;* ^е *испр., в оригинале в в;* ^с *испр., в оригинале Музея.*

Примечания:

¹ Имеется в виду следующее издание: Мартьянов Н.М. Материалы для флоры Минусинского края. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1882. 225 с. (Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т. 11, вып. 3).

² *Anemome reflexa* – ветреница отогнутая.

³ *Saxifraga aestivalis* – камнеломка летняя.

⁴ *Caltha palustris* – калужница болотная.

⁵ *Delfinium elatium* – живокость высокая.

⁶ *Mafar themiun* – видимо, ошибка переписчика – растения с таким названием не существует.

⁷ *Vaccinium* – вакциниум.

⁸ *Aconetium* – аконит (борец).

**Документ № 3. Письмо А.И. Кытманова
Н.М. Мартьянову о критике Енисейского музея
в «Сибирской газете» и назначении музеев (1883 г.)**

Милостивый Государь Николай Михайлович.

Вы, вероятно, знаете, каким нападкам подвергался наш музей в «Сибирской газете»^а: это какая-то личная полемика редакции с Скорняковым и Подвысоцким¹, редакция не хочет принять к сведению того, что Подвысоцкий не распорядитель; что Скорняков берет на себя лишь хозяйственную часть, что кроме крошечной коллекции Подвысоцкого музей владеет коллекциями Вашей и моей (имеющей не менее 1000 предметов); что в числе распорядителей я и Маркс², которые готовы участвовать всем, чем только могут. Мне думается, что газета должна бы ^бподдержать нас при общем несочувствии и непонимании нового учреждения, не хотят понять, какое великое учебное пособие будет в музее^б; оно доставит возможность учащимся путем наглядного изучения узнать жизнь своего родного уголка и приобрести знания в образовательном отношении часто более полезные, чем те, которые вынесутся из наших школ: умные и любящие дело преподаватели могут много полезного извлечь в музее для преподавания естествознания, географии, этнографии и истории Сибири. Если принять во внимание развитие здесь горного дела и того обстоятельства, что золотопромышленники знают один только «кварц» – разве можно не желать распространения полных сведений о горных породах. Самой главной услугой музеев нужно, по-моему, считать то, что они дают возможность хранить памятники жизни народов и произведения природы, побуждают людей обогащать науку своими вкладами. В этом отношении чем больше музеев будет учреждено, тем лучше; Минусинский^в музей не может собрать произведения севера Сибири так полно, как Енисейский^г музей и наоборот. Как бы то ни было, газета никогда еще не вдохновила меня, но никогда и не заставляла упасть духом: если хватит сил моих и знаний, я буду участвовать в устройстве музея.

Говорят еще, что мы начали дело с субсидии. Да велика ли субсидия в 200 руб. для музея; да и если бы общество захотело, отдало бы и больше, еще и школ бы открыли и т.д.; устроено же здесь громадное собрание – театр, громадное здание для гимназии.

Списка растений енисейских^д я пока не посылаю Вам: я хочу побольше собрать растений, определить их, и тогда список пошлю Вам вместе с растениями, которых Вам еще не посылал. Вы мне тогда сообщите, верны ли определения.

Книгу соч. Шми[д]та³ получил; нельзя ли ее продержать до конца августа, когда приедет наш пароход, может быть, он привезет окаменелостей и раковин.

С уважением остаюсь покорный слуга Ваш А. Кытманов

Долго не писал, потому что только в пятницу приехал с приисков.

А[лександр] К[ытманов]

АГЕ. Ф. Р-6. Ф. 1. Д. 48. Л. 12, 13. Машинописная копия.

Пометы: в конце письма по центру синяя круглая печать Минусинского музея, рядом слева подпись зелёными чернилами
С подлинным верно: Секретарь Музея Ток[...]

^а *Испр., в оригинале Сибирской газете; ^б напечатано два раза; ^в в оригинале испр. зелёными чернилами поверх печатного «минусинский»; ^г испр., в оригинале енисейский; ^д испр., в оригинале Енисейских.*

Примечания:

¹ Подвысоцкий Николай Валерианович (1851–1902/1906) – сын профессора Казанского университета, с 1875 г. на протяжении 17 лет преподавал математику в учебных заведениях Енисейска и Иркутска, потом уехал из Сибири [<https://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:639259> – дата обращения 15.09.2020].

² Маркс Максимилиан Осипович (1816 – после 1891) – учёный (географ, метеоролог), отбывавший ссылку в Енисейске (приговорён к ссылке в 1866 г. по делу о кружке Н.А. Ишутина), член ИРГО [Шостакович, 2009: с. 324].

³ Шмидт Фёдор Богданович (Фридрих Карл) (1832–1908) – геолог, ботаник и палеонтолог, участник ряда экспедиций на территории Сибири и Дальнего Востока,

в том числе в низовьях Енисея. По всей видимости, в письме речь идёт об одной из работ Ф.Б. Шмидта, опубликованных в «Трудах сибирской экспедиции» ИРГО в 1865–1874 гг. [Энциклопедический словарь, 1908: 738–739].

**Документ № 4. Письмо Н.В. Скорнякова
Н.М. Мартьянову о критике Енисейского музея
«Сибирской газетой», статье автора письма в «Восточном
обзрении» (28 декабря 1883 г.)**

Многоуважаемый Николай Михайлович,

Позвольте, если я не ошибаюсь, принести Вам^a благодарность за присылку каталога Минусинской библиотеки¹, который под бандеролью я имел удовольствие получить, вероятно, ни от кого более, как от Вас. При первом случае и при первой возможности я постараюсь не остаться в долгу перед Минусинскою библиотекой, развитию которой я глубоко сочувствую, тем более что я сам имею удовольствие служить целям подобного же учреждения здесь в Енисейске уже двадцатый год². Будьте любезны, скажите, что стоило Вам печатание этого каталога.

После последнего моего письма к Вам, которыми я имел удовольствие обмениваться с Вами по поводу здешнего Музея, много воды утекло, немало поломано копий и в особенности с почтенною редакцией «Сибирской Газеты», которая вследствие моей последней статье «Нужны ли музеи [в] Сибири», помещенной в «Восточном обозрении»³, даже отвернулась от меня, отказавшись от моего сотрудничества, из чего можете видеть, что дело это обошлось даже не без жертв, к счастью, только с моей стороны, не повредив делу возникшего здесь Музея, который остался неприкосновенным в этой борьбе, встретив, напротив, полное сочувствие в обществе, которое по настоящее время не перестает интересоваться им и посещать его, что Вы можете видеть из заметки о нем, помещенной в 50 номере «Сибири»⁴, газеты, не перестававшей всегда сочувственно относиться к нему. Надо еще Вам сказать, что отказ этот мне

сделал от лица редакции известный Вам Адрианов⁵, нынешний собственник «Сибирской газеты», сам когда-то сочувственно отнесшийся к делу Минусинского музея. Кажется, люди они умные, но, как видно, они не ведают, что творят, и я радуюсь, что их каркания не в силах остановить жизни, она идет своим путем, и в короткое время мы видим возникновение Музеев в Семипалатинске⁶, Омске⁷, Красноярске при учительской семинарии⁸, кажется, в Тобольске⁹, затем в Томске при университете¹⁰, в Иркутске, где построено даже отличное здание для него в Мавританском вкусе¹¹. Это ли еще не доказательства потребности времени, и что значат перед этими фактами брюзжания «Сибирской газеты», которая своей полемикой много уронила себя во мнении интеллигентного общества.

Летом собираюсь посетить Ваш Музей, если только придется быть в Красноярске; приглашаю с собой А.И. Кытманова, который чуть было ныне не уехал к Вам, взяв даже подорожную до Минусинска. Вчера были у меня П.А. Бойлинг^{а,12} и Н.В. Подвысоцкий¹³ и просили меня передать Вам большой поклон. Последний каталог библиотеки от Вас получил. До свидания.

Глубоко преданный^в Вам Н.В. Скорняков

XII/28 1883

АГЕ. Ф. Р-6. Ф. 1. Д. 48. Л. 23. Машинописная копия.

Пометы: *в конце письма синяя печать Минусинского музея, справа от неё зелёными чернилами написано С подлинным верно: Секретарь Музея Тро[...].*

^а Подчеркнуто в оригинале; ^б Испр., в оригинале Бойлит; ^в испр., в оригинале Глубокопреданный.

Примечания:

¹ Минусинская общественная библиотека была основана в 1877 г. при местном музее. В 1883 г. в «Восточном обозрении» о ней была опубликована большая статья,

в которой сообщалось, что к концу 1882 г. библиотека «считала 4513 сочинения в 6373 томах», а также обозначались нужды учреждения [Общественная библиотека в Минусинске, 1883: 3–4].

² Енисейская публичная библиотека была создана Н.В. Скорняковым в 1864 г.

³ Скорняков Н.В. Нужны ли музеи в Сибири? // Восточное обозрение. 1883. № 36 (8 сент.). с. 9–10. В статье ведется полемика с публикациями «Сибирской газеты», размещенными в № 22 и 27 за 1883 г. В конце приводится мнение Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина: «...самый спор здесь едва ли допустим. Полезно и то, и другое, так как одинаково служит образованию общества. Чем разнообразнее будут образовательные учреждения, тем лучше» [Восточное обозрение. 1883. № 36 (8 сент.): с. 11].

⁴ Имеется в виду небольшая заметка в рубрике «Корреспонденции», написанная, очевидно, самим Н.В. Скорняковым: «С самого открытия здешний музей не перестает привлекать многочисленную публику, которой в течение месяца перебивало в нём не менее 2000 человек, в среде посетителей много рабочего народа, доступ которому, при бесплатном входе, возможен. Сочувствие же музею, со времени его открытия, выразилось в многочисленных приношениях, цифра которых, в течение одного месяца, достигла до 200 предметов и, кроме того, многие положительно обещали свое содействие в будущем, высказывая такого рода приятную мысль, что «теперь-де мы будем собирать все интересное, на которое ранее не обращали внимание». Мальчики и простой народ и те несут кое-что. Барон Аминов пожертвовал кольчугу, найденную в остяцкой могиле на водоразделе рек, текущих в Обь и Енисей и в будущем обещал своё содействие. Одним словом, сочувствие к музею полное; к сожалению, только денежные средства его очень скудны в настоящее время, вследствие чего отдел производств и промыслов ещё очень беден» [Сибирь. 1883. № 50 (11 дек.): 4].

⁵ Адрианов Александр Васильевич (1854–1920) – сибирский учёный, общественный деятель, последователь областников.

⁶ Музей в Семипалатинске открылся в 1883 г. по инициативе политических ссыльных и членов местного Статистического комитета.

⁷ В Омске музей был учреждён в 1878 г. при Западно-Сибирском отделе ИРГО.

⁸ Красноярский музей при учительской семинарии в 1870-х гг.

⁹ Тобольский музей основан в 1870 г. при Губернском статистическом комитете.

¹⁰ Томский музей – Музей археологии и этнографии Томского университета, основанный в 1882 г.

¹¹ Иркутский музей – один из старейших музеев Сибири, основанный в 1782 г. В письме Н.В. Скорнякова имеется в виду торжественное открытие музея 6 октября 1883 г. в новом здании, построенном после сильного пожара 1879 г.

¹² Бойлинг П.А. – см. примечание 1 к документу № 1.

¹³ Подвысоцкий Н.В. – см. примечание 1 к документу № 3.

**Документ № 5. Письмо Н.М. Мартьянова
Н.В. Скорнякову о библиотечном каталоге,
публикациях «Сибирской газеты» и назначении музеев
(11 января 1883 г.)**

Многоуважаемый Никита Виссарионович.

Печатание каталога библиотеки обошлось нам очень дешево – благодаря участию кн. А. Кропоткина¹ и Е.В. Корша². Мы заплатили только за бумагу, брошюровку, да еще кое-какие мелкие расходы – всего около 60 руб. ^аМежду тем как^а печатали дороже^б. Я узнал от одного специалиста, что в Сибири при дороговизне^б наборщиков и при других условиях печатание 300 экземпляров обошлось бы не дешевле 220 руб. Не желаете ли меняться^г дублетами Вашей библ[иотеки] на дублеты нашей, которые в каталоге обозначены двойными NN? Красноярская библиотека согласилась меняться, но я еще не получил от них каталога дублетов. На заметку в «Сибирской газете» об местном отделе М. Муля³ я не думаю отвечать. Если газета желает быть нашей руководительницей, то ей следует напечатать подробнейшую программу, что д[олжно] б[ыть] в местных музеях – по крайней мере, указать на сомнения руководства по этому предмету; в таком только случае мы можем руководствоваться их мнением, а пока она этого не сделала, то я не вижу основания, почему она права, а мы нет. Наша задача заключается в том, чтобы собрать и сохранить в музее все^д, что производилось (в районе который обнимает музей) и производится в настоящее время природой и человеком – это наш идеал^е. Если слушаться^ж всех (кого вздумаешь, не потрудившись и не глубоко задумавшись) и выбрасывать материал музейный, тогда и незачем и собирать его и устраивать музей: одному не нравятся заводские продукты, другому горные породы и т.д. Не^з дело хранителя музея судить о качествах производства Гусевского завода – все равно, что библиотекарь не [...]ток^и книг библиотеки. Если строго разбирать^к, какие из продуктов^л действительно русские, а какие завозятся у нас в России, то мне думается, что и ^мположенному

числу^м музеев русск[...]»^н в Петербурге и Москве, пришлось бы с многим расстаться^о, если бы он выполнял все желания «Сиб[ирской] газ[еты]».

Все это я пишу лично к Вам, не имея в виду мнения эти развивать в газете. Местный музей, как Вам известно, возник за^п несколько^р лет до «Сибирск[ой] газ[еты]», и Ваш музей возник без ее^с участия, поэтому по мере сил наших и знаний будем работать над улучшением и обогащением их, не пускаясь в бесплодную полемику.

От души рад бы видеть Вас и Вашего многоуважаемого сотрудника А.И. Кытманова в нашем музее и поговорить о многом и многом. Если пароход^т будет [...]»^у между Красноярском и Енисейском, то это бы и не могло обойтись очень дорого. Передайте мой поклон многоуважаемым П.А. Бойлингу⁴, А.И. Кытманову, М.О. Марксу⁵ и Н.В. Подвысоцкому⁶.

Глубоко уважающий^ф Вас Н[иколай] Мартьянов
Минусинск, 11 января 1884 г.

АГЕ. Ф. Р-6. Д. 33. Л. 166–167 об. Подлинник.

Пометы: на первом листе сверху слева Пол[учено] 18/1 84 и ниже по центру № 105.

^{а-а} зачёркнуто; ^б испр., в ркп. дароже, далее зачёркнуто Мы; ^в испр., в рук. дороговизни; ^г испр., в ркп. здесь и далее меняются; ^з здесь и далее подчёркнуто в ркп.; ^д далее зачёркнуто Для одних; ^ж испр., в ркп. слушаются; ^з далее зачёркнуто наше; ^и несколько букв неразборчивы; ^к далее зачёркнуто что; ^л далее зачёркнуто округа; ^{м-ч} неразборчиво; ^н вставлено над строкой, несколько букв неразборчивы; ^о испр., в ркп. разстатся; ^п далее зачёркнуто много; ^р написано над строкой; ^с испр., в ркп. ея; ^т испр., в ркп. пораход; ^у одно слово неразборчиво; ^ф испр., в ркп. Глубокоуважающий.

Примечания:

¹ Кропоткин Александр Алексеевич (ум. 1886) – князь, служил на военной и гражданской службе, в 1874 г. арестован из-за переписки с П.Л. Лавровым и в следующем году сослан в Минусинск, в 1882 г. переведён в Томск, сотрудничал в «Сибирской газете» [Деятели революционного движения, 1930: 685–686].

² Корш Евгений Валентинович (1852–1913) – юрист и адвокат, участник «Земли и воли», в 1880 г. осуждён за растрату и сослан в Томск, сотрудничал с издававшейся здесь «Сибирской газетой» [Деятели революционного движения, 1930: 657].

³ Имеется в виду статья «Кое-что об Енисейском музее», опубликованная в № 52 «Сибирской газеты» за 1883 г.

⁴ Бойлинг П.А. – см. примечание 1 к документу № 1.

⁵ Маркс М.О. – см. примечание 2 к документу № 4.

⁶ Подвысоцкий Н.В. – см. примечание 1 к документу № 3.

**Документ № 6. Письмо А.И. Кытманова
Н.М. Мартьянову о гербарии, желании посетить
Минусинск, устройстве при Енисейском музее библиотеки,
высказываниях «Сибирской газеты»
об основателях музея (1884 г.)**

Милостивый Государь Николай Михайлович.

Извините, что я ошибкой послал Вам вместе с енисейскими растениями анемоне *hepatica*^{a,1}: она попала случайно, выпала из гербария петербургского округа. Анемоне *reflexa*² и другие просимые Вами виды, если в гербарии найдутся лишние, pošлю Вам. Анемоне *ranunculoides*³ я знаю хорошо, анемоне *reflexa*, кажется, резко отличается своими отогнутыми частями цветка.

Бывши в Томске зимой, я решил окончательно завернуть к Вам и поучиться дня три у Вас, взял даже подорожную, но одно письмо из Енисейска заставило изменить мое намерение; впоследствии очень жалел о том, что не пришлось побывать у Вас: чувствую, что громадную пользу извлек бы из этого посещения. Теперь думаю, не удастся ли съездить летом к Вам. Напишите мне, когда будет время, отправитесь ли Вы на экскурсию и когда Вас можно застать в Минусинске.

Я и Скорняков подали в думу доклад об устройстве в Енисейске при музее общественной библиотеки¹, для чего имеется в виду до 500 книг (сочинений). Чем порешит дума и какие правила примет библиотека, я сообщу Вам подробно. В «Сибирской газете», вероятно, будут писать об этом, но ей не особенно доверяйте⁶ относительно музея. Корреспонденты ея⁸, как видно, почему-то озлоблены против Скорнякова и почему-то выставляют заслуги Маркса². Напр[имер], говорится, что музей благодаря

стараниям Маркса и Кытманова устроен удовлетворительно. Это вопиющая несправедливость. Все устройство музея, распределение предметов по системам, группам и проч[ее] вел я один, хозяйственную часть вели Скорняков и я. Но Маркс для устройства музея не сделал решительно ничего: он не видал ни инвентарей, ни хозяйственных книг и ограничивается лишь тем, что иногда заходит в музей. Я уважаю Маркса, как метеоролога и как образованного очень человека, но из этого ведь не следует, что он изобрел и порох. Газета здесь оказала Марксу медвежью услугу, ему бы следовало, по-моему, заявить в газету, что не он, а Скорняков был вместе со мной устроителями музея.

Посылаю Вам сочинения Шми[д]та³, кое-что извлек; извините, что держал долго. Не можете ли Вы послать мне ненадолго книги Латкина⁴, описание приисков по р. Енашимо⁵.

Глубоко уважающий^г Вас

А. Кытманов

Из арх[ива] 1884 г.

АГЕ. Ф. Р-6. Ф. 1. Д. 48. Л. 25, 26. Машинописная копия.

Пометы: в конце письма внизу по центру зелёными чернилами С подлинным верно: Секретарь Музея Ток[...] и синяя печать Минусинского музея.

^а Здесь и далее латинские названия вписаны зелёными чернилами в специально оставленное в машинописном тексте место; ^б написано зелёными чернилами сверху зачёркнутого доверяется; ^в испр., в оригинале ея; ^г испр., в оригинале Глубокоуважающий.

Примечания:

¹ *Anemone hepatica* – печёночница благородная.

² *Anemone reflexa* – ветреница отогнутая.

³ *Anemone ranunculoides* – ветреница лютиковидная.

⁴ Библиотека в Енисейске была открыта в 1884 г.

⁵ Маркс М.О. – см. примечание 2 к документу № 4.

⁶ Шмидт Ф.Б. – см. примечание 3 к документу № 3.

⁷ Латкин Николай Васильевич (1833–1904) – красноярский купец, золотопромышленник, член Красноярского подотдела ИРГО, автор ряда работ о Енисейской губернии. В частности, в 1869 г. была опубликована его книга «Очерк

Северной и Южной систем золотых промыслов Енисейского округа», которая, вероятно, и заинтересовала А.И. Кытманова [Быконя, Комлева, Погребняк, 2012: 190–191].⁸ р. Енашимо – приток р. Теи (бассейн Енисея).

Список литературы:

1. [Адрианов А.В.]. Минусинский публичный местный музей // Сибирская газета. 1882. № 10 (7 марта). С. 229–234.
2. *Аксёнова А.В., Гонина Н.В.* Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города. Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2017. С. 194.
3. *Бердников Л.П.* Из истории городских библиотек Енисейской губернии // <https://www.region.krasu.ru/node/301> (дата обращения: 17.07.2020).
4. *Богданов М.* Несколько слов о деятельности сибирских учёных заведений // Восточное обозрение. – 1883. № 12 (24 марта). – С. 9–10.
5. *Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И.* Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 316 с.
6. Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь: в 5 т. – М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. – Т. 2. Семидесятые годы / сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. – 219 с.
7. Енисейский общественный музей // Восточное обозрение. – 1883. № 46 (17 нояб.). – С. 5.
8. *Клеменц Д.* Местные музеи и их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник. – 1892. Вып. 2. – С. 24–25.
9. [Муль М.]. Кое-что об Енисейском музее // Сибирская газета. – 1883. № 52 (25 дек.). – С. 1351–1353.
10. *Нансен Ф.* В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. – Петроград: Изд. К.И. Ксидо, 1915. – 454 с.
11. Общественная библиотека в Минусинске // Восточное обозрение. – 1883. № 48 (1 дек.). – С. 3–4.
12. Письмо из Минусинска (Н.М. Мартьянов и его непосильные труды) // Восточное обозрение. – 1897. № 68 (8 июня). – С. 2–3.
13. Сибирская газета. – 1883. № 22 (29 мая). – С. 573–575.
14. [Скорняков Н.В.]. Енисейский общественный музей // Восточное обозрение. – 1883. № 46 (17 нояб.). – С. 5.

15. *Скорняков Н.В.* Нужны ли музеи в Сибири? // Восточное обозрение. – 1883. № 36 (8 сент.). – С. 9–10.

16. *Шостакович Б.С.* Маркс Максимилян (Максимилиан Осипович) // Историческая энциклопедия Сибири: в 3-х т. – Новосибирск, 2009. – Т. II. – С. 324

17. Энциклопедический словарь / под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского; изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1908. – Т. XXXIXA (78). – 494 с.

18. *Ядринцев Н.М.* Отчёт о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ // Записки Русского археологического общества. – 1887. Т. III. – С. XIII–XVI.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Комлева Евгения Владиславовна,

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

Института истории Сибирского отделения

Российской академии наук,

г. Новосибирск, Россия.

E-mail: feodal@history.nsc.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Komleva Evgeniya Vladislavovna,

Candidate of Historical Sciences,

Senior Researcher, Institute of History

of the Siberian Branch on the Russian

Academy of Sciences,

E-mail: feodal@history.nsc.ruE.B.

УДК 94 (571)

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАССЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН ЮГА
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ МИНУСИНСКОГО ОКРУГА (УЕЗДА))**

Е.В. Леонтьев

В статье рассматриваются изменения в расселении основных групп крестьян Минусинского округа (уезда), произошедшие в конце XIX – начале XX в. в условиях массового водворения переселенцев из Европейской России. Определены количество, месторасположение и состав жителей вновь появившихся в этот период поселений. Предпринята попытка локализовать в пределах рассматриваемой территории районы, различавшиеся соотношением долей местного и пришлого населения. Сделан вывод о том, что, способствуя заселению и колонизации периферийных районов Минусинского уезда, приток мигрантов вызвал уплотнение сети поселений и рост демографического давления в ранее обжитых его местах.

Ключевые слова: миграция, сеть поселений, старожилы, переселенцы, население, крестьяне

**TO THE CHARACTERISTIC OF RESETTLEMENT OF THE
PEASANTS IN THE SOUTH OF ENISEY PROVINCE AT THE
END OF 19TH- AT THE BEGINNING OF 20TH CENTURIES
(ACCORDING TO THE MATERIALS OF MINUSINSK DISTRICT)**

E.V. Leontev

In this article it is considered changes in resettlement of main peasant groups of Minusinsk district, which took place at the end of 19th- at the beginning of 20th centuries in conditions of mass placement of immigrants from European Russia. It is determined number, location

and structure of people, who began to live in new settlements. It is done an attempt to localize in this territory regions, which were different from each other according to the fact of number of local and newcomers. It is done conclusion that immigrants who settled and colonized peripheral regions of Minusinsk region influenced increase of settlements and growth of demographic pressure in those places which were settled earlier.

Key words: migration, chain of settlements, the old timers, immigrants, population, peasants

В конце XIX – начале XX в. переселение из-за Урала явилось фактором, преобразившим природный, социально-экономический и этнокультурный ландшафт большинства регионов Южной Сибири. На глазах одного поколения людей сложившийся в предыдущий период мир сибирской деревни претерпел значительные изменения: он стал более тесным и многолюдным, в нем выросло значение денег и рыночной конъюнктуры, заметно усилилось имущественное расслоение, а вольные захваты земель уступили место фиксированному землепользованию и аренде сельскохозяйственных угодий. Повсюду теперь можно было встретить обычаи, обряды, приёмы ведения хозяйства, завезённые из разных уголков России. Несмотря на интенсивный культурный обмен, носители их – уроженцы какой-либо одной губернии-уезда сохраняли свою идентичность перед лицом *иноэтнического* окружения [Быконя, Фёдоров, 2012: 125]. Изучение этих изменений является перспективным для современной историографии, и необходимым шагом к началу или продолжению такой работы можно считать пространственный анализ процесса заселения регионов края [Владимиров, 2005]. Настоящая статья обобщает результаты исследования, полученные на материале Минусинского округа (уезда) Енисейской губернии. Перед нами стояла задача выяснить, как отразилось водворение новосёлов на развитии сети поселений и расселении основных групп местных крестьян в 1893 – 1917 гг. Источниками работы послужили опубликованные данные сельскохозяйственной пе-

реписи 1917 г., (в т.ч. о количестве хозяйств старожилов и переселенцев в селениях), списки населённых мест и карты Минусинского уезда конца XIX – начала XX в. Электронную основу для пространственного отображения изучаемых процессов составила копия карты Переселенческого управления за 1912 г.

Миграция и численность населения

Таблица 1

Численность населения и населённых пунктов Минусинского округа (уезда): 1893 – 1917 гг.*

	1893 г.	1901 г.	1907 г.	1910 г.	1917 г.
Количество сёл, деревень и посёлков**	211	236	254	303	353
Количество жителей	108579	137534	170231	206475	249349
% среднегодового прироста населения в предыдущий период	-	3.81	3.96	5.32	3.46

*Подсчитано в границах 30-ти волостей уезда по административно-территориальному делению на 1917 г., без учёта Аскизского, Усть-Абаканского, Усть-Фыркальского, Сейского и Таштыпского сельских обществ. Источники: Статистика Российской империи. Т. 29. Волости и населённые места 1893 г. Вып. 11. Енисейская губерния. СПб., 1895. Памятная книжка Енисейской губернии на 1900 г. Красноярск, 1900 г. С. 65.; Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 г. Красноярск, 1909 г. С. 25 – 30.; Список населённых мест Енисейской губернии. Красноярск, 1911. Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края по данным сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. и другим исследованиям 1916 – 1919 гг. Красноярск, 1921. С. 72 – 94.

** без заимок, хуторов, мельниц, односельий и др. малодворных селений.

Согласно официальной статистике, за неполные четверть века с 1893 по 1917 гг. численность некоренного сельского населения Минусинского округа (уезда) увеличилась в 2.3 раза (табл.1). Большая часть этого прироста (56.20%) сложилась в последние

десять лет, среди которых, особенно, выделялся своими темпами период 1907 – 1910 гг. В эти годы население росло с наибольшей интенсивностью, – в среднем ежегодно на 5.32%.

По приблизительным подсчётам, сальдо миграции – разность между количеством прибывших и выбывших, занимало в совокупном приросте населения округа (уезда) в 1893 – 1917 гг. около 70 %, что в абсолютном исчислении даёт цифру, равную примерно 100 тыс. чел.; на предреволюционное десятилетие из этой цифры приходится не менее половины (при условии, что величина естественного прироста населения составляла ок. 1.5% в год – *прим. авт.*). Это, вероятно, была самая крупная миграция в регионе за всю его предыдущую историю.

Развитие поселенческой структуры

В 1893 – 1917 гг. в Минусинском округе (уезде) были основаны 149 новых посёлков (в т.ч. 99 в 1907 – 1917 гг.). При проведении переписи 1917 г. они составили более 40% поселений, имевших административный статус села или деревни. Согласно В.В. Звереву, в Томской губернии аналогичный показатель к 1912 г. равнялся 24.2%, в Тобольской – 12.9% [Зверев, 2007: 140]. Но при его подсчёте, автор, очевидно, использовал данные о количестве всех земледельческих поселений, включая хутора и заимки. Если мы поступим аналогичным образом, процент переселенческих посёлков среди поселений 30-ти обследованных волостей Минусинского уезда в 1917 г. снизится до 36.34. Жителями этих посёлков являлись 57394 чел. обоёго пола, – 23.02% от численности некоренного населения; абсолютное большинство (98.41 %) их были переселенцы [подсчитано по: [Списки населённых мест, 1924: 72-94].

Во вновь колонизируемых районах новые поселения в основном располагались по берегам таёжных рек Сисим, Убей, Казыр, Кизир, Амыл, Кебез, а также верховья Ирбы и Шуши (правые притоки Тубы). На ранее освоенной территории переселенцы чаще всего селились севернее Тубы и в степном междуречье Енисея и Абакана.

Таблица 2

Количество новых деревень в лесостепной и подтайжной зонах
Минусинского уезда (округа): 1859 – 1917 гг.*

Период	Степь – лесостепь		Тайга – подтайга		Всего:	
	Число селений	Количество жителей	Число селений	Количество жителей	Число селений	Количество жителей
1859 – 1893 гг.	14	4706	42	11223	56	15929
1893 – 1907 гг.	12	7293	38	11847	50	19140
1907 – 1917 гг.	49	18242	50	12692	99	30934

*Подсчитано по тем же данным, что и таблица 1, а также: Енисейская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 г. СПб., 1864. Границы ландшафтных зон на территории уезда определены согласно указаниям П.А. Аргунова. Аргунов П.А. Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог Минусинского музея. Казань, 1892. С. 33.

По сравнению с предыдущими десятилетиями, развитие сети земледельческих поселений в регионе в эти годы имело следующие особенности: прежде всего, резко увеличилась интенсивность сёлообразования. В 1859 – 1893 гг. в округе ежегодно появлялись в среднем 1-2 новые деревни, в 1893 – 1907 гг. – 3-4, в 1907 – 1910 гг. – 12, 1910 – 1917 гг. – 8. Всего с 1893 по 1917 г. в пределах обследованной территории возникло почти такое же количество поселений, что и в предыдущий период с начала русской колонизации до 1859 г. (соответственно 149 и 148).

Во-вторых, изменилось распределение новых поселений по районам с разными природно-экономическими, ландшафтными условиями (табл. 2). До начала столыпинских миграций структура аграрного расселения здесь развивалась преимущественно «вширь» от старонаселенного лесостепного центра в долине Енисея к расположенным на его периферии предгорным

районам Восточного и Западного Саян. $\frac{3}{4}$ деревень, возникших в 1859 – 1907 гг., располагались во вновь осваиваемой подтаежной зоне. В период реформ это движение продолжилось, но его гораздо активнее, чем раньше сопровождало уплотнение селитебной сети в центральной лесостепной части уезда. Почти половина «стольпинских» посёлков возникли в обжитых местах среди старожильческих общин и рядом с улусами хакасов. Впервые с середины XIX в. селообразование в этих районах было не менее интенсивным, чем на вновь осваиваемых территориях вблизи тайги.

Расселение новосёлов

Прибывавшие в Сибирь крестьяне делились в местах своего водворения на две неравные категории: 1. одни, получив причисление или без такового, селились в деревнях старожилов; 2. другие на предварительно отведённых для них переселенческих участках. Проследить на основе имеющейся у нас информации, количественное соотношение данных групп новосёлов в Минусинском уезде, к сожалению, нельзя. Можно лишь с известной долей осторожности полагать, что в течение рассматриваемого периода оно менялось в пользу последних. На это указывает изменение отношения количества жителей вновь появившихся посёлков к величине механического прироста населения уезда. В 1893 – 1906 гг. оно составляло 47.38%, а в последующие десять лет – 57.73% [подсчитано по: [Списки..., 1921; Статистика Российской империи, 1895; Памятная книжка, 1900; 1909; Список населённых мест, 1911]. Поскольку в посёлках, основанных после 1893 г., жили только переселенцы (98.41 % жителей), а миграция крестьян за пределы уезда была незначительной, приведённые показатели, очевидно, свидетельствуют об увеличении доли новоселов, водворявшихся на переселенческих участках.

Согласно официальному отчёту, к 1909 г. лишь 1/3 (34.4%) прибывших с начала реформы крестьян в Минусинском уезде проживали в деревнях старожилов [Баранцева, 2011: 32]. Но в целом за весь рассматриваемый период доля таких мигран-

тов была значительно больше. Так, при проведении переписи 1917 г. более половины переселенческих хозяйств (10834) были зарегистрированы в деревнях, возникших до 1859 г. Наибольший наплыв мигрантов испытывали старожильческие селения, расположенные непосредственно по берегам Енисея и в среднем течении рек Ерба, Туба и Сыда, (территории Знаменской, Абаканской, Беллыкской, Белоярской, Шалоболинской и Мало-Минусинской волостей). Эти районы в конце XIX в. П.А. Аргунов относил к числу преимущественно животноводческих по типу хозяйства [Аргунов, 1892: 101]. В то же время наиболее плодородные и освоенные в земледельческом отношении волости между Енисеем, Тубой и Амылом имели в условиях миграции сравнительно умеренный прирост населения, среди их жителей по-прежнему преобладали потомственные сибиряки. Например, в Восточенской, Лугавской, Тесинской, Кочергинской и Тигрецкой волостях старожилам принадлежали 73.46% (2889) крестьянских хозяйств [подсчитано по Списки..., 1921: 80, 86 – 88, 94 – 96].

Несмотря на интенсивное водворение мигрантов, старожилы, как правило, сохраняли численное превосходство в составе своих общин. В 1917 г. 2/3 их жили в деревнях, каждая из которых отдельно имела в составе своего населения не более 30% дворов новоселов. Всего таких деревень было 144 – 35.12% от общего количества поселений уезда без учёта хуторов, выселок и заимок. Преимущественно или чисто «российскими» являлись 196 селений – 47.80%, в них находились 58.96% хозяйств новосёлов [подсчитано по: [Списки..., 1921: 72 – 94].

Таким образом, основные массивы старожилов и переселенцев в Минусинском уезде были расселены обособлено друг от друга, составляли общества, доминирующее положение в которых имели представители *своего же* окружения, местного или пришлого.

Нанесение полученных показателей на карту свидетельствует о том, что концентрация переселенцев и потомственных сибиряков в пределах изучаемой территории существенно варьирова-

ла, образуя локальные районы, различавшиеся удельным весом данных групп населения. Всего можно выделить 11 таких районов, три из которых, – Амыло-Тубинский, Южно-Енисейский и Чулымо-Енисейский (названия условные по течению основных рек – *прим. авт.*) будут являться преимущественно старожильческими по составу жителей, два, – Ойский и Сыдо-Ербинский – смешанного расселения, и оставшиеся шесть (Притубинский, Абаканский, Кизыр-Казырский, Верхне-Кебежский, Ирбинский и Убей-Сисимский – в основном переселенческими. В районах с преимущественно старожильческим населением доля переселенцев не превышала 23 – 25%; здесь было сосредоточено 55.79% хозяйств потомственных жителей уезда. В местах компактного водворения мигрантов старожилов либо не было вовсе (Абаканский район – 0.0%, Убей-Сисимский – 0.93%), либо они представляли там значительно меньшую часть жителей, – от 18 до 29% [подсчитано по: [Списки..., 1921: 72 – 94].

Заключение

Водворение крестьян-мигрантов из Европейской России вызвало в Минусинском уезде в конце XIX – начале XX в. резкое увеличение численности сельских поселений. Расширение сети аграрного расселения сопровождалось значительным уплотнением её в центральной старонаселённой части уезда. Поэтому, несмотря на дальнейшую колонизацию лесных периферийных районов, миграция способствовала усилению демографического давления в ранее освоенных обжитых местах. Относительно компактное размещение значительного числа переселенцев на специально отведённых для них участках способствовало образованию в пределах изученной территории множества локальных районов, различавшихся соотношением долей пришлого и местного населения. Такое мозаичное расселение препятствовало «размыванию» старожилов как этнографической группы, и сформировало очаги устойчивого бытования вновь привнесённых переселенцами культурных традиций.

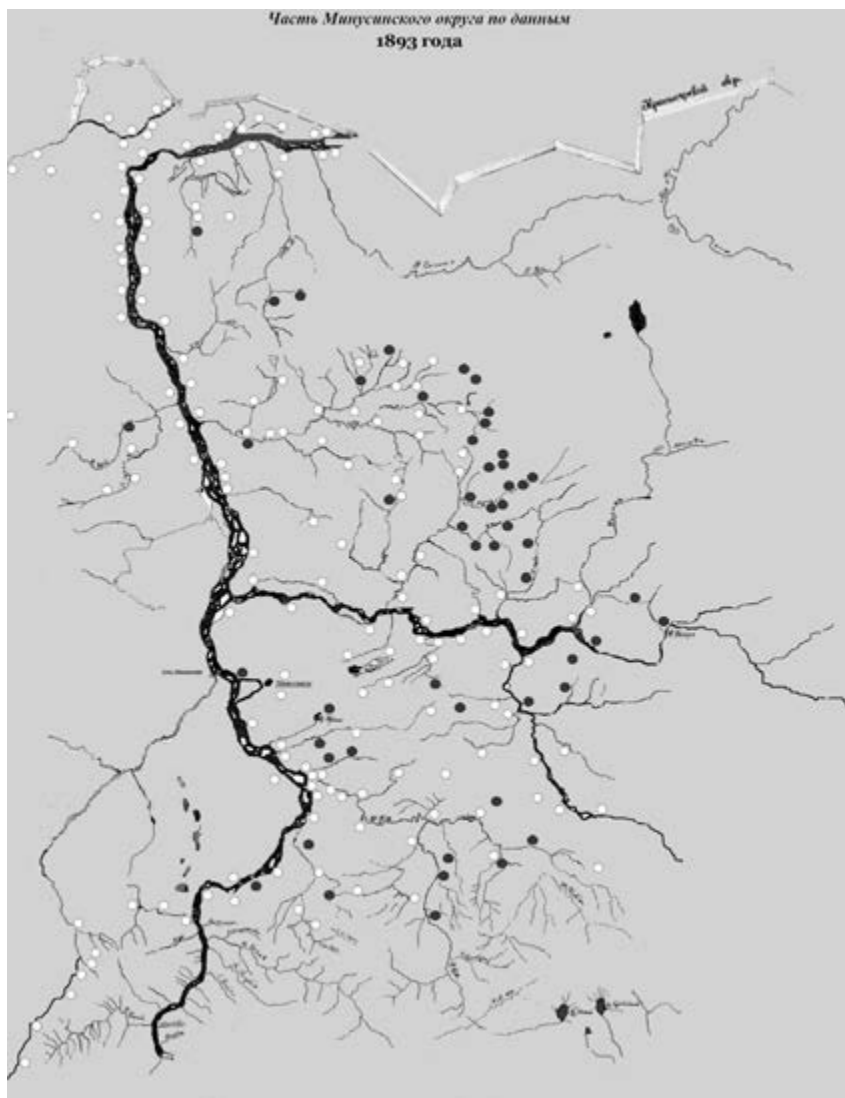
Литература и источники:

1. *Багашев А.Н., Федоров Р.Ю.* Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири// «Археология, этнография и антропология Евразии» 2012. № 3. С. 124 – 129.
2. *Владимиров В.Н.* Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 192.
3. *Зверев В.В., Татарникова А.И.* Формирование сети переселенческих посёлков в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // IV Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: Сб. науч. тр. Барнаул, 2007. С. 133 – 134.
4. Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края по данным сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. и другим исследованиям 1916 – 1921 гг. Красноярск, 1921.
5. Статистика Российской империи. Т. 29. Волости и населённые места 1893 г. Вып. 11. Енисейская губерния. СПб., 1895.
6. Памятная книжка Енисейской губернии на 1900 г. Красноярск, 1900. С. 34.
7. Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 г. Красноярск, 1909. С. 25 – 30..
8. Список населённых мест Енисейской губернии Красноярск, 1911.
9. *Баранцева Н.А.* Этносоциальные и этнодемографические процессы на юге Средней Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2011. – 206 с. С. 32.
10. *Аргунов П.А.* Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог Минусинского музея. Казань, 1892. С. 26, 102.

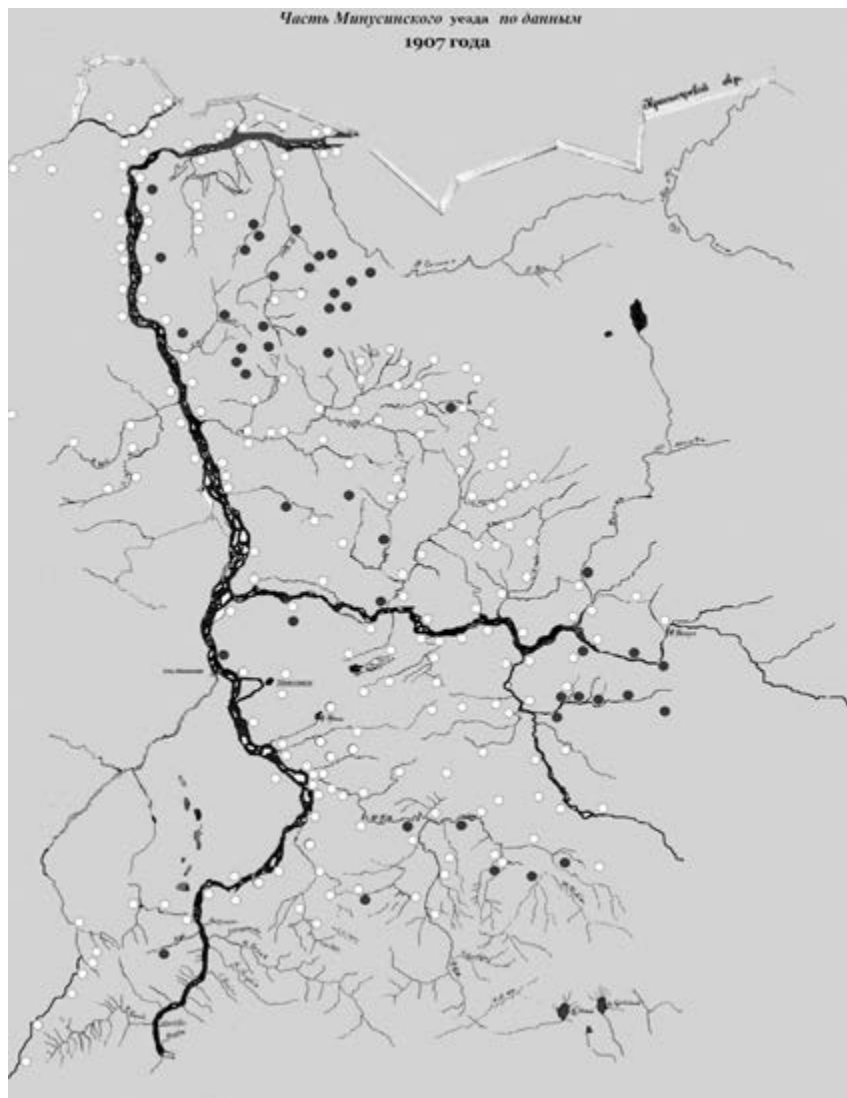
**Карты-схемы: развитие поселенческой структуры
Минусинского округа (уезда): 1859 – 1917 гг.**

– новые села и деревни, появившиеся в данный период.

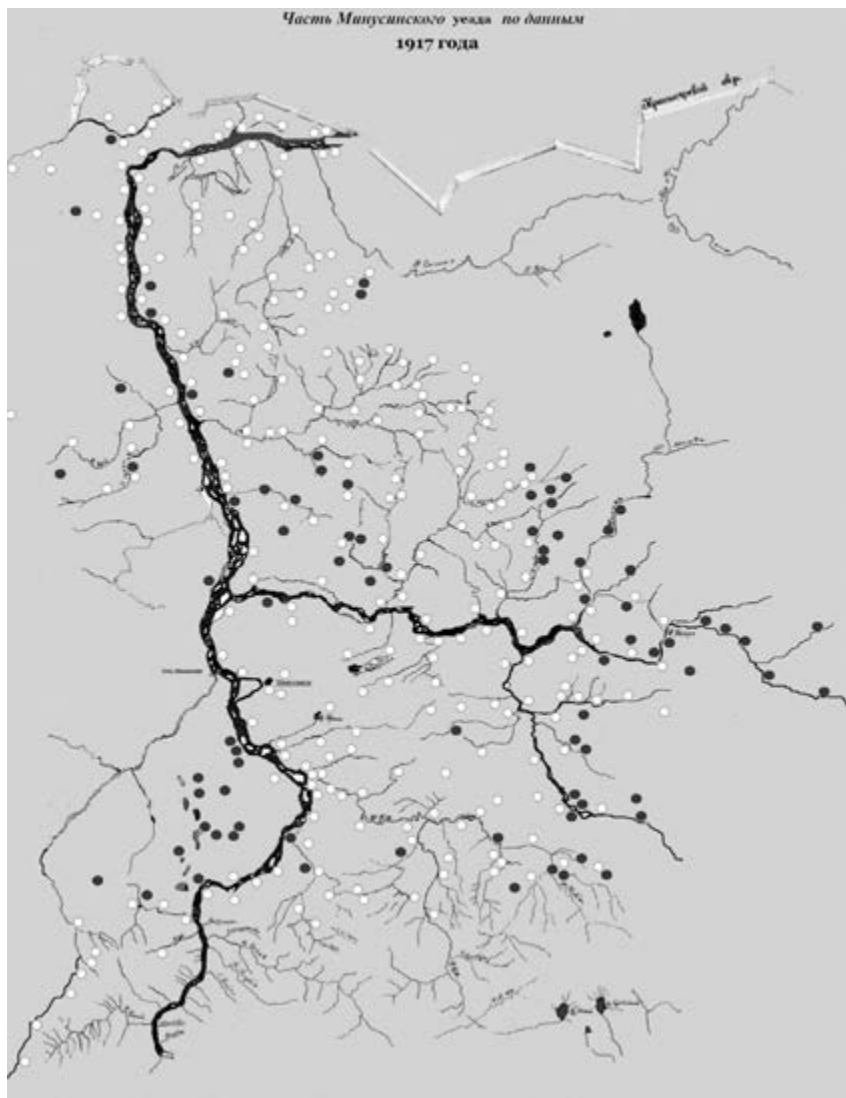
1859 – 1893 гг.

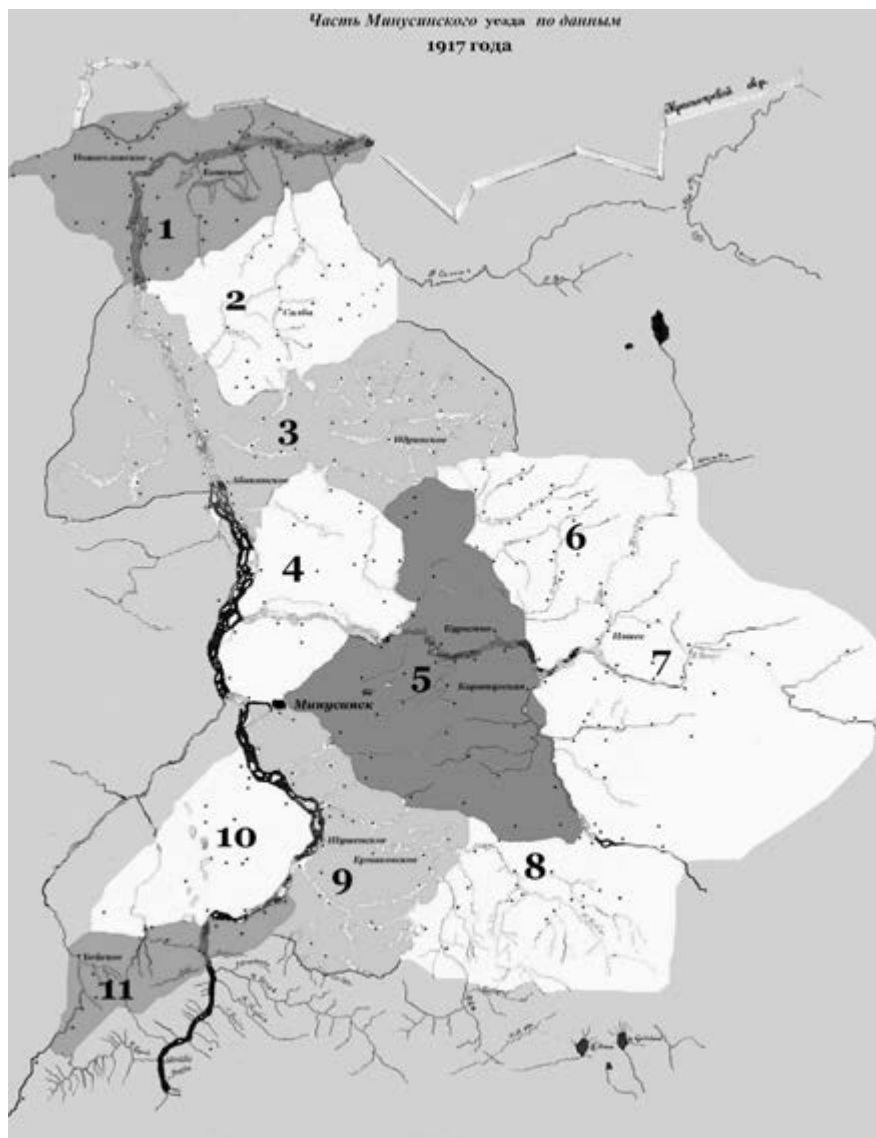
1893 – 1907 гг.

1907 – 1917 гг.

Территории преимущественного расселения старожилов и переселенцев
в Минусинском уезде Енисейской губернии
(по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.).

Наименование районов расселения:

1. Чулымо-Енисейский старожильческий (Новоселовская и Комская волости);
2. Убей-Сисимский переселенческий (преимущественно Салбинская волость)
3. Сыдо-Ербинский смешанный (волости Знаменская, Абаканская, Беллыкская, Идринская, Никольская)
4. Притубинский переселенческий (волости Абаканская, Мало-Минусинская, Белоярская, Шалоболинская);
5. Амыло-Тубинский старожильческий (волости Мало-Минусинская, Восточенская, Тесинская, Кочергинская, Шалоболинская, Курагинская, Тигрецкая, Сагайская, Маторская, Ермаковская);
6. Ирбинский переселенческий (волости Кнышинская, Паначёвская, Курагинская);
7. Кизыр-Казырский переселенческий (Имисская и Сагайская волости);
8. Верхне-Кебежский переселенческий (волости Григорьевская, Маторская, Ермаковская);
9. Ойский смешанный (Лугавская, Шушенская, Каптыревская, Ермаковская);
10. Абаканский переселенческий (Ново-Михайловская и Бейская волости);
11. Южно-Енисейский старожильческий (Бейская и Иудинская волости).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Леонтьев Евгений Викторович,

старший научный сотрудник Минусинского

регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова,

г. Минусинск, Россия.

E-mail: martianov-muzey@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Evgeny Viktorovich Leontiev, senior researcher, Minusinsk

regional Museum of local lore named After

N.M. Martyanov, Minusinsk Russia

E-mail: martianov-muzey@mail.ru

УДК 94(571.51):(092)»1930/1933»

ИСТОРИК И АРХЕОГРАФ А.И. ЯКОВЛЕВ В МИНУСИНСКОЙ ССЫЛКЕ

А.И. Погребняк

Аннотация. Целью настоящей статьи, во-первых, является попытка вскрыть причины ареста и ссылки видного историка и археографа А.И. Яковлева. Во-вторых, впервые на основе разнообразного исторического материала, большей частью свидетельств и воспоминаний современников, в статье вырисовываются быт и занятия ссыльного в Минусинске. И, в-третьих, автор стремится проанализировать влияние минусинской ссылки на последующую жизнь и деятельность учёного.

Ключевые слова. Алексей Иванович Яковлев, ученик Ключевского, историк и археограф, академическое дело, арест, политическая ссылка, Минусинск, последствия ссылки.

HISTORIAN AND ARCHAEOGRAPHER A.I. YAKOVLEV IN THE MINUSINSK POLITICAL EXILE

A.I. Pogrebnyak

Abstract. The purpose of this article, first, is to try to uncover the reasons for the arrest and exile of the prominent historian and archaeographer A.I. Yakovlev. Secondly, for the first time on the basis of a variety of historical material, most of the evidence and memoirs of contemporaries, the article outlines the life and work of the exiled in Minusinsk. And, third, the author seeks to analyze the impact of the Minusinsk political exile on the subsequent life and work of the scientist.

Keywords: Aleksey Ivanovich Yakovlev; student of Klyuchevsky; historian and archaeographer; academic affairs; arrest; political exile; Minusinsk, consequences of political exile.

Алексей Иванович Яковлев – видный историк, член-корреспондент АН СССР, профессор русской истории [Отечество, 1999: 730]. Его научное творчество являлось связующим звеном между дореволюционной академической исторической наукой и советской историографией. Будучи учеником Василия Осиповича Ключевского он сам воспитал ряд исследователей, ставших продолжателями традиций московской школы в советское время. Его научная деятельность с одной стороны получила широкое признание в научных кругах, с другой – стала предметом яростной и жёсткой полемики.

По известным причинам трёхтомный «Энциклопедический словарь», начала 1950-х гг. государственного научного издательства «Большая Советская энциклопедия» не упоминает ни имени А.И. Яковлева, ни имени его отца [Энциклопедический словарь, 1955]. В сибирских энциклопедических изданиях Вы тоже не встретите упоминаний о нём [Енисейский энциклопедический словарь, 1998; Историческая энциклопедия Сибири, 2010]. Недавно изданный Минусинским краеведческим музеем буклет, посвящённый работникам музейной научной библиотеки [История библиотеки в лицах, 2018], также не включает имени своего бывшего сотрудника – одного из известнейших библиотекарей страны.

Нельзя сказать, что научное наследие Яковлева было обойдено вниманием исследователей. Тем не менее, посвящённые ему работы, как правило, представляют собой либо краткие очерки его жизни [Александров Г.А., 2001, 2002, 2003, 2006; Бочкарёв В.Н., 1952; Краснов Н.Г., 1998: 300-311], либо касаются отдельных аспектов деятельности [Душинов С.М., 1977, 1981; Клапюк В.Т., 2005; Тихонов В.В., 2012]. Обобщающего исследования об этом выдающемся историке до сих пор нет.

Алексей Иванович Яковлев родился 18 (30) декабря 1878 г. в Симбирске в семье известного чувашского просветителя, православного миссионера, педагога, основателя чувашской письменности, инспектора чувашских училищ Казанского учебного округа, действительного статского

советника Ивана Яковлевича Яковлева (1848-1930 гг.). Совместная деятельность И.Я. Яковлева с Ильей Николаевичем Ульяновым (инспектора русских народных училищ в том же округе) по развитию народного просвещения «сблизила их настолько, что они стали верными друзьями» [Краснов Н.Г., 1998: 81; Яковлев И.Я., 1997: 355, 388, 392].

Их дети тоже сдружились – Алексей Иванович был товарищем Дмитрия Ильича Ульянова и общался с его старшим братом Владимиром Ильичом Лениным, о чём свидетельствует и «Биографическая хроника» [Владимир Ильич Ленин, 1970: 18, 133-134; 1971: 114; 1974: 392; Швилкин Б.Н., 2002: 5; Яковлев А.И., 1942]. После суда и казни Александра, посягнувшего на царя – помазанника Божьего, в Симбирске многие знакомые перестали замечать и здороваться с Ульяновыми при встречах. Однако это не повлияло на отношение к ним Яковлевых. После страшного для семьи Ульяновых известия сражённый горем Володя безвыходно провёл в доме Яковлевых трое суток, где его все пытались утешить. А после революции глава семьи Яковлевых, Иван Яковлевич, будучи несогласным со многими жёсткими актами новой власти Ленина, часто задавался вопросом: «Как мог Володя стать таким жестоким («разбойником»)»? И это несмотря на то, что Владимир Ильич не раз лично выручал непокорного языкастого старика от репрессий местных чувашских властей [Кривошеев Ю.В., 2018; Макаревский А.В., 2006; Швилкин Б. Н., 2002: 7].

По окончании в 1896 г. Симбирской классической гимназии А.И. Яковлев поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, где его учителем и кумиром на всю жизнь стал В.О. Ключевский. В 1900 г. он окончил университет, удостоившись диплома первой степени. В.О. Ключевский настоятельно рекомендовал оставить его при факультете и Яковлева зачислили на кафедру истории России «для подготовки к профессорскому званию» [Тихонов В.В., 2011].

С мая 1906 г. А.И. Яковлев – приват-доцент Московского университета, также работал помощником библиотекаря Ру-

мянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека). Уже после смерти учителя Яковлев защитил в 1916 г. магистерскую диссертацию «Засечная черта Московского государства в XVII в.» [Яковлев А.И., 1916а], а на следующий год и докторскую «Приказ сбора ратных людей» [Сергеев Т.С., 2002; Яковлев А.И., 1917]. Случай в отечественной исторической науке редкий, после чего стал сверхштатным экстраординарным (с 1918 г. – ординарным) профессором по кафедре русской истории историко-филологического факультета Московского университета. Уже в дореволюционный период А.И. Яковлевым было издано немало заинтересовавших не только историков научных работ [Наместничьи, губные и земские уставные грамоты..., 1909; Русская правда, 1914; Сергеев Т.С., 2002; Яковлев А.И., 1916б и др.].

После революции А.И. Яковлев продолжал работу в библиотеке Румянцевского музея. В 1922-1930 гг. он – действительный член института истории РАН ИИОН. Одновременно в 1924-1930 гг. Алексей Иванович Яковлев был директором научно-технической библиотеки ВСНХ СССР, и ему по долгу службы приходилось общаться с начальниками научно-технического управления ВСНХ. А ими были наиболее известные сподвижники Ленина по партии Троцкий, Бухарин, Каменев, которые перед окончательным «уходом с арены» занимали один и тот же пост [Тихонов В.В., 2012: 251-259].

Наиболее колоритным из них был Л.Д. Троцкий. Он производил впечатление воспитанного и доброжелательного человека. При появлении в его кабинете посетителя Лев Давыдович вставал, улыбаясь, подходил к гостю, здоровался за руку, усаживал в удобное кресло и только потом начинал беседу. Разговаривал он со всеми на Вы. Однажды Троцкий объяснил Алексею Ивановичу, почему Красная армия победила в Гражданской войне. По мнению Троцкого, это произошло благодаря тому, что на сторону революции перешёл младший комсостав царской армии. Эти люди обладали и достаточным опытом ведения

войны, и были понятны солдатам. Те им верили и шли за ними в бой [Швилкин Б.Н., 2002: 31].

В 1927-1929 гг. А.И. Яковлев – профессор этнологического факультета Московского университета. За заслуги перед исторической наукой 31 января 1929 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР [Яковлев А.И., 1997: 1428].

Казалось бы, перед учёным открылись все дороги, но социально-политические катаклизмы нарушили как нормальное развитие отечественной исторической науки, так и судьбу историка. Даже слава «находящегося под покровительством Ленина» не спасла его.

Началось всё со скандала на выборах в Академию наук: три кандидата-марксиста, А.М. Деборин, Н.М. Лукин и В.М. Фриче, не прошли в Академию. В то же время баллотировавшиеся Веселовский и Яковлев были выбраны членами-корреспондентами АН СССР. В выборах участвовал и Бахрушин, которого выдвинул С.Ф. Платонов [Горская Н.А., 1999: 70], но, так же как Б.Д. Греков и А.И. Андреев, тогда он не набрал необходимого количества голосов. Случившееся вызвало серьёзное недовольство властей, убедившихся в неблагонадёжности Академии, остававшейся центром, где «засели старые специалисты». Особенно была очевидна оппозиционность историков. «Первым звонком» для историков «старой школы» стало закрытие РАНИИОН. Формально всё началось в 1928 г. с возмущённого письма аспирантов, выступивших против засилья в институте представителей старой исторической науки [Сидоров А.В., 2009: 165].

После закрытия РАНИИОН появилась статья М.Н. Покровского. В ней автор выражал удовлетворение по случаю ликвидации учреждения, где, по его словам, сосредоточились антимарксистские кадры. Статья была напечатана в «Правде», поэтому имела практически официальный статус и выражала мнение власть имущих. В статье Покровский значительное место посвятил критике книги Веселовского о генезисе вотчинного государства.

В работе Веселовского Покровский увидел «строго юридический подход». «В это время совершенно игнорировать классовый анализ и экономическую обстановку – это имеет совершенно определённый смысл. Перед человеком грома марксистских и полумарксистских работ по русской истории. До всего этого ему нет никакого дела. ...Совершенно специфический смысл имеет исследование проф. С.Б. Веселовского, выпущенное, так сказать, под нос сообществу историков-марксистов. Натё, мол, кушайте. Вы там об историческом материализме рассуждаете, а я буду чисто идеалистическим способом оперировать. И выпущу это не в своём частном издании, а под маркой вашего же, советского института истории» [Покровский М.Н., 1929].

Это могло расцениваться только как прямая угроза, впрочем, до реальных действий дело пока не дошло. Хотя, видимо, многие историки «старой школы» уже догадывались, куда могут привести события. Один из виднейших московских историков, Готьё, в 1929 г. потерял сразу три рабочих места, будучи уволенным из ГАИМК, ГИМ и РАНИИОН [Тихонов В.В., 2012: 253]. Это был тревожный знак. В 1930 г. проходили проверки в Ленинской библиотеке, где всплыли истории с обвинениями в адрес Готьё и Яковлева в хищении «социалистической собственности» в годы Гражданской войны и начале 1920-х гг. Кроме того, во время проверки Готьё вменяли в вину то, что он «в первые годы революции ожидал падения советской власти, в то же время на словах будучи лояльным» [Куглюковская Л.И., 2008: 32]. Особенно старался очернить историков их бывший коллега, а теперь один из руководителей библиотеки, А.К. Виноградов. Его характеристики, данные Яковлеву, Готьё и Бахрушину, видимо, сыграли не последнюю роль в деле против них. По воспоминаниям Н.Я. Горбачевской, Яковлев говорил ей, что во время следствия «чувствовал руку» Виноградова [Андреева О.В., Куглюковская Л.И., 2005: 30]

9 августа 1930 г. трое чекистов пришли забирать А.И. Яковлева. Дома его не было. Он инспектировал заводские библиотеки в Смоленске. Чекисты взяли одного из соседей понятием и в его

присутствии за два часа перевернули все вверх дном в квартире, особенно усердно они искали в кабинете, тщательно перелистывая страницы многочисленных книг учёного. Наткнувшись на книгу «Уложение царя Алексея Михайловича», главный сыскарь по фамилии Дубровский (позднее он работал начальником отдела снабжения физического факультета МГУ) злорадно воскликнул: «Вот мы уложили царя, а они уложение царское хранят!» Книгу тут же присовокупили к подлежащим к изъятию уликам. Обнаружив рядом с пишущей машинкой листы копировальной бумаги, Дубровский приказал своим подчинённым принести в комнату большое зеркало и попытаться с его помощью прочитать отпечатавшиеся на копирке слова. Получив от сына профессора Ивана письменное показание о месте нахождения отца, сыщики вызвали по телефону машину и, прихватив с собой все показавшиеся им подозрительными вещи, уехали [Швилкин Б.Н., 2002: 33].

Под стражу А.И. Яковлева взяли 12 августа 1930 г. [Академическое дело, 1993: 9] и немедленно доставили на смоленский вокзал, чтобы отправить затем в Ленинград. Это не позволило ему даже собрать необходимые вещи [АРАН. Ф.1759. Оп.4. Д.309. Л.1-1об]. Там, когда сопровождавший его охранник на минутку отлучился, Алексей Иванович поспешно написал на клочке бумаги: «Арестован. Отправлен в Ленинград» и адрес: «Москва. Кремль. Кавалерский корпус. Ульянову Дмитрию Ильичу». Бумажку он отдал сидевшей рядом с ним незнакомой женщине и попросил написанное им отправить адресату открыткой. И та отправила открытку, которая дошла таки до Кремля. Пришёл же Дмитрий Ильич в дом к другу до получения открытки на следующий день, узнав о случившемся по телефону от Ивана – сына арестованного. Он увидел своими глазами беспорядок, оставленный сыскарями, и даже помог Ивану собрать разбросанные бумаги и книги [Швилкин Б.Н., 2002: 33].

Куда Алексея Ивановича отправили, стало известно после получения Дмитрием Ильичом открытки. Но в какую из

ленинградских тюрем его поместили, никто не знал. Выяснить это помогли ленинградские родственники Яковлевых. Они обходили следственные изоляторы Ленинграда, заявляя везде, что принесли заключённому передачу. На Шпалерной улице передачу приняли, и родственники узнали, где сидит Алексей Иванович. Супруга Ольга Петровна тут же поехала в Ленинград и стала добиваться свидания с мужем. Ей долго не разрешали. Пустили её в тюрьму только после вмешательства Анны Ильиничны Ульяновой [Швилкин Б.Н., 2002: 33-34].

Непрекращающиеся допросы давались очень тяжело 52-летнему учёному. Так, с Яковлевым случился сердечный приступ. Его жена, Ольга Яковлева, просила помощи у Покровского, которого очень не любили и называли «гнусом» [Анциферов Н.П., 1992: 368]. 16 ноября 1930 г. она писала всесильному главе Наркомпроса: «Здоровье его уже сильно пошатнулось – никогда не страдав прежде сердечными болезнями, он перенёс в тюрьме несколько сердечных припадков... он доведён до того состояния, когда человека можно обвинить в чём угодно» [АРАН. Ф.1759. Оп.4. Д.309. Л.3-3об.]. Она просила Покровского дать ОГПУ разъяснения по поводу личности своего мужа, думая, что это облегчит его положение. А вот сердце отца – Ивана Яковлевича – не выдержало такого удара судьбы. Великого чувашского просветителя не стало в октябре 1930 г.

Под следствием Алексей Иванович находился до сентября 1931 г. Его пытались обвинить в заговоре против советской власти и убеждали в том, что в случае удачного исхода этого заговора ему предназначался пост министра сельского хозяйства. Большой фантазии было трудно придумать, поскольку подследственный никогда не имел никакого отношения к сельскому хозяйству. Но, когда он отказался признать предъявленное ему нелепое обвинение, его немедленно перевели на более строгий режим содержания, лишили ежедневных 15-минутных прогулок, ему запретили писать и читать, встречаться с родными, получать передачи [Швилкин Б.Н., 2002: 34].

Помочь Алексею Ивановичу взялась всё та же Анна

Ильинична. Она посетила начальника секретного отдела ОГПУ Якова Агранова, с которым была знакома с детства. У Агранова она стала требовать смягчения тюремного режима для Яковлева. Тот возражал, заявляя, что условия содержания Яковлева достаточно хорошие и у него в камере есть все удобства. «Ну что Вы мелете, какие на Шпалерной удобства, я знаю, там я сама просидела полтора года в 1887 г. по делу моего брата Александра», – пыталась усовестить Агранова Анна Ильинична. И всё-таки после вмешательства Ульяновой тюремные «привилегии» Алексею Ивановичу были возвращены. Друзья Яковлевых удивлялись, почему Ульяновы не вызволят Алексея Ивановича. Однажды Мария Ивановна Веретенникова – родственница Ульяновых по линии Ильи Николаевича – задала Анне Ильиничне прямой вопрос по поводу освобождения Яковлева. На что в ответ услышала, что они сами ждали той же участи [Швилкин Б.Н., 2002: 34-35].

Арестовали Яковлева, как потом выяснилось, по делу Пушкинского дома или, как его позже стали называть, «Академическому делу». Забрали не его одного, а многих историков, имевших и не имевших отношение к Пушкинскому дому.

Спустя более полувека было установлено, что «Академическое дело» велось Полномочным представителем Объединённого государственного политического управления в Ленинградском военном округе (ПП ОГПУ в ЛВО), было арестовано более 150-ти человек, в том числе крупнейшие учёные-историки старшего поколения: академики С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачёв, С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, М.К. Любавский, представители среднего и молодого поколений, прежде всего учёные из Ленинграда, а также Москвы, Харькова, Саратова, Ярославля и других городов. Кроме того, среди арестованных оказались сотрудники аппарата Академии наук и академических учреждений, работники Русского музея, Центрархива, других научных учреждений, вузов, издательств, священнослужители и даже домашние хозяйки. Арестовали многих заведующих

библиотеками, директоров краеведческих музеев. Основной удар был нанесён по учёным-историкам старой, и прежде всего петербургской школы [Перченко Ф.Ф., 1995а; Степанов М.Г., 2013].

Секретно-оперативное управление ПП ОГПУ в ЛВО под руководством политбюро ЦК ВКП(б) сочинило «сценарий», согласно которому С.Ф. Платонов и ряд других подследственных обвинялись в создании разветвлённой антисоветской контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», с целью свержения советской власти путём вооружённого восстания, поддержанного иностранной военной интервенцией, реставрации помещичье-капиталистического строя и восстановления монархического образа правления. Кроме того одна из групп подследственных была обвинена в шпионаже, а другая – во вредительстве. Внутренние противоречия среди учёных старой школы, выявившиеся в послеоктябрьский период, не интересовали следователей ОГПУ. Аресту подверглись и те, кто пытался сотрудничать с властями, и те, кто заняли нейтрально-отстранённую позицию, и те, кто внутренне был настроен оппозиционно. Следствие квалифицировало любые неформальные собрания и встречи, в том числе и научные кружки, в качестве нелегальных антисоветских организаций, ставших базой для пополнения мифического «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» [Павленко Н., 1999].

Следствие началось в октябре 1929 г. «Академическое дело» было сфабриковано целиком и исключительно на основании показаний обвиняемых. Следственная группа ОГПУ в Ленинграде не располагала, да и не могла располагать какими бы то ни было существенными основаниями для производства обысков и арестов. Однако сценарий процесса разыгрывался по всем правилам следственного «искусства». Следователи занимались перепроверкой ими же самими сфабрикованных показаний. Подследственных вынуждали

шантажом, угрозами, психологическим, а в некоторых случаях и физическим давлением писать и подписывать показания, которые соответствовали бы «сценарию» и обогащали бы его «достоверными» деталями [Исповедь узника ОГПУ, 1992; Покаяние академика С.Ф. Платонова, 1993]. Таким образом, в результате вопиющего нарушения элементарных процессуальных норм, в частности – игнорирования принципа презумпции невиновности, нарушения установленной регламентации следственных действий, это «дело» приобретало черты принудительного «соавторства» [Ананьич Б.В., Панях В.М., 1995: 104].

5 ноября 1929 г. политбюро образовало Особую следственную комиссию в составе прокурора РСФСР Крыленко и двух руководящих работников ОГПУ – Агранова и Петерса, которой было поручено «обсудить вопрос о привлечении к суду виновных», причём эта комиссия сразу же перевела «дело» в русло политического процесса, задачей которого являлось выяснение «связей отдельных лиц, стоящих во главе Академии наук, с белой эмиграцией за рубежом, с некоторыми иностранными представительствами и миссиями и возможной шпионской (военно-разведывательной) деятельности в интересах иностранных государств», с одновременной агентурной разработкой [Брачев В.С., 1995: 271].

В 1931 г. следствие по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» завершается, во внесудебном порядке выносятся приговоры 115-ти подследственным (остальные либо освобождались из-под стражи, либо получили приговоры по другим столь же сфабрикованным «делам»). Шесть человек были приговорены к расстрелу, учёные, отнесённые следствием к «руководящему ядру» «организации» (С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачёв, М.К. Любавский, С.В. Рождественский, Д.Н. Егоров, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, В.И. Пичета и ряд других лиц) – к высылке в отдалённые места, остальные (большинство) – к заключению в концентрационные лагеря сроком от 3-х до 10-ти лет [Перченко Ф.Ф., 1995b].

Арестом русских историков возмутились не только круги эмиграции, но и представители заграничного историко-научного сообщества: С. Леви, К. Блок, А. Матъез, Ш. Сеньобос и др. В переписке с Г.Е. Зиновьевым М. Горький категорически протестовал против подобных репрессий, заявляя: «Аресты учёных не могут быть оправданы никакими соображениями политики...» [Аресты учёных не могут быть оправданы..., 2000: 209].

Однако, невзирая на многочисленные протесты и заступничества, колесо фортуны было запущено. Из ленинградской тюрьмы после 13-месячного следствия, так и не признавшего выдвинутых против него обвинений, Алексея Ивановича отправили в пятилетнюю ссылку в Минусинск, «считая срок с 8/8-30 г.» [Академическое дело..., 2015: 366]. Везли его туда два месяца в купейном вагоне с решётками на окнах. В каждом купе находилось по восемь арестантов. В Минусинске Яковлеву пришлось прожить с 1930 по 1933 г. [Красильников С.А., 2007: 279].

К удивлению Алексея Ивановича, в Минусинск из тюрьмы на Шпалерной власти переслали томик Пушкина, который принёс ему туда сын Иван по просьбе отца во время одной из встреч с ним. Отдали ему и часы, отобранные при аресте, пружина завода у часов, правда, была сломана. О новом месте пребывания Алексея Ивановича стало известно только после того, как из Минусинска в Москву пришла от него почтовая открытка (он имел право писать на волю всего лишь одну открытку в месяц) [Швилкин Б.Н., 2002: 35].

В ссылке учёный работал ... в госмузее им. Н.М. Мартъянова системы Наркомпроса. Приказом № 73 от 14 ноября 1931 г. по музею А.И. Яковлев в тот же день был назначен на вакантную должность помощника библиотекаря [АГМ. Ф.Р-488. Оп.2. Д.5. Л.35]. Основанием для этого послужили путёвка инспекции труда и справка ОГПУ от 13 ноября 1931 г. об отсутствии к этому препятствий. Приказ был подписан заведующим музеем Харчевниковым [АГМ. Ф.Р-488. Оп.2. Д.5. Л.Зоб.]. В первой половине декабря 1931 г. А.И. Яковлев, с окладом по должности

в 60 руб., получил 30 руб. зарплаты, столько же и во второй половине декабря [АГМ. Ф.Р-488. Оп.2. Д.6. Л.181об.-182, 191об.-192].

На основании заявления самого просителя от 13 января 1932 г., в тот же день приказом № 2 по музею помощника библиотекаря А.И. Яковлева с 15 января по 15 февраля перевели «на 3-часовой рабочий день с соответствующим снижением зарплаты до половины причитающейся ему по занимаемой должности оклада» [АГМ. Ф.Р-488. Оп.2. Д.5. Л.5об.]. По ведомости на выдачу зарплаты сотрудникам Мартьяновского музея на первую половину января 1932 г. А.И. Яковлев вновь получил 30 руб. [АГМ. Ф. Р-488. Оп. 2. Д. 7. Л. 1об.-2] А со второй половины января по первую половину апреля 1932 г. А.И. Яковлев получал по 15 руб. [АГМ. Ф.Р-488. Оп.2. Д.7. Л.8об.-9, 23об.-24, 30об.-31, 41об., 45, 68об.-69, 65об.-66]

С 16 апреля 1932 г. помощник библиотекаря А.И. Яковлев, «согласно выраженного им желания», от занимаемой им должности был освобождён и «перечислен в консультанты». При этом оговаривалось, что «условия труда и оплаты – по особому согласованию» [АГМ. Ф.Р-488. Оп.2. Д.5. Л.9-9об.]. Ему подняли оклад до 100 руб. и после вычетов он стал получать 80 руб. зарплаты [АГМ. Ф.Р-488. Оп.2. Д.7. Л.101об.-102]. Для сравнения, в это же время в этом же госмузее учёный библиотекарь и научный работник имели оклады в 165 руб., а учёный секретарь – 200 руб. [АГМ. Ф.Р-488. Оп.2. Д.5. Л.10]. Отсюда можно заключить, что в минусинской ссылке Яковлеву было «не до шику, не до жиру».

Беспартийному историку Алексею Яковлеву пришлось побывать в ссылке в Минусинске одновременно с некоторыми представителями антисталинской оппозиции, в том числе с бывшим партийным функционером Л.Б. Каменевым. В отличие от известного историка, Лев Борисович отбывал ссылку не бедствуя, проживал в Минусинске с семьёй в трёхкомнатной квартире. Как свидетельствуют старожилы, именно в этой квартире и встречались бывшие сослуживцы по научно-техническому

управлению ВСНХ и его библиотеке, где вели долгие разговоры по-свойски о многом [Погребняк А.И., 2018: 188].

Отрадно, друзья не забывали Алексея Ивановича. Художник Михаил Васильевич Нестеров прислал ему свою картину «Волжский пейзаж», которую позднее сын Иван Алексеевич подарил одному из московских музеев. Находясь в минусинской ссылке, Алексей Иванович вспоминал, что в доме напротив дома Яковлевых на Тверской улице в Москве располагалась парикмахерская. Её витражное стекло по праздникам обтягивали красным кумачом, а на его фоне помещали портрет Сталина в профиль. В 1932 г., придя в очередной раз в гости к Яковлевым, Нестеров сказал: «Долго я сегодня стоял у вашего подъезда и смотрел на портрет Сталина. У него страшное лицо, что-то тигриное есть в его взгляде» [Швилкин Б.Н., 2002: 39].

В период тюремного заключения и нахождения Алексея Ивановича в ссылке Дмитрий Ильич Ульянов заботился о семье друга. Он приглашал его жену Ольгу Петровну и её детей к себе на квартиру в Кремль, на дачу в Горки и даже снабжал их продуктами [Швилкин Б.Н., 2002: 38].

Его товарищ, бывший политкаторжанин Александр Гречкин, нашёл ему в Минусинске «опекуна» – своего друга, капитана Енисейского пароходства Александра Ивановича Коржавина. В Минусинске его опекала и бывшая студентка Варя Левашова. Её муж, бывший красный партизан, заведовал в Минусинске малярной станцией (погиб в 1937 г.). Ольга Петровна ездила в Минусинск к мужу. Достать билет туда помог ей Гречкин по своему удостоверению политкаторжанина [Швилкин Б.Н., 2002: 35].

В 1931 г. в московскую квартиру Яковлевых на Тверской улице пришла молодая, очень красивая женщина. Её внешнее портретное сходство с Натальей Николаевной Гончаровой было просто ошеломляющим. Это была правнучка Пушкина – Марина Мезенцова. Она только что вернулась из Минусинска и привезла весточку от отца Яковлева, Алексея Ивановича, отбывавшего ссылку вместе с её отцом. А в 1932 г. Марина и Иван поехали в Минусинск вместе. В то время Иван Алексеевич преподавал

в МИИЖТе. Учились у него не только студенты, но и повышавшие квалификацию ответственные работники НКПС, и среди них был даже один заместитель наркома, член ЦК ВКП(б) Амосов. По окончании учёбы благодарные путейцы преподнесли учителю подарок – два бесплатных билета для проезда в любой конец СССР. Преподаватель попросил конечным пунктом проезда записать Минусинск. Второй билет предназначался для жены. Супруги у молодого преподавателя не было, но от билета он, однако, не отказался, решив предложить его Марине. Она находилась в отпуске (а работала она в Историческом музее) и, немного поразмышляв, решила не отказываться от возможности ещё раз повидать отца [Швилкин Б.Н., 2002: 39-40].

Чтобы вытащить Алексея Ивановича из ссылки, друзья стали писать прошение в Комиссию по частным помилованиям. Первоначально они хотели отметить в нём, что ссыльный – учёный, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР – имеет фундаментальные труды. Однако один из инициаторов подачи такого прошения профессор экономики Плехановского института Бушман, сам только недавно вернувшийся из ссылки, куда попал по так называемому «делу о промкооперации» в 1930 г., отсоветовал писать всё это. «Никаких эмоций, кроме как враждебных, у властей такая аргументация не вызовет», – сказал он (Бушман вскоре погиб при репрессиях). В результате в тексте прошения оставили только, что осуждённый работал в Научно-технической библиотеке и имел две благодарности от Председателя ВСНХ Ф.Э. Держинского. В тексте прошения указывалось, что добропорядочность и лояльность осуждённого власти могут подтвердить все члены семьи Ульяновых, наркомфин Николай Павлович Брюханов (погиб во время массовых репрессий), заместитель наркомфина, в прошлом заместитель Держинского и председатель Московской ЧК Василий Николаевич Манцев (погиб при репрессиях), директор Ленинской публичной библиотеки Александр Иванович Невский (погиб во время репрессий), старый большевик Ф.Н. Петров, беспартийный член Общества политкаторжан Гречкин

(погиб в 1937 г.). Тот же Гречкин, товарищ Алексея Ивановича по учёбе в Симбирской гимназии и Московском университете, заверил его автобиографические данные. Помогали вызволять Яковлева из ссылки и другие люди: Пешкова – первая жена М. Горького, академик Сергей Алексеевич Чаплыгин [Швилкин Б.Н., 2002: 35-36].

Усилия друзей оказались не напрасны. Возвращение стало возможным через четыре года. Если В.И. Пичета хлопотал о пересмотре дела, то А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин и Е.В. Тарле обращались с просьбой о помиловании, которая и была удовлетворена, о чём свидетельствуют выписки из протоколов заседания Президиума ЦИК СССР соответственно от 7 апреля 1933 г., 27 июля 1933 г. и 17 марта 1937 г. В результате их ходатайства Алексея Ивановича вернули из ссылки в Москву со снятием судимости в мае 1933 г. Ему было разрешено «свободное проживание по Союзу ССР» [Академическое дело..., 2015: 388].

А ровно через месяц, без всяких ходатайств, из ссылки выпустили всех оставшихся в живых историков, арестованных в 1930 г. Сделано это было потому, что Сталин, вероятно, понял, что от историков для него будет большая польза на воле, чем в ссылке.

По-разному сложились их судьбы. Многие из них умерли в ссылке. Это С.Ф. Платонов (10 января 1933 г. от сердечного приступа), Д.Н. Егоров, С.В. Рождественский (в 1934 г. в Томске), М.К. Любавский [Трагические судьбы..., 1995: 89, 114, 138, 216]. А член-корреспондент АН СССР С.К. Богдавленский с 1930-1933 гг. будучи в ссылке работал сотрудником Западно-Сибирского краевого архивного бюро в Новосибирске [Красильников С.А., 2007: 279-280].

Вернувшись из Минусинска, историк устроился на работу в Картографическом тресте Наркомтяжпрома (1934-1937 гг.) и организовал там Бюро иностранной географической транскрипции [АРАН. Ф.665. Оп.1. Д.274. Л.5]. Специально для Д.И. Ульянова, возглавлявшего библиотечное дело в СССР, он написал обстоятельный доклад «О строительстве библиотек после

войны 1914-1918 гг. в Соединённых штатах Америки», где предложил перенять многое из опыта заокеанских коллег [АРАН. Ф.665. Оп.1. Д.44].

Вскоре после возвращения из ссылки у А.И. Яковлева и Л.Б. Каменева (а он вернулся из Минусинска на месяц раньше своего коллеги по несчастью) родился один совместный издательский проект: Алексей Иванович предложил Льву Борисовичу издать в «Академии» роман В. Скотта «Айвенго», снабдив его специально подобранными иллюстрациями XIII в., которые можно было найти в фондах Ленинской библиотеки. Каменеву предложение Яковлева понравилось, и он включил книгу в план издательства, в ответ предложив в качестве иллюстратора книги своего родного брата Николая – опытного художника. Книга была полностью подготовлена к изданию, но так и не увидела свет – на дворе стоял уже конец 1934-го. ...Как раз в это время А.И. Яковлев пригласил супругов Каменевых к себе в гости. Те обещали прийти, но почему-то не пришли. Впрочем, Лев Борисович успел позвонить Яковлеву и извиниться: не время, мол, по гостям ходить – убит Киров, и это не может остаться без последствий. Последствия не замедлили сказаться: Л.Б. Каменев вскоре был арестован, а позднее и расстрелян. Сгинули обе жены и сыновья. Был уничтожен и его брат – художник-график Н.Б. Розенфельд [Швилкин Б.Н., 2002: 37-39].

Действительно, события 1930 г. стали рубежными в развитии научного творчества Готье, Бахрушина, Тарле и Яковлева. По возвращении они уже быстрее шли на сотрудничество с властью, старались адаптироваться. Примечательно, что, не проходивший по делу Веселовский, не познавший страха допросов и тюрьмы, из них всегда будет занимать наиболее независимую позицию.

«Академическое дело» нанесло ущерб исторической науке и краеведению в СССР: оборвалась преемственность в подготовке кадров; на несколько лет остановилась исследовательская работа; под запретом оказались исследования народничества, истории церкви, дворянства и буржуазии. В итоге господству-

ющее положение заняла историко-партийная наука во главе с М.Н. Покровским. Советские историки стали послушным орудием советской пропагандистской машины [Акинъшин А.Н., Щавелёв С.П., 2010: 561; Павленко Н., 1999; Степанов М.Г., 2913].

Однако, как показали последующие события, это была во многом призрачная «пиррова победа». Торжество «школы Покровского» было очень недолгим. Последовало очередное изменение идеологических установок, в которое не смогли вписаться ни сам М.Н. Покровский, ни его ученики. В полной мере весьма определённую смену государственной политики историко-научное сообщество отметило с середины 1930 г. Определённый реванш «старые историки» по отношению к школе Покровского взяли во второй половине 1930-х гг., когда большая часть осуждённых по «Академическому делу» смогла вернуться к научной жизни в Москве и Ленинграде [Цамутали А.Н., Лепёхин М.П., 2015].

«Старым» историкам не хватило в исторической перспективе всего лишь двух-трёх лет до очередного идеологического поворота власти, заключавшегося в отказе от мессианства мировой революции в пользу имперства, демонстративного подчёркивания роли «великого русского народа» как «старшего брата», опоре на сильное государство и провозглашении линии прямой преемственности от «великих предков» и выдвигании в качестве основополагающей идеи патриотизма. Парадоксальным образом по духу их научные построения больше соответствовали новым веяниям времени, что доказала их медленная, но весьма последовательная и неуклонная реабилитация.

Сложность «Академического дела» заключалось и в том, что оно символизировало не только тенденцию установления марксистской методологии в качестве единственной имеющей право на приоритет, а также окончательное завершение сосуществования (мирного или вялотекущего конфликтного) различных методологических направлений. Основным последствием, на наш взгляд, является полная ликвидация самостоятельности исторической науки и подчинения её партийно-государствен-

ным органам, ОГПУ-НКВД, которые теперь самостоятельно, в угоду складывавшейся внутри- и внешнеполитической ситуации, определяли инструменталистскую роль истории в своих собственных идеологических построениях. Образно говоря, если ранее власть смотрела на споры историков с позиции арбитра или «третьего радующегося», то теперь совершенно определённо она взяла на себя функции учителя и безраздельного господина над научными деятелями.

В советской исторической науке начался очередной крутой поворот, выразившийся в разгроме «школы М.Н. Покровского» и возвращении к классической истории. Символом частичного возвращения к традициям русской историографии стало переиздание некоторых работ С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, Ю.В. Готье и В.О. Ключевского. Московские историки приняли активное участие в публикации «Курса лекций по русской истории» своего учителя В.О. Ключевского [Ключевский В.О., 1937]. Первый и четвёртый том готовил А.И. Яковлев, второй и третий – Ю.В. Готье, а пятый С.К. Богоявленский. Очевидно, что ученики Ключевского рассматривали публикацию главного сочинения своего учителя как реабилитацию достижений дореволюционной исторической науки. Не случайно в научно-исторической среде 1930-х гг. «старые специалисты» активно продвигали лозунг «Назад к Ключевскому!». Этот лозунг интерпретировался Яковлевым по-своему. Он призывал вернуться к патриотическому освещению русской истории на основе научного наследия В.О. Ключевского [Брачев В.С., 2005].

С 1938 г. историк перешёл на работу в Институт Истории АН СССР. В это время Яковлев начал активную деятельность по поиску и изданию исторических источников. Скорее всего, именно в это время учёный приходит к выводу, что введение в научный оборот новых исторических документов является главной задачей историка-профессионала. Объяснение этой позиции мы находим в воспоминаниях известного историка Л.Н. Пушкарёва, посвящённых годам работы с Яковлевым. В разговорах с молодым сотрудником Института Истории,

работавшего под его началом над изданием таможенных книг XVII в., уже маститый историк говорил: «Поверьте, в истории так мало незыблемых истин. Я же об этом по собственному опыту сужу... Настанет время – всё переменится. И критерии новые появятся, и периодизация иная будет, и взгляды новые, нам неизвестные, выскажутся! Всё будет по-иному. А вот исторические источники – они как были, так и будут, это да, это – на века! Повесть Временных лет – она при всех переменях (неизбежных и непреходящих!) Повестью Временных лет останется. И я на склоне лет пришёл к выводу: в исторической науке только археография неизменна и постоянна. И самый благородный труд – это издание источников» [Пушкарев Л.Н., 2001a; b: 160; Тихонов В.В., 2010: 311-312].

Данную позицию А.И. Яковлев подкреплял активной работой на ниве археографии. В 1938 г. под его редакцией с грифом Института истории вышли «Новгородские записные кабальные книги 100-104 и 111 годов: (1591-1596 и 1602-1603 гг.)» [Новгородские записные кабальные книги..., 1938: IV]. Работа по подготовке кабальных книг к публикации была начата Яковлевым ещё с весны 1914 г., но из-за социально-политических катаклизмов затянулась до 1930 г., когда удалось напечатать 1000 экземпляров (первый вариант книги был готов к 1928 г.). Тем не менее, в связи с начавшимся «Академическим делом» весь тираж был уничтожен, а работу пришлось начать заново [АРАН. Ф.665. Оп.1. Д.38. Л.72].

С 1938 по 1951 гг. А.И. Яковлев являлся старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, в 1943-1951 гг. – профессором исторического факультета МГУ [Александров Г.А., 2001: 515; 2002].

В отличие от большинства сотрудников Института истории, Великая Отечественная война не заставила Яковлева уехать в эвакуацию, он остался в Москве. Несмотря на трудное время, Яковлев заканчивает первый том своего фундаментального исследования о холопстве [Яковлев А.И., 1943а]. Научно-исследовательская работа А.И. Яковлева была высоко оценена научной

общественностью, а труд – правительством. В 1942 г., в год когда учредили Сталинскую премию, книгу, ещё находящуюся в рукописном варианте, затребовали для конкурса на присуждение премии. Постановлением СНК СССР от 22 марта 1943 г. книга была официально удостоена Сталинской премии второй степени в размере 100 тыс. руб. Все полученные деньги А.И. Яковлев передал Чувашской АССР (Мариинский Посад) и Мордовской АССР (Атяшевский район) на создание приютов имени И. Сталина для осиротевших детей воинов, павших в Великой Отечественной войне. В этом же году был опубликован первый том монографии «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» [Яковлев А.И., 1943b]. А 10 июня 1945 г. его наградили орденом Трудового Красного Знамени [Александров Г.А., 2001: 515; 2002; Яковлев А.И. 1997: 1428].

Основные его труды посвящены социально-экономической, военно-политической истории и общественной мысли в России XVII в. В последние годы работы учёный сконцентрировался на археографической работе [Веселовский С.Б., Яковлев А.И., 1929; Душинов С.М., 1977; Новгородские записные кабальные книги..., 1938; Яковлев А.И., 1940, 1945]. Он сформировал группу по изданию таможенных книг XVII в., куда входили многие молодые и уже известные исследователи (например, З.Н. Бочкарёва, Т.Н. Новикова, Л.Н. Пушкарёв и др.). Плодом работы группы стал выпуск фундаментального издания «Таможенные книги Московского государства XVII века» под редакцией Яковлева [Таможенные книги Московского государства..., 1950-1951].

В 1946 г. вышла статья Яковлева о В.О. Ключевском [Яковлев А.И., 1946]. Традиция в науке многое значила для историка. К Ключевскому Яковлев до конца жизни относился с благоговением. По воспоминаниям Л.Н. Пушкарёва над его рабочим столом всегда висел портрет автора «Курса лекций по русской истории» [Пушкарёв Л.Н., 2001b: 157]. Обширная статья сочетала в себе как анализ исторической концепции великого историка, так и личные воспоминания Яковлева о своём учителе. Для него Ключевский-человек и Ключевский-учёный были нераз-

рывны. В статье он обратил внимание на уникальную манеру чтения Ключевским лекций, принёсшую ему всеобщую славу. Он отметил его бескорыстность, любовь к своей профессии, стремление помочь студентам. Обо всех этих качествах Яковлев знал не понаслышке.

Яковлев подчеркивал, что верность научной традиции, которую Ключевский перенял от своих более старших коллег, позволила ему получить «замечательную школу тонкой и надёжной критической работы». Автор подробно описал быт Ключевского, который, несмотря на всеобщее признание, продолжал жить более чем скромно. В этом отрывке рельефно проглядывается стремление Яковлева придать образу Ключевского подвижнический характер. Важным выводом автора стала мысль о том, что наследие Ключевского продолжает оказывать огромное влияние на развитие советской исторической науки [Яковлев А.И., 1946].

За эту статью Яковлев подвергся жесточайшей критике во время кампании по «борьбе с буржуазным объективизмом» в 1948 г. В журнале «Вопросы истории» появилась редакционная статья, в которой утверждалось, что «Яковлев опубликовал статью о Ключевском, наполненную безудержным восхвалением этого историка». Особенно авторов заметки возмутило то, что Яковлев изобразил Ключевского как предшественника всей современной ему историографии, тем самым, связав советскую и дореволюционную историческую науку [Против объективизма..., 1948].

Разгромный отзыв был напечатан тогда ещё начинающим историком В.Т. Пашуто: «...статья А.И. Яковлева чужда марксисткой историографии». Автор обрушился на утверждение Яковлева, что именно верность критическому подходу к историческому источнику позволила автору «Курса лекций» получить объективные представления об историческом процессе. В.Т. Пашуто утверждал: «Это положение не может быть принято, так как приёмы буржуазного источниковедения основаны на определённых классовых, политических

принципах...». По мнению рецензента, Яковлев «написал не научную историографическую статью, а панегирик Ключевскому, и тщетно было бы искать в этой работе попытки методологически правильно оценить творчество Ключевского». Напоследок автор рецензии сделал такой вывод: «...редколлегия «Записок» отошла от принципа большевистской партийности и допустила грубую политическую ошибку, напечатав статью А.И. Яковлева» [Пашуто В.Т., 1949].

Некоторая часть критики была, безусловно, верна. Так, излишняя бытовая детализация помешала автору написать действительно научный портрет великого историка. Но в целом тон рецензии был вызывающим. В науке, как и во всей стране, шла кампания борьбы с космополитами и «буржуазным объективизмом», поэтому обвинения в «немарксистском подходе» могли дорого обойтись уже немолодому корифею исторической науки. Щекотливость ситуации заключалась ещё и в том, что В.Т. Пашуто был одно время довольно близок к Яковлеву и участвовал в его домашнем семинаре [Александр Александрович Зимин, 2005: 43].

Вокруг Яковлева сложилась неблагоприятной атмосфера после критики его исследования о холопстве. Историк болезненно реагировал на травлю в печати. Ко всему прочему Отдел агитации и пропаганды ЦК партии в 1949-1950-х гг. проводил проверки в Институте истории, и Яковлев попал под пристальное внимание «органов». По итогам проверок была вынесена резолюция: «Академик С.Б. Веселовский и член-корреспондент А.И. Яковлев проповедовали идеалистические концепции буржуазно-либерального толка, порой сближающиеся с кадетскими» [Клапиюк В.Т., 2005: 150].

Яковлев помнил, так же как многие другие представители его поколения, «Академическое дело» и опасался повторения тех событий. В 1950 г. он написал обстоятельное письмо президенту АН СССР С.И. Вавилову, в котором отметил все обвинения в «буржуазном объективизме» и напоминал о своих заслугах перед наукой [Тихонов В.В., 2011: 32]. И тот действительно за-

ступился за опального историка. Во всяком случае, в фонде С.И. Вавилова сохранилось письмо Яковлева с благодарностью [Тихонов В.В., 2010: 315-316].

Очевидно, что такая неблагоприятная обстановка сильно пошатнула здоровье уже немолодого историка. Он ушёл из жизни в Москве на 73-м году 30 июля 1951 г. Алексея Ивановича похоронили на Новодевичьем кладбище [Александров Г.А., 2002, 2003, 2006]. После его смерти в журнале «Вопросы истории» появился некролог, написанный его учеником Л.В. Черепниным [А.И. Яковлев, 1951: 168].

Об «Академическом деле» (другие названия: «Дело историков», «Дело академиков», «Дело по обвинению С.Ф. Платонова, С.В. Рождественского и др.», «Дело Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России») до начала 1990 х гг. было очень мало известно. Единственным источником, из которого черпались некоторые сведения о нём, были изданные за рубежом воспоминания бывших подследственных по этому делу Н.П. Анциферова и С.В. Сигриста [Анциферов Н.П., 1992; Память..., 1981: 556].

Первая работа, в которой сделана попытка охарактеризовать «Академическое дело» в целом, была опубликована лишь в 1989 г. Автор – ленинградский историк В.С. Брачев, ныне профессор Петербургского университета, получил возможность работать над следственными делами, когда для других архив КГБ был наглухо закрыт, а данное дело абсолютно недоступно. Уже это одно обстоятельство придавало его работе специфический оттенок. Кроме того, в статье В.С. Брачева отсутствовали обычные ссылки на архивные документы (архив, фонд, номер и листы дела), а основывалась она на специально подобранных для него в архиве КГБ документах [Брачев В.С., 1989а: 126]. В дальнейшем он продолжил свои исследования [Брачев В.С., 1989: 27-29; 1990; 1997а, б; 1998; 2005; 2006].

Важными шагами на пути к всестороннему изучению «Академического дела» стали исследования члена общества «Мемориал» Ф.Ф. Перченка [Перченко Ф.Ф., 1991а, б]. Наконец, в

1992 г. Библиотека Российской академии наук по согласованию с Управлением Федеральной службы контрразведки (ныне ФСБ) приступила к работе по подготовке издания этого следственного дела, с привлечением научных работников-историков из Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. В редакционную коллегию вошли Ж.И. Алферов, Б.В. Ананьич, В.П. Леонов (отв. редактор), Е.В. Лукин, В.М. Панеях, С.В. Степашин, А.Н. Цамутали [Академическое дело..., 1993].

Первый выпуск «Академического дела» вышел в 1993 г. В нём исследована предыстория дела, перечислены 115 человек, проходившие по нему, охарактеризованы методы следствия, обоснован вывод о фабрикации «дела» и установлены способы фабрикации [Перченков Ф.Ф., 1995а; Брачев В.С., 1997а,б]. Материалы «Академического дела» важны, прежде всего, не с точки зрения достоверности фактов, сообщаемых подследственными, а как памятник эпохи, отразивший её черты и нравы, порядки, царившие в политбюро и в ОГПУ, как обвинительный акт против режима власти. Реальна также трагедия незащитных представителей элиты русской науки, вовлечённых в этот страшный спектакль и ставших жертвами бесправия и надругательства [«Осталось ещё немало хлама...», 1997; Академия наук в решениях политбюро..., 2000; In memoriam..., 1995].

В 1998 г. был издан второй выпуск (в двух частях) «Академического дела», содержащий следственное дело академика Е.В. Тарле. В предисловии к нему (авторы те же, что и предисловия к первому выпуску) были проанализированы само это сфабрикованное «дело», некоторые ранее недоступные документы Политбюро, подтвердившие прямую его причастность к инициированию следствия и руководству им. Кроме того, был показан механизм фабрикации, в частности названия мифической организации – «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». Вслед за предисловием напечатан обстоятельный биографический очерк Е.В. Тарле (автор – Б.С. Каганович), в котором прослежена вся его научная деятельность,

показано, насколько репрессии деформировали творческий облик этого выдающегося историка [Академическое дело..., 1998]. В приложении опубликована докладная записка ОГПУ от 15 сентября 1930 г., адресованная И.В. Сталину и В.М. Молотову, в которой сценарий, разработанный в самом начале следствия, «обогащается» материалами допросов [Письма И.В. Сталина..., 1995: 192-194, 211, 220].

Весь проект издания «Академического дела» предполагает публикацию в 10-ти выпусках материалов 19-ти томов архивно-следственного дела П-65245, хранящегося в Архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В 2015 г. вышел 9-й выпуск в трёх частях: Обвинение. Приговор. Реабилитация. Материалы по Алексею Ивановичу Яковлеву предполагается выпустить в седьмом выпуске [Академическое дело..., 2015].

На региональном уровне некоторые аспекты репрессивных акций в отношении представителей научной интеллигенции также подверглись разработке. М.В. Кликушин в своём исследовании обращался к проблеме определения числа арестов научной интеллигенции Сибири периода сталинских репрессий. Цель его статьи – «выявление и некоторая первичная систематизация фактов репрессивных актов политического режима в отношении кадров научно-педагогической интеллигенции Сибири в хронологических рамках конца 1920-х – начала 1940-х гг.» [Кликушин М.В., 1994: 97]. Автор синхронизирует громкие политические процессы с менее публичными политическими, уголовными преследованиями представителей научной интеллигенции в Сибири [Кликушин М.В., 1994: 98]. Касаясь рассматриваемого периода, новосибирский историк С.А. Красильников констатировал, что в первой половине 1930-х гг. в основном завершился процесс смены поколений внутри интеллигенции. Также он заметил, что данный процесс носил далеко не органичный характер, сопровождаясь резким «вымыванием» так называемых старых «спецов» в ходе дискриминаций и репрессий [Академическое дело..., 2015: 40; Красильников С.А., 2007: 279-280].

Таким образом, в современной российской историографии исследователи придерживаются мнения о фальсифицированном характере так называемого «Академического дела» [Панеях В.М., 2003]. При этом стоит поддержать позицию И.В. Павловой, согласно которой «репрессии против «буржуазных» специалистов и «вредителей» позволили ускорить темпы индустриализации под страхом обвинения в саботаже и вредительстве» [Павлова И.В., 1997: 17].

О метаморфозах с людьми периода великих потрясений и сталинских репрессий можно судить по событиям из биографии товарища А.И. Яковлева по университету, известного советского историка С.В. Бахрушина. Он происходил из богатых купцов. В Москве его семье принадлежало кожевенное производство. Перед революцией Сергей окончил истфак Московского университета и оставлен при нём для получения профессорского звания. Однако при царизме звания не добился. Сдал магистерские экзамены, но диссертацию защитить не смог. Подался в политику, став одним из видных активистов партии кадетов. Бахрушина избрали даже в Мосгордуму. После революции в 1919 г. многих кадетов, недовольных теперь уже большевиками, арестовали, а некоторых, в том числе и приват-доцента Бахрушина, приговорили к расстрелу. Алексей Иванович Яковлев, узнав об этом, решил спасти своего коллегу. Профессор, будучи знакомым Ленина ещё по Симбирску, поспешил к нему на приём в Кремль и стал просить помиловать Бахрушина. Ленин выслушал посетителя и сказал: «Вот помилуем мы его, а придут они потом к власти – и будут нас вешать!» На это Яковлев ответил: «Он, Владимир Ильич, не будет, он будет только смотреть». Оба рассмеялись, после чего Ильич велел помиловать Бахрушина [Швилкин Б.Н., 2002: 10].

Спасшись от смерти, но всё ещё изрядно перепуганный, Бахрушин поспешил к своему благодетелю Яковлеву и в знак благодарности пытался поцеловать ему руку. Смущённый профессор остановил его, недовольно буркнув: «Я ведь тебе не Патриарх!» Оставшись чудом в живых, Бахрушин в дальней-

шем постоянно подчёркивал свою лояльность новой власти. До революции он написал статью «Великая княгиня Елена Павловна» [Бахрушин, 1911: 115-172]. В ней речь шла о жене брата императора Николая I Михаила – женщине левых убеждений, активной стороннице отмены крепостного права в России. И даже такой статьи стал стыдиться Бахрушин, умалчивая о ней. Там же, где скрыть авторство не удавалось, он употреблял для неё новое название «Из истории общественных отношений XIX века» [Швилкин Б.Н., 2002: 10-11].

«Контрреволюционное» прошлое в дальнейшем не помешало Бахрушину стать известным исследователем истории Сибири и доктором исторических наук без защиты диссертации, и советским профессором, и лауреатом Сталинской премии.

Сохраниться Бахрушину помогло то, что он научился быть очень осторожным, считая, что «старая интеллигенция обанкротилась» [Анциферов Н.П. Из дум о былом..., 1992: 368]. Однако судите сами. Ольга Алексеевна Яковлева, дочь Алексея Ивановича, была крупным специалистом по эпохе Ивана Грозного и подготовила докторскую диссертацию по этой теме. Бахрушин же, считавшийся как бы её научным руководителем-консультантом, получил для просмотра материал по её диссертации. Это было как раз тогда, когда стало известно, что Сталин избрал грозного царя своим героем-кумиром. Так вот, Бахрушин, осознав это, не только отказался принимать какое-то участие в защите диссертации по такой небезопасной теме, но и заявил, что никогда не видел никаких рукописей Яковлевой, да и в плане защит такой диссертации не было [Швилкин Б.Н., 2002: 11].

В заключение приведём ещё несколько фактов, характеризующих весьма напряжённую атмосферу, в которой жил и трудился А.И. Яковлев. Они касаются взаимоотношений семьи Яковлевых со старшей дочерью – Наташей. В середине 1920-х гг. у неё начал развиваться туберкулез. О лечении его в условиях послереволюционной России не могло быть и речи. Случайно подвернулась возможность поехать в Италию с семьей извест-

ного московского врача Алексея Бакунина. Покинуть Россию Бакунина, по-видимому, вынудило ОГПУ за попытку лечить опального Патриарха Всея Руси Тихона. Бакунины, дружившие с Яковлевыми и знавшие о проблемах Наташи, пригласили её с собой. Они считали, что мягкий итальянский климат поправит её здоровье. Наташа согласилась, получила разрешение советских властей и поехала с ними. Но встретив сухой приём в Италии, Бакунины решили перебраться во Францию. Вместе с ними туда поехала и Наташа [Швилкин Б.Н., 2002].

В результате молодая девушка оказалась в Париже, поступила там в университет и стала учиться на врача. Первое время Алексей Иванович помогал дочери деньгами. Однако по мере «закручивания гаек» в СССР такая возможность пропала. Помогать Наташе стал знакомый Яковлевых американец-археолог Томас Уайтмор. Этот человек пытался помочь и не только ей, но и остальным Яковлевым в Москве. Однажды в то время, когда Алексей Иванович находился ещё в минусинской ссылке, Томас появился в квартире Яковлевых на Тверской в странном виде. На его голове была надета огромная меховая шапка, закрывающая лоб и глаза, воротник пальто был поднят. В руках он держал две большие сумки. Томас объяснил, что шапку, спадающую на глаза, он надел не случайно. По его мнению, в ней его не смогут распознать чекисты. Они, возможно, следят за ним и могут, если узнают о его посещении Яковлевых, причинить им неприятности. В сумках у Томаса оказалась кое-какая одежда, еда и даже сухие финики, которые он привёз из Америки в качестве подарка своим русским друзьям из своего сада [Швилкин Б.Н., 2002].

Дочь очень обрадовалась, когда уже после войны представилась возможность использовать для налаживания утраченной связи знакомого ей военного атташе посольства Франции в СССР, антифашиста, генерала французской армии и коммуниста. Тот взялся посетить Яковлевых в Москве, передать им привет от Наташи и поговорить с ними. Генерал в мундире и при орденах подъехал к дому Яковлевых на посольской маши-

не с французским национальным флагом, вошёл в квартиру и поговорил с перепуганными московскими Яковлевыми. Последствия посещения генерала-коммуниста были печальными. Ивана Алексеевича, работавшего по совместительству в Институте физических проблем над докторской диссертацией, тут же уволили. Его и его родных заставили писать в органы госбезопасности объяснения об их связях и контактах с границей [Швилкин Б.Н., 2002].

Наташа, наверное, не зная об атмосфере шпиономании в СССР, делала ещё несколько попыток связаться со своими родными. По её просьбе их посещали разные люди, в том числе и граждане СССР. И всякий раз Яковлевы писали в органы пространные объяснения. Им пришлось даже сообщить о пришедшем к ним скорбном известии о кончине Наташи. Подшивку этих «объяснений» в перестроечные годы вернули второй дочери – Ольге Алексеевне Яковлевой из спецотдела Института истории естествознания и техники, где она работала перед уходом на пенсию [Швилкин Б.Н., 2002].

Окончательную реабилитацию осуждённых по «Академическому делу» провели только в 1967 г., когда Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила постановление 1931 г. в отношении Платонова, Тарле, Лихачёва, Любавского, Рождественского, Егорова, Бахрушина, Пичеты, Яковлева и других в связи с отсутствием состава преступления [Дмитриев В.Д., 2011].

В заключение отметим, что научная биография Яковлева – это история ученика выдающегося историка, самого ставшего видным специалистом. Несмотря на масштабные социально-политические катаклизмы, на 4-летнюю ссылку в Минусинске, на послевоенную травлю, и даже вопреки всем перипетиям, Алексей Иванович Яковлев оставил многоплановое и интересное наследие. Многие из него остаётся неизвестным широким научным кругам. Поиск и публикация неизвестных работ историка является важной задачей историографической науки. По воспоминаниям современников, он был человеком, который умел располагать к себе других. Эта черта характера способствовала

тому, что Яковлев был дружен практически со всеми крупными учёными своего времени. Пронеся заветы своего учителя, он тем самым связал две эпохи развития русской исторической науки. Его жизнь и научная деятельность помогли донести ценности московской исторической школы до следующего поколения исследователей, сгладив тем самым разрыв между эпохами в отечественной историографии.

Список литературы и источников

1. АГМ. Ф. Р-488. Оп.2. Д.5 – приказы директора Минусинского госмузея им. Н.М. Мартьянова. 1931-1934 гг. 55 л.
2. АГМ. Ф. Р-488. Оп.2. Д.6 – ведомости по начислению зарплаты сотрудникам Минусинского госмузея им. Н.М. Мартьянова. 1931 г. 203 л.
3. АГМ. Ф. Р-488. Оп.2. Д.7 – ведомости на получение зарплаты сотрудниками Минусинского госмузея им. Н.М. Мартьянова. 1932 г. 184 л.
4. А.И. Яковлев [Некролог] // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 168.
5. Академическое дело 1929-1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб. : Б-ка РАН, 1993. 296 с.
6. Академическое дело 1929-1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1-2. СПб. : Б-ка РАН, 1998. 746 с.
7. Академическое дело 1929-1931 гг. : документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 9 : Обвинение. Приговор. Реабилитация. Ч. 1-3. СПб. : Б-ка РАН, 2015. 1642 с.
8. Академия наук в решениях политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922-1952 / сост. В.Д. Есаков. М. : РОССПЭН, 2000. 752 с.
9. *Акиньшин А.Н., Щавелёв С.П.* Краеведов дело // Большая российская энциклопедия : в 35 т. Т. 15 / отв. ред. С.Л. Кравец. М. : Большая российская энциклопедия, 2010. С. 561.
10. Александр Александрович Зимин / сост. В.Г. Зими́на, Л.Н. Простоволосова. М. : РГТУ, 2005. 166 с.
11. *Александров Г.А.* Алексей Иванович Яковлев // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 515.

12. Александров Г.А. Алексей Иванович Яковлев – историк, археограф, педагог // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 151-158.

13. Александров Г.А. Алексей Иванович Яковлев: 1878-1951. «Прекрасный работник для русской науки и школы» // Учёные: иллюстрированное издание. Т.4. Чебоксары, 2006. С. 339-348.

14. Александров Г.А. Историк А.И. Яковлев // Александров Г.А. Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. Чебоксары, 2002. С. 172-201.

15. Ананьич Б.В., Панях В.М. Принудительное «соавторство» (к выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929-1931 гг.». Вып. 1) // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. Вып. 1. М.; СПб. : Феникс; Athenium, 1995. С. 87-111. 104 с.

16. Андреева О.В., Куглюковская Л.И. Из истории Московского Румянцевского музея : (по воспоминаниям Н.Н. Ильина) // Книга в пространстве культуры / РГБ. Вып. 1. М., 2005. С. 4-30.

17. Анциферов Н.П. Из дум о былом : воспоминания. М. : Феникс; Культурная инициатива, 1992. 512 с.

18. АРАН. Ф. 665 (фонд А.И. Яковлева). Оп.1. Д.38; Д.44; Д.274.

19. АРАН. Ф. 1759 (фонд М.Н. Покровского). Оп.4. Д.309.

20. «Аресты учёных не могут быть оправданы никакими соображениями политики...»: переписка М. Горького и Г.Е. Зиновьева / публ. М.А. Семашкиной // Горький М. Материалы и исследования. Вып. 5 : Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. М. : Наследие, 2000. С. 193-227.

21. Бахрушин С.В. Великая княгиня Елена Павловна // Освобождение крестьян : деятели реформы. М. : Издание «Научное слово», 1911. С.115-172.

22. Бочкарёв В.Н. А.И. Яковлев // Записки Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1952. № 15. С. 101-120.

23. Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117-129. а

24. Брачев В.С. «Дело историков», 1929-1931 гг. СПб.: Нестор, 1997. 113 с. а

25. Брачев В.С. «Дело историков». 1929-1931 гг. 2-е изд., доп. СПб. : Нестор, 1998. 125 с.

26. *Брачев В.С.* Опасная профессия – историк. СПб. : Стомма, 2005. 372 с.
27. *Брачев В.С.* Русский историк Сергей Фёдорович Платонов. СПб. : Минерва, 1995. 307 с. С. 271.
28. *Брачев В.С.* Русский историк С. Ф. Платонов: учёный, педагог, человек. СПб.: Нестор, 1997. 262 с. b
29. *Брачев В.С.* Травля русских историков. М. : Алгоритм, 2006. 320 с.
30. *Брачев В.С.* Трагедия академика С.Ф. Платонова. Об обвинении в контрреволюционном «заговоре» С.Ф. Платонова и других историков в 1929-1931 гг. // Ленинградская панорама. 1989. № 9. С. 27-29. b
31. *Брачев В.С.* Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4. С. 120-127.
32. *Веселовский С.Б., Яковлев А.И.* Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV-XVII вв. Том 1. М. : Изд-ие Центархива РСФСР, 1929. 398 с.
33. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника : в 12 т. Т. 1 : 1870-1905. М., 1970. С. 18, 133-134.
34. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника : в 12 т. Т. 2 : 1905-1912. М., 1971. С. 114.
35. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника : в 12 т. Т. 5 : октябрь 1917 – июль 1918. М., 1974. С. 392.
36. *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М. : Ин-т российской истории РАН, 1999. 269, [2] с. С. 70-84.
37. *Дмитриев В.Д.* Алексей Иванович Яковлев // Чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2011. В 4 т. Т. 4 : Си-Я. С. 715-716.
38. *Душинов С.М.* К истории отечественной археографии: (издания, подготовленные А.И. Яковлевым) // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 111-120.
39. *Душинов С.М.* Личный фонд А.И. Яковлева в Архиве АН СССР // Советские архивы. 1981. № 5. С. 48-52.
40. Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: КОО Ассоциация «Рус. энциклопедия», 1998. 736 с.
41. In memoriam: исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка / сост. А.И. Добкин, М.Ю. Сорокина. М.; СПб.: Феникс; Athenaeum, 1995. 450 с.
42. Исповедь узника ОГПУ (Неизвестная рукопись академика С.Ф. Платонова) / Вст. ст. и публ. В.С. Брачева // Вестник РАН. 1992. № 9. С. 118-128.

43. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Т. 3. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», Ин-т истории СО РАН, 2010. 783 с.

44. История библиотеки в лицах / Минусин. краевед. музей; сост. Е.Ю. Сидорина; дизайн, вёрстка О.В. Войда. Красноярск : Типография «Крафт», 2018. 16 с.

45. *Клапюк В.Т.* А.И. Яковлев – историк, педагог, библиотекарь, библиограф: (к 60-летию Великой победы и 75-летию МГУКИ) // Вестник МГУКИ. 2005. № 2. С. 144-150.

46. *Кликушин М.В.* Летопись арестов: научная интеллигенция Сибири в годы сталинских репрессий // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920-1930-е гг.): сборник научных трудов / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1994. С. 96-122.

47. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1937. Ч. I-V.

48. *Красильников С.А.* «Репрессированный вектор» науки в восточных регионах страны // Личность в истории Сибири XVIII-XX веков : Сб. биограф. очерков. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. С. 271-281. 296 с. О Яковлеве С. 279.

49. *Красильников С.А.* Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 – середине 1930-х гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 44 с.

50. *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары : Чуваш кн. изд-во, 1998. 354 с. С. 300-311.

51. *Кривошеев Ю.В.* Историк А.И. Яковлев и революционер В.И. Ульянов-Ленин // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 410-423.

52. *Куглюковская Л.И.* Судьба сотрудников Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в период чисток и репрессий : (1918-1939 гг.) // Книга в пространстве культуры / РГБ. М., 2008. Вып. 1(4). С. 28-46.

53. *Макаревский А.В.* Встречи Алексея Ивановича Яковлева с В.И. Лениным в контексте взаимоотношения семей И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева / Макаревский А.В., Макаревский В.И., Макаревский В.В. // Вестн. Ленин. мемориала. Вып. 8. Ульяновск, 2006. С. 143-150.

54. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / Изд. под ред. прив.-доц. А.И. Яковлева. М. : Ист.-филол. фак. Имп. Моск. ун-та, 1909. II, IV, 208 с.

55. Новгородские записные кабальные книги 100-104 и 111 годов : (1591-1596 и 1602-1603 гг.) / под ред. проф. А.И. Яковлева; Акад. наук СССР Ин-т истории. М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. 476 ст.; 445 с.

56. «Осталось ещё немало хлама в людском составе»: как начиналось «дело Академии наук» // Источник. 1997. № 3. С. 105-126; № 4. С. 103-119.

57. Отечество. История, люди, регионы России : энцикл. словарь / сост. А.П. Горкин, В.М. Карев. М. : Науч. изд-во «Бол. Рос. энциклопедия», 1999. 799 с.

58. Павленко Н. «Академическое дело». Историки под прицелом ОГПУ // Наука и жизнь. 1999. № 11. С. 26-30.

59. Павлова И.В. Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти: историко-архивный альманах / науч. редактор-составитель И.В. Павлова. Вып. 3. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 4-36.

60. Память: Исторический сборник. Париж : Изд-во «Ymca-Press», 1981. Вып. 4. 556 с.

61. Панеях В.М. К спорам об «Академическом деле» 1929-1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах // Россия и проблемы европейской истории: средневековье, новое и новейшее время. Ростов, 2003. С. 303-319.

62. Пацуто В.Т. Рец. на книгу: Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Т. 6. 1946; Т.9. 1947. Саранск // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 136-140.

63. Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып.1. С. 163-235. а

64. Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» // Природа. 1991. № 4. С. 96-104. б

65. Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «Великий Перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М. : Наука, 1995. С. 201-235. а

66. Перченко Ф.Ф. Список членов АН СССР, подвергшихся репрессиям // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М. : Наука, 1995. С. 236-252. б

67. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925-1936 гг.: Сб. документов РЦХИДНИ. – М. : Изд. центр «Россия молодая», 1995. 303 с.

68. *Погребняк А.И.* Минусинский политехссылный Л.Б. Каменев // Гришаевские чтения : материалы I национ. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф., заслуж. работника высшей школы В.В. Гришаева (Красноярск, 11 сент. 2018 г.) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2018. С. 185-192.

69. Покаяние академика С.Ф. Платонова. Публичные записки историка в коллегия ОGPU от 1930 г. / публ. и предисл. В.С. Брачева и С.В. Чернова // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 5. С. 17-19.

70. *Покровский М.Н.* О научно-исследовательской работе историков // Правда. 1929. 17 марта. № 4197.

71. Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 7-10.

72. *Пушкарёв Л.Н.* Мои встречи с А.И. Яковлевым // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 2. Чебоксары, 2001. С. 238-270. а

73. *Пушкарёв Л.Н.* Три года работы с А.И. Яковлевым // Историографический сборник. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 157-160. б

74. Русская правда / под ред. А.И. Яковлева. М. : Изд-ие Т-ва «В. Думнов, насл. бр. Салаевых», 1914. 50, [1] с. (Памятники русской истории, издаваемые под редакцией преподавателей русской истории профессоров: М.М. Богословского, Ю.В. Готье [и др.; Вып. 9]).

75. *Сергеев Т.С.* Яковлев Алексей Иванович // Сергеев Т.С. Историки Чувашии – доктора наук. Чебоксары, 2002. С. 156-164.

76. *Сидоров А.В.* «Историк-марксист» восемьдесят лет назад: смена приоритетов в советской исторической науке // История и историки : историографический вестник. 2007 / Ин-т рос. истории РАН; отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2009. С. 165-188.

77. *Степанов М.Г.* «Академическое дело» (1929-1931 гг.): взгляд современной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 158-161.

78. Таможенные книги Московского государства XVII века / Акад. наук СССР, Ин-т истории; под ред. чл.-кор. АН СССР проф. А.И. Яковлева. Т.1-3. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950-1951.

79. *Тихонов В.В.* А.И. Яковлев – ученик В.О. Ключевского // Ключевские чтения – 2011: материалы Всероссийской научной конференции: сборник научных трудов. М., 2011. Т. 1. С. 29-32.

80. Тихонов В.В. «В истории так мало незыблемых истин...» (к 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева) // История и историки. 2008 : историографический вестник. М., 2010. С. 289-317.

81. Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века : научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина : [моногр.]. М. ; СПб. : Нестор-история, 2012. 325[5] с. а

82. Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века : научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина / Ин-т рос. истории РАН. М., 2012. 390 с. б

83. Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР / отв. ред. В.А. Куманев. М.: Наука, 1995. 253 с.

84. Цамутали А.Н., Лепёхин М.П. Предисловие // «Академическое дело 1929-1931 гг. : документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 9. Ч. 1: Обвинение. Приговор. Реабилитация». СПб., 2015. С. 3-17.

85. Швилкин Борис Николаевич. Рассказы университетского профессора / ред. О.В. Салецкая. М. : Физический факультет МГУ; отдел оперативной печати, 2002. 52 с.

86. Энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 3. М. : Гос. науч. изд-во «Бол. Сов. энциклопедия», 1955. 744 с.

87. Яковлев А.И. // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. доп. М. : Большая Рос. энциклопедия; СПб. : «Норинт», 1997. С.1428.

88. Яковлев А.И. Акты хозяйства боярина Морозова: Ч. 1. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1940. 230 с.

89. Яковлев А.И. Акты хозяйства боярина Морозова: Ч. 2. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1945. 211 с.

90. Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке : очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1916. IX, 321 с. а

91. Яковлев А.И. В.О. Ключевский (1841-1911) // Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 6. Саранск, 1946. С. 94-131.

92. Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей, 146-161, 1637-1653 гг. М. : Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. [2], X, 562 с.

93. Яковлев А.И. Счётное дело Приказа сбора ратных людей 149-153

/1640-1645 гг. / изд. А. Яковлевым. М. : [Тип. Г. Лисснера и Д. Совко], 1916. [6], 114 с. б

94. *Яковлев А.И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. : автореферат // Исторический журнал. № 7. Июль 1943. С. 51-61 а.

95. *Яковлев А.И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. По архивным документам холопъего и посольского приказов, оружейной палаты и разряда. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1943. 564 с. б

96. *Яковлев А.И.* Четыре встречи с В.И. Лениным // Исторический журнал. 1942. № 1-2. С.160-162.

97. *Яковлев И.Я.* Моя жизнь : [воспоминания чувашского просветителя]. М. : Республика, 1997. 694,[2] с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Иванович Погребняк

кандидат исторических наук, доцент.

г. Минусинск, Россия

E-mail: alek.pogrebniack@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Alexander I. Pogrebnyak,

Candidate of Sciences in History Assistant professor.

Minusinsk, Russia

E-mail: alek.pogrebniack@yandex.ru

УДК 910.4

**ОПИСАНИЕ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ ЕНИСЕЙСКОЙ
СИБИРИ В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ ЭКСПЕДИЦИИ
Д.Г. МЕССЕРШМИДТА**

И.Г. Фёдоров

Аннотация. Основываясь на сведениях путевого журнала учёных-путешественников Д.Г. Мессершмидта и И.Ф. Страленберга, автор даёт описание внешнего вида, внутреннего устройства, достопримечательностей населённых пунктов Енисейской Сибири первой четверти XVIII века. А также рассматривает вопросы, связанные с административным управлением, религиозными традициями, бытовым укладом, промыслами жителей Енисейской Сибири.

Ключевые слова. Абаканский острог, деревня Овсянка, Енисейская провинция, камерир Абалаков, Лосиноборский монастырь, обер-комендант Вердеревский.

**DESCRIPTION OF THE SETTLEMENTS OF YENISEI SIBERIA
IN TRAVEL NOTES OF D.G. MESSERSCHMIDT**

Igor Fedorov

An abstract. Based on the information of the travel scholars D.G. Messerschmidt and I.F. Strahlenberg, the author gives a description of the appearance, internal structure, sights of the settlements of Yenisei Siberia in the first quarter of the 18th century. He also considers issues related to administrative management, religious traditions, everyday life, fisheries of residents of Yenisei Siberia.

Keywords. Abakan sharp, the village of Oatmeal, Yenisei Province, Abalakov's chamberlain, Losinobor monastery, Ober-commander Werderevsky.

Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта является одним из главных нарративных источников по истории Енисейской Сибири первой четверти XVIII века. Как известно, призванный на русскую службу самим Петром Великим, немецкий доктор Д.Г. Мессершмидт был первым учёным, совершившим путешествие по Сибири с целью её научного исследования и описания [ПФА РАН. Ф.98. Л.2]. В марте 1719 г., Мессершмидт выехал из Петербурга, начав свое восьмилетнее путешествие. На территории Енисейской Сибири Мессершмидт работал в общей сложности чуть более двух лет. Вернувшись в Петербург, в силу разных обстоятельств, Д.Г. Мессершмидт попал в опалу и умер в нищете и забвении 25 марта 1735 г. Его рукописи, хранящиеся в архиве Петербургской Академии наук, активно использовались последующими исследователями Сибири, но не публиковались более двухсот лет [Фёдоров Я.И., Фёдоров И.Г., 2019: 364-365].

Предлагаемый в качестве источника путевой журнал представляет собой 12 объёмистых переплетённых тетрадей, заключающих около 3000 страниц и, по сути, является дневниковой записью с марта 1721 по январь 1727 гг. Хранятся эти тетради в Петербургском филиале архива Российской Академии наук (ПФА РАН), фонд 98, опись 1, за № 1-5 [Первый исследователь Сибири, 2019: 153-154]. В 1962-1977 гг. путевой журнал Мессершмидта был издан Берлинской Академией наук в пяти томах на немецком языке. Перевод соответствующих фрагментов из этого издания мы используем для данной статьи.

Сведения о Енисейской Сибири находятся в первом [Messerschmidt, 1962], втором [Messerschmidt, 1964] и четвертом [Messerschmidt, 1968] томах Берлинского издания. Уточним то обстоятельство, что большую часть записей до 12 мая 1722 г. (I том Берлинского издания) сделал спутник Мессершмидта – пленный шведский капитан Филипп Иоганн Табберт, вернувшийся на родину в 1722 г. и получивший там титул барона фон Страленберг. На русский язык, фрагментарный перевод дневниковых записей пребывания Мессершмидта в Енисейской Си-

бири, опубликован в трудах Г.Ф. Быкони [Быконя, 2018], Е.А. Ким [Мессершмидт, 2012], Л.Р. Кызласова [Кызласов, 1998], М.Г. Новлянской [Новлянская, 1970], Д.Г. Савинова и И.В. Тункиной [Тункина, Савинов, 2017], И.Г. Фёдорова и Я.И. Фёдорова [Фёдоров Я.И., Фёдоров И.Г., 2019], Ю.И. Чивтаева [Мессершмидт, 2018].

Наше сообщение мы начнём с описания южных селений Енисейской Сибири. От Саянского острога до Красноярска Мессершмидт перечисляет восемнадцать русских деревень и два острога – Абаканский и Караульный (или Верхний), указывая при этом их географические координаты. В Саянском остроге Мессершмидт побывал дважды – в сентябре 1721 и 1722 гг. Отметим, что основное внимание в этот период Мессершмидт уделял описанию растительного и животного мира, практически, не указывая никаких достопримечательностей. Географическую широту Саянского острога Мессершмидт измерил 12 сентября 1722 года и получил – $53^{\circ}10'$. Сам острог находился на правом берегу Енисея. Встретил Мессершмидта, за отсутствием приказчика, есаул, имя которого не указано. Встретил, вполне радушно, преподнеся помимо продуктов питания и личные подарки – десятиметровый отрез голубого шёлка, пакет табаку и килограмм коричневого чая [Messerschmidt, 1962: 316].

В Абаканском остроге Мессершмидт жил довольно-таки долго в 1721 году, но путевые записи этого периода отсутствуют. Сохранились только краткие сведения, которые записывал Страленберг. А осенью 1722 года Мессершмидт спешил в Красноярск, боясь попасть в ледостав на Енисее, поэтому его записи также предельно лаконичны. Острог находился на правом берегу Енисея возле горы Туран. Географическая широта Абаканского острога, которую Мессершмидт измерил 19 сентября 1722 года, составила $54^{\circ}7'$. Приказчиком острога был Алексей Прохорович Василевский. Любопытен случай, произошедший с Мессершмидтом в остроге 21 сентября 1722 года. Испытывая острую нехватку денег, Мессершмидт закупил в дорогу только сухари и хлеб. Узнав об этом, помощник приказ-

чика (А.П. Василевский был в отъезде) подарил Мессершмидту 50 кренделей, 100 грамм табаку и килограмм чая. Но ещё больше Мессершмидта растрогала своим сочувствием «старая русская женщина», бывшая у него прачкой год назад, которая принесла ему на обед «яйца, молоко и калачи» [Messerschmidt, 1962: 320]. Отметим, что недалеко от стен острога стояла часовня, возле которой находилось острожное кладбище, на котором были захоронены люди разного вероисповедания, в том числе и один из участников экспедиции Мессершмидта – квартирмейстер, унтер-офицер Даниил Капель, протестантской веры [Messerschmidt, 1962: 170].

Из поселений, находящихся по берегам Енисея, между Абаканским острогом и Красноярском, Мессершмидт отметил Караульный острог, где находилась очень красивая деревянная церковь и деревню Овсянку, где он бывал дважды (в феврале и октябре 1722 года) и каждый раз останавливался там на ночлег. Он отметил, что Овсянка представляет собой одну вытянутую вдоль Енисея улицу, дома рубленные из кругляка, с большими подворьями. Деревню пополам пересекает небольшая речка, впадающая в Енисей. Прямо напротив Овсянки живописные скалы и пещеры [Messerschmidt, 1962: 331-332]. Кроме того, Д.Г. Мессершмидт называет овсянцев хорошими мастерами по изготовлению лодок. Так, сделанный ими баркас по чертежам Мессершмидта, был настолько хорош, что Красноярский воевода Дмитрий Иванович Шетнев забрал его для себя, взамен дав три лодки. И вообще, Мессершмидт часто с восхищением пишет о местных жителях. Русские, по его мнению, очень ловкие и бесстрашные охотники. Обладают они и поразительной выносливостью, готовы длительное время терпеть голод, жажду, физические нагрузки. Удивила его способность к работе и при очень низких температурах. Также они являются хорошими ремесленниками, например, в деревне Дойниково, между Езагашем и Бирюсой, на правом берегу Енисея (ныне на дне Красноярского водохранилища), делали отличную глиняную

посуду, которая пользуется спросом от Абаканского острога до Красноярска [Messerschmidt, 1962: 185].

Наибольшее количество страниц путевого журнала посвящено городу Красноярску, в котором Мессершмидт прожил почти год – с 24 февраля 1722 г. по 8 мая 1723 г. (лето и осень 1722 г. Мессершмидт провел в Чулымских и Хакасских степях). Внимание Мессершмидта привлекали жизнь и быт красноярцев. Главным источником информации для Мессершмидта были члены семьи сибирского дворянина Ивана Сурикова-Нашивошников-ва, у которого он жил в первую зиму, красноярские воеводы, служилые и промышленные люди, ремесленники и торговцы. Со страниц дневника Мессершмидта перед нами встают яркие и колоритные фигуры красноярцев XVIII века, их повседневные дела, умение постоять за себя перед силами грозной стихии и не менее грозного гнева воеводского, привычки и нравы. Описывает, иногда с нескрываемым ужасом, Мессершмидт – и лихие-удалые празднества красноярцев, недоумевает по поводу слабостью набожности простого люда, поражается наглости местной администрации, беззастенчиво обирающей своих поданных [Быконя, 2018: 177-180].

Но наиболее полно в путевом журнале даётся описание города Енисейска, который в 1720-е годы являлся административным центром Енисейской провинции. Отметим, что в Енисейске, Д.Г. Мессершмидт был два раза – в мае 1723 г. и в июле-августе 1725 г. Его спутник И.Ф. Страленберг побывал в Енисейске в марте 1722 г.

20 марта 1722 г. Страленберг прибыл в Енисейск и, спустя три дня, с помощью квадранта вычислил географическую широту города – $58^{\circ}44'$ [Мессершмидт, 2012: 56]. Именно эти координаты попали в его книгу, изданную в 1730 г. в Стокгольме, и на добрых полсотни лет, были ориентиром для всех европейских картографов. Спустя год, Мессершмидт, сделал более точные измерения, определив широту Енисейска в $58^{\circ}33'$ [Messerschmidt, 1964: 53], которые были использованы в Атласе Всероссийской империи Иваном Кириловым в 1730-х гг. При описании внеш-

него вида и размеров Енисейска Страленберг приводит следующие факты. Енисейск находится на левом берегу реки Енисей, и вытянут с запада на восток, вдоль берега. Город обнесён деревянной оградой, и представляет прямоугольник длиной 3,5 км и шириной 1,5 км. Вокруг всей ограды протекает речка, впадающая в Енисей, делая город своеобразным островом. Что касается зданий, то все они деревянные, кроме одной или двух каменных церквей (Мессершмидт указывает только одну каменную церковь). Особо, как наиболее добротные, Страленберг отметил здание Приказа Енисейской провинции и дом обер-коменданта, находящийся рядом с Приказом. Главная улица Енисейска имеет протяжённость 150 метров, на которой, в том числе, находится Гостиный двор, состоящий из деревянных лавок. Перед каменной церковью располагается рынок [Мессершмидт, 2012: 54-56].

Что касается жителей Енисейска, то Страленберг даёт характеристику лишь одному из них – обер-коменданту Ивану Михайловичу Вердеревскому. Это достаточно учтивый и вежливый человек, весьма уважительно относящийся к иностранцу, к тому же, военнопленному. Обер-комендант принял Страленберга сразу, без всяких проволочек, у себя дома. Расспросил о дороге, делах. Принял все письменные просьбы от Д.Г. Мессершмидта, пообещав дать ответ через час. Затем приказал подъячему отвести Страленберга на хорошую квартиру, в которой тот прожил три дня. Всё, что было в его силах, обер-комендант исполнил. Отметим, соблюдение религиозных традиций и набожность Вердеревского, который 22 марта, пришедшийся на четверг Страстной недели, был на молебне в церкви и причащался. Пребывание Страленберга пришлось на Страстную неделю перед Пасхой, которая в Енисейске в 1722 г. выдалась ветреной, с метелью и снегопадами. Возможно, поэтому на улице было малоллюдно, не более 150 человек [Messerschmidt, 1962: 200-201].

Более подробное описание Енисейска и его жителей мы нахо-

дим в записях путевого журнала, сделанных самим Д.Г. Мессершмидтом.

В свой первый приезд Мессершмидт провёл в Енисейске 14 дней – с 19 мая по 1 июня 1723 г. При первой возможности, 21 мая, он определил географическую широту Енисейска – $58^{\circ}33'$, уточнив тем самым измерения Страленберга. Что касается внешнего вида города, Мессершмидт чётко указывает, что все здания деревянные, кроме одной каменной церкви [Messerschmidt, 1964: 53]. Проезжая от берега Енисея к Спасско-му мужскому монастырю на повозке, Мессершмидт отметил: «улицы города были такими вязкими и болотистыми, что повозка увязла до самых осей, потому что весь город был выстроен на настоящих болотах и топях» [Messerschmidt, 1964: 55]. Из природных достопримечательностей Мессершмидт указал на очень красивое озеро, находящееся в 6 км от Енисейска; из городских – приятный взору мужской монастырь, расположенный на красивом холме.

В свой первый приезд Мессершмидт общался с тремя категориями енисейских жителей – представителями администрации, архимандритом мужского монастыря и купцами.

Вслед за Страленбергом, Мессершмидт отмечает учтивость и деловитость обер-коменданта Енисейской провинции Ивана Михайловича Вердеревского. На просьбу Мессершмидта о лодке, проводнике и снаряжении для дальнейшего путешествия вниз по Енисею, Вердеревский ответил согласием, и в короткие сроки полностью выполнил своё обещание. Приготовлением всего необходимого он обязал заняться своего помощника (секретаря, как называл его Мессершмидт), Василия Ивановича Леонова. Вот какую характеристику Мессершмидт даёт этому енисейскому чиновнику: «я нашёл его милым, тихим, разумным человеком без фанфаронства [хвастовства] и других заметных слабостей. Он располагал к откровенному разговору» [Messerschmidt, 1964: 53]. Леонов, до Енисейска, служил в Мангазее, и по просьбе Мессершмидта, подробно рассказал о пути следования, о нравах и обычаях мангазейцев. Именно он

отговорил Мессершмидта от путешествия к берегам Ледовитого океана, и посоветовал, поднявшись по Нижней Тунгуске, выйти на Лену, и спуститься к Байкалу. Третий представитель власти, общавшийся с Мессершмидтом, был камерир Пётр Михайлович Абалаков. Функции камерира были разнообразны (финансово-хозяйственная деятельность), и официально он был вторым человеком в управлении провинцией. О камерире Мессершмидт пишет также положительно, отмечая его деловые качества. Именно Абалаков провожал Мессершмидта в качестве официального лица. Подводя итог общению с представителями власти отметим, что ни до, ни после, Мессершмидт никого так положительно не характеризовал. Обычно, со страниц его дневника, нам предстают мрачные, жестокие, склонные к порокам власть имущие чиновники разных рангов и уровней.

В целом, Мессершмидт положительно характеризует всех жителей Енисейска, общавшихся с ним в мае 1723 г. Так купец Иван Иванович Щукин подарил Мессершмидту 1 голову сахара и 1 фунт чая. Другой купец, Алексей Иванович Карамзин, уроженец Енисейска, при посещении Мессершмидта, также сделал ему различные съестные подарки. И за чаем, между прочим, рассказал о страшной трагедии, произошедшей в Енисейске накануне приезда Мессершмидта. Был зверски убит у себя в доме некий гренадёр, приехавший из Тобольска. Молва утверждала, что он, должен был доставить в Тобольск обер-коменданта Вердеревского. Но наутро, после приезда, гренадёр был найден мёртвым во дворе своего дома, в колодце «причём стоящим, ноги внизу, голова вверху. Голова была вся в крови, кости черепа раздроблены, так что имелось достаточно указаний на то, что он не сам захлебнулся, а был кем-то убит. Так как его одежда и имущество были найдены не тронутыми, то у убийц не было намерения убить его, чтобы ограбить. Обер-комендант приказал похоронить гренадера сразу, не произведя никакого дознания. Так что в наших глухих местах высшие делают, что они хотят, не беспокоясь об ответственности» [Messerschmidt, 1964: 54].

Ещё более удивительным выглядит дружеское общение Мессершмидта с архимандритом Спасского мужского монастыря Даниилом (Матвеевым). Ведь на протяжении всего своего путешествия христианин Мессершмидт более с явной симпатией относился к язычникам, представителям коренных народов Сибири, нежели к православной вере русских вообще, и к православным священникам в частности. В день приезда Мессершмидта в Енисейск, 19 мая, архимандрит Даниил, в качестве приветственного подарка, передал ему три караваия из хорошо помолотой муки и ведро пива. На 23 мая в том году пришлось Троица. Мессершмидт, который до этого, весьма саркастично описывал все православные обычаи и традиции во время христианских праздников, на этот раз был удивительно вежлив и корректен, отметив, что «Троицу, которую русские называют Вознесение, они празднуют, как и другие праздники, сообразно их привычкам...» [Messerschmidt, 1964: 54]. После Великих православных праздников (Троица и Духов день), 25 мая (вторник), архимандрит Даниил пригласил Мессершмидта к себе в гости, прислав за ним специальную повозку. Местоположение монастыря, на высоком красивом холме, понравилось Мессершмидту, впрочем, как и весь монастырский ансамбль. Мессершмидт отметил хлебосольство архимандрита, его образованность и осведомлённость о расположении и жизни монастырей в Якутии и более восточных окраинах Сибирской митрополии. Архимандрит также отговаривал Мессершмидта от путешествия к Северному Ледовитому океану, из-за отсутствия специального снаряжения и подготовки, и рассказал возможные пути к Киренскому монастырю в Якутии и монастырям Иркутска. При этом он хорошо отзывался о братии Киренского монастыря, и заверил Мессершмидта, что в нём можно будет перезимовать. В день отъезда Мессершмидта из Енисейска, архимандрит прислал ему различные продукты в дорогу.

Что касается погоды в Енисейске, то Мессершмидт отметил, что во все дни было тепло и ясно. Но, тем не менее, климат в городе, из-за болотистой местности весьма нездоровый, чему сви-

детельствовал пример якутов, «командированных» в Тобольск, которые, остановившись в Енисейске «большой частью умерли, или же, как минимум, заболели» [Messerschmidt, 1964: 55].

Второй раз в Енисейске Мессершмидт побывал спустя два года, летом 1725 г., возвращаясь из Иркутска в Петербург. Накопившаяся за долгие годы путешествия усталость, подорванное суровым климатом здоровье, вылились в раздражительность и мелочную придирчивость ко всем окружающим. Записи в дневнике наполнены едкими колючими выражениями, с преобладанием негативных характеристик. Единственное позитивное описание относится к общению с Витусом Берингом и членами его команды. Легендарный командор остановился в Енисейске на пути своего следования к берегам Тихого океана.

Мессершмидт прибыл в Енисейск вечером 14 июля. И так как не планировал надолго задерживаться, остановился прямо в своём дощанике, на котором приплыл из Иркутска, отказавшись от городской квартиры. Дощаник стоял на окраине города вниз по течению. Буквально со второго дня началась его затяжная тяжба с Енисейской воеводской канцелярией, возглавил которую, после смерти Ивана Михайловича Вердеревского – Иван Тишной. Тяжба усугубилась и отсутствием Василия Ивановича Леонова, бывшего в длительном отъезде, с которым у Мессершмидта были хорошие отношения. Ивана Тишного он явно невзлюбил, даже не упомянул его отчества. И, несмотря на то, что Тишной как мог, пытался выполнить просьбы Мессершмидта, тот был недоволен ни качеством, ни сроками исполнения. Из воеводской канцелярии Мессершмидт тесно общался с подьячими Любимом Ивановичем Черепановым, Алексеем Градцевым и Михаилом Толстоуховым, которые составляли опись имущества, писали официальные мемориалы и промемории, наполненные жалобами на жителей различных подгородных селений и города. На то, что Мессершмидт находился в тяжёлом психологическом состоянии, указывает и тот факт, что даже встреча со старым добрым знакомым – архимандритом Даниилом (Матвеевым), утомила его. Тем не менее, архиман-

дрит, ежедневно, присылал Мессершмидту различные продукты, а с 1 августа, из-за сильных дождей и гроз, даже разместил Мессершмидта со спутниками, в одной из келий монастыря.

Из наиболее интересных фактов, записанных Мессершмидтом, отметим следующие. В свой второй приезд он указал точное количество дворов в Енисейске – 595 [Messerschmidt, 1968: 161]. Кроме того, Мессершмидт, со слов архимандрита Даниила, отметил небывалое наводнение в городе, которого здесь не помнили лет 40-50, несмотря на то, что Енисейск подтапливало каждый год. Вода поднялась на 6 метров, смыв многие береговые строения: и дома, и амбары, и часть городской стены [Messerschmidt, 1968: 161, 166]. Рано утром, 16 августа 1725 г., Мессершмидт покинул Енисейск.

Заканчиваем своё сообщение описанием Лосиноборского монастыря, в который Мессершмидт прибыл вечером 27 августа 1725 года, плывя из Маковского острога по реке Кеть в Нарым [Messerschmidt, 1968: 218].

Лосиноборский монастырь находился на левом берегу реки Кеть, чуть ниже устья речки Лосинской. По рассказам местных жителей расстояние от монастыря до Маковского острога по суше конным путём было 181 км. Но по воде, из-за постоянных изгибов Кети Мессершмидт, приблизительно, насчитал 360 км (следует указать, что эти подсчёты были неверными, и почти в полтора раза удлинили реальное расстояние). Уже на следующий день, 28 августа, Мессершмидт определил географическую широту места – 58°15' [Messerschmidt, 1968: 219]. Монастырь был окружён кедровым лесом, а берега Кети и Лосинки, изобиловали дичью. В первый же вечер слуга Петер Кратц подстрелил на ужин чирка и набрал кедровых шишек. Мессершмидт отметил, что орехи были гораздо прочнее и больше, в сравнении с теми, что в Германии.

Сам монастырь располагался на высоком холме над Кетью и представлял собой церковь и несколько строений, огороженных деревянной изгородью. Настоятель монастыря встретил Мессершмидта радушно, предложив на завтрак буханку свежего

ржаного хлеба, десяток яиц, миску сметаны и пару чашек самогона. За беседой настоятель рассказал о «песчаных берегах или плёсах» (плёс – расстояние от одного изгиба реки до другого) Кети. На просьбу об отдельной комнате для работы, настоятель распорядился выделить пустующую келью с окнами и русской печью. В этой келье Мессершмидт приводил в порядок чучела птиц и зверей, и упаковывал их в четыре больших ящика. Так как Мессершмидт ночевал в своём струге, то на ночь запечатывал двери и окна кельи, на что настоятель реагировал вполне лояльно. На всё время пребывания настоятель снабдил Мессершмидта хлебом, маслом, рыбой, репой и свеклой, а также дал 50 кг (3 пуда) муки, чтобы испечь в дорогу хлеба и насушить сухарей [Messerschmidt, 1968: 221]. Недалеко от монастыря располагались подворья крестьян, работающих на монастырь. Крестьяне продавали проезжающим на мясо крупный и мелкий рогатый скот. Так, слуга Петер Кратц купил три ягнёнка за 90 копеек [Messerschmidt, 1968: 228].

Мессершмидт отметил, что проезжающие купцы, передают в монастырь различные пожертвования, как, например, плывущий в Енисейск хлыновский купец Григорий Григорьевич Гореванов. Из-за большой нагрузки по систематизации коллекций и приведения в порядок багажа, Мессершмидт очень уставал, и мало общался с проезжающими людьми, в том числе своими бывшими знакомыми. Так он проигнорировал приезд архимандрита Туруханского Троицкого монастыря Лаврентия (Кивлина), оказавшего ему радушный приём в июне 1723 года. Архимандрит Лаврентий отдыхал в монастыре, от трудной дороги, два дня и 4 сентября продолжил свой путь в Тобольск, обидевшись на Мессершмидта, за неучтивость [Messerschmidt, 1968: 226].

8 сентября 1725 г. рано утром, Мессершмидт отплыл из Лосиноборского монастыря и после обеда пересёк границу Енисейского и Томского дистриктов, навсегда покинув наш край [Messerschmidt, 1968: 226].

Переходя к кратким выводам нашего сообщения, отметим

следующее. Первая, несомненная, заслуга Мессершмидта в том, что он определил географические координаты (широту), практически, всех населённых пунктов Енисейской Сибири, при этом с максимальной для того времени точностью. Эти данные легли в основу всех географических карт XVIII века на математической основе, как европейских, благодаря изданию книги И.Ф. Страленберга, так и отечественных, благодаря, составленному Иваном Кириловым, Атласу Всероссийской империи. Кроме того, Мессершмидт даёт описание городов, острогов, деревень, расширяя наши представления о внешнем облике русских поселений в Сибири. Немаловажным является упоминание 165 человек, которых возможно, хотя и с разной долей точности, всё же идентифицировать. Среди них есть небольшая часть людей, у которых эта точность стопроцентная. Например, в записи от 22 мая 1723 г., упоминается Алексей Иванович Карамзин, указывается его месторождение – город Енисейск и вид деятельности – купец [Messerschmidt, 1964: 54]. У основной же части упомянуты фамилии, реже добавлены имена. Не всегда можно выявить место проживания, сословную принадлежность и вид деятельности. Из общего количества 14 человек являются проезжающими через наш край, остальные 151, проживающими в Енисейской Сибири (в том числе коренные жители, русские старожилы, новосёлы и находящиеся на временной службе).

Список литературы и источников:

1. ПФА РАН. Ф. 98 (Мессершмидт Даниил Готтлиб (1685-1735), путешественник по Сибири, доктор медицины). Оп.1. Д.32 (Копии указов, промеморий, инструкций, поступивших на имя Мессершмидта, засвидетельствованных его рукой).

2. *Быконя Г.Ф.* Избранные труды. Т.6: История Красноярска. Документы и материалы. XVII-XVIII веков. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2018. – 473 с.

3. *Кызласов Л.Р.* В Сибирию неведомую за письменама таинственными. – Абакан: РОСА, 1998. – 72 с.

4. *Мессершмидт Д.Г.* Дневники. Томск-Абакан-Красноярск. 1721-1722. – Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. – 160 с.

5. *Мессершмидт Д.Г.* Дневники (1723). – Иркутск: На Чехова, 2018. – 266 с.
6. *Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт. – Л.: Наука, 1970. – 184 с.
7. Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716-1721 / составители: Е.Ю. Басаргина, С.И. Зенкевич, В. Лефельдт, А.Л. Хосроев; под общей редакцией Е.Ю. Басаргиной. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 312 с.
8. *Тункина И.В., Савинов Д.Г.* Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков Сибирской археологии. – СПб: ООО «ЭлекСис», 2017. – 168 с.
9. *Фёдоров Я.И., Фёдоров И.Г.* Сведения о Енисейске 1720-х годов в путевых записках Д.Г. Мессершмидта и И.Ф. Страленберга // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска). [Электронный документ]. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 23-25 окт. 2019 г. – Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2019. – С. 364-367.
10. *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 1. Tagebuchaufzeichnungen 1721-1722. – Berlin, 1962. – 379 S.: 10 Ab.
11. *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 2. Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723-Mai 1724. – Berlin, 1964. – 271 S.: 22 Ab.
12. *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 4. Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725-November 1725. – Berlin, 1968. – 283 S.: 12 Ab.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Фёдоров Игорь Геннадьевич,

заместитель директора по научно-методической работе

СОШ №2 им. Ю.А. Гагарина,

г. Дивногорск, Россия

E-mail: div-igor@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedorov Igor Gennadyevich,

Deputy Director for Scientific and Methodical

Work of School No.2. Yuri Gagarin,

Divnogorsk, Russia

E-mail: div-igor@mail.ru

УДК 94(47). 084. 3

САЯНСКИЙ ПОХОД ЕНИСЕЙСКИХ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН: РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВЕ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

А.П. Шекшеев

Аннотация. Данное сообщение рассказывает о военно-политических событиях, обусловленных появлением в июне-июле 1919 г. на территории Минусинского уезда Енисейской губернии партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Вытесненные правительственными войсками из Заманья, партизаны неожиданно захватили часть его местностей и попытались овладеть Минусинском. Но, потерпев неудачу, они были вынуждены уйти в Урянхайский край. Созданная в советское время литература освещала происходившее здесь в качестве трудного для партизан, полного испытаний, но героического Саянского похода. Автор, впервые широко используя такой источник, как газета «Минусинский край», показал самоотверженность минусинских защитников и, напротив, погромную деятельность партизан, проявленную ими жестокость. Опубликованные материалы этих очевидцев еще раз свидетельствовали о том, что в определенных условиях так называемое партизанское движение легко проявляло свой бунтовской характер.

Ключевые слова: Гражданская война, деревня, дружинники, казаки, крестьяне, партизаны, погромы

SAYAN CAMPAIGN YENISEI RED PARTISANS: RECONSTRUCTION BASED ON NEW SOURCES

A.P. Sheksheev

This message tells about the military and political events caused by the appearance in June-July 1919 on the territory of the Minusinsk district of the Yenisei province of the partisan army of

A.D. Kravchenko and P. E. Shchetinkin. Ousted by government forces from Zaman, the partisans suddenly captured part of Its localities and tried to capture Minusinsk. But, having failed, they were forced to leave for the Uryankhai region. Created in Soviet times, the literature covered what was happening here as a difficult for the partisans, full of trials, but heroic Sayan campaign. The author, for the first time widely using such a source as the newspaper «Minusinsky Krai», showed the selflessness of the Minusinsky defenders and, on the contrary, the pogrom activity of the partisans, their cruelty. The published materials of these eyewitnesses once again showed that in certain conditions the so-called partisan movement easily showed its rebellious character.

Keywords: Civil war, village, warriors, Cossacks, peasants, the guerrillas, the massacres

Одной из страниц Гражданской войны на Енисее являлся Саянский поход партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Длительное время его научное освещение осуществлялось в основном с использованием воспоминаний участников событий – бывших красных партизан. Справедливости ради, надо сказать, что некоторые из них допускали в своих рассказах упоминания о пережитых ими трудностях и боевых неудачах [Рагозин, 1926; Попов, 1974]. Так, один из них прямо заявил, что «переход через Минусинский уезд показал слабость партизанской армии» [Петров, 1927: С. 162]. Но авторы публикаций советского периода не всегда выступали объективными свидетелями прошлого и умолчали о многом, что происходило во время этого похода.

С деидеологизацией истории и критическим отношением исследователей к воспоминаниям данная тема стала обретать новое освещение [Андюсев, 2000: С. 54-55; Мармышев, Елисеенко, 2008: С. 165-168]. Однако и оно, страдая узостью привлекаемых источников, некритичным отношением к ним, пока свидетельствует о необходимости более обстоятельного и объективного изучения. К примеру, в уточнении по-прежнему нуждаются

даты происходивших событий, численность степнобаджейских партизан, их пополнения. Вероятно, в проверке нуждаются и факты жестокого отношения партизан к населению, столь детально описываемые одной из минусинских газет.

Предвидя неудачный для себя исход борьбы с правительственными войсками на территории Заманья, красные партизаны ещё в апреле 1919 г. зондировали пути отхода в Центральную Азию, где предполагали приобрести оружие у Китая для наступления на Минусинск или же пройти через Монголию на соединение с частями Туркестанского фронта Красной армии [Дацышен, Ондар, 2003: С. 182]. После тяжёлых многодневных боёв с противником 3,5 тысячи или, согласно иной информации, шесть тысяч партизан к вечеру 14 июня покинули с. Степной Баджей Красноярского уезда. Вскоре их армию оставили бойцы Агинского, частично Манского полка. Вечером 15 июня, достигнув берегов р. Жайма и Крол, партизаны провели митинг или объединённое заседание Армейского совета и Главного штаба, на котором с подведением итогов начавшегося перехода командующим и его заместителем были вновь избраны Кравченко и Щетинкин. В поход 17 июня выступили 1370 бойцов, а также рабочие мастерских, беженцы и 250 больных, раненых и прислуги лазарета [Попов, 1974: С. 102; Логвинов, 1980: С. 169]. По другим же данным, общая численность его участников составляла две тысячи человек [Мармышев, Елисеенко, 2008: С. 165].

Реорганизованные и осуществлявшие строгую экономию боевых и продовольственных ресурсов, партизанские части через саянские хребты неожиданно для минусинских властей пробились на территорию их уезда. 24 июня они вышли в д. Козино, а 25-го - через рудник «Ольховка» и д. Мигна к д. Старые Кныши. Здесь партизаны с целью обеспечения продовольствием и поиска переправы через р.Тубу разделились: на правом фланге через д. Отрок, с. Идринское, д. Большая Салба на с. Шалаболино шла конница во главе с В.А. Улановым. Туда же двигался через д. Детлово Северо-Ачинский полк. Манский полк прошёл через подтаёжные деревни на Паначёво и далее на с. Курагино.

К этому же селению через Берёзовку вышли Тальский и Канский полки. Судя по воспоминаниям бывших партизан и исследованиям советских историков, бедняцкое население подтаёжных деревень, а также жители Паначёвской, Курагинской и Имисской волостей, по территории которых только что прошел казачий отряд поручика И.И. Занина, встретило их радушно. Но, вопреки этому утверждению, местная газета отмечала, что крестьянство относилось к пришельцам с самого начала враждебно [Попов, 1974: С. 107-108; Андюсев, 2000: С. 55; Минусинский край. 1919. 26 июня].

24-25 июня, а по некоторым данным чуть позднее, партизанская армия пыталась переправиться через р. Туба с целью кратчайшим путём овладеть богатым продовольственными запасами Минусинском.

Реальной вооружённой силы в распоряжении местных властей в сущности не было. Поэтому в связи с прорывом партизан в уезде вновь обратились к организации самообороны. В начале июня минусинские дружинники были переведены на казарменное положение. Им стало выплачиваться денежное вознаграждение. При штабе начальника военного района открылся сбор пожертвований продуктами для отрядов, действующих против «большевиков». Семьи членов 2-й роты городской дружины жертвовали сухари для отправки на позиции целыми кулями. Вооружалась и становилась на защиту Минусинска не только учащаяся молодёжь, но и зажиточная купеческая часть горожан. Комиссия по его охране приняла в дружину Г.М. Вильнера, В.Д. Давыдова, М.З. Юдина и др. известных в городе предпринимателей. Следуя примеру жителей д. Большая Иня, которые не только послали в помощь минусинцам дружину, но и наладили изготовление свинцовых пуль для патронов к русским и итальянским винтовкам, в уездный центр стали прибывать крестьянские дружины. При наличии оружия и военного опыта их направляли в зону боевых действий, прочих же – оставляли для охраны собственных селений [Минусинский край. 1919. 8, 25, 27 июня, 1, 3, 4, 5 июля].

В боях за переправы в районе с. Шалаболино и Курагино фронт был удержан благодаря мужеству подошедших членов местной команды во главе с поручиком П.А. Ценбергом (или Цембергом), казаков – с Заниным, а также дружинников. Хорошо зарекомендовали себя хакасы-конники. Отряд Занина численностью в 250 станичников, укрепившись на горе, отбил ружейно-пулемётным огнём попытку Северо-Ачинского полка под командованием Щетинкина переправиться у с. Шалаболино. Одна из партизанских рот с пулемётом заняла остров, но, потеряв несколько бойцов ранеными, была вынуждена вернуться обратно. Простояв сутки, партизаны ушли в с. Курагино, где 27 июня соединились с др. частями. Новая попытка переправиться через р. Туба оказалась неудачной. Продвигаясь в поисках переправы в верховья этой реки, партизаны к вечеру того же дня заняли селения Бугуртак и Жербатиха. Однако переправиться у д. Полудёновка казаки им также не позволили [Андюсев, 2000: С. 56; Минусинский край. 1919. 26, 27 июня]. Но в основном правительственные силы отступали от Шалаболино до Каратуза без боя.

Судя по газетным публикациям, партизаны, продвигаясь, оставляли за собой разорённые селения. Так, ещё находясь в д. Козино, их «банда», состоявшая из 60-70 человек, забрала у населения шесть возов печёного хлеба и овса. В с. Кныши они же уничтожили волостное делопроизводство и изъяли лошадей. В зажиточном селе Шалаболино мародёры опустошили 35 – 40 дворов, рассыпали хлеб по улицам, вырезали несколько семей и изнасиловали женщин. Несмотря на запреты командования, нахождение перепившихся партизан в с. Курагино сопровождалось уничтожением архива, разгромом квартир лесничего Александра, почтово-телеграфного чиновника Урыбина, врача Сорокина и состоятельных жителей, в частности Пашенных и Спиридонова. Конфискации 20 возов муки и лошадей подверглись хозяйства того же Пашенных и Ватанова. Уже после ухода основных повстанческих отрядов некоторые «бандиты», вернувшись, прошли по селу с битьём стёкол, уничтожением мебели и расправились с членом волостной земской управы

Я.Я. Крашенинниковым и жителем П.И. Архиповым. Захватив одно из селений, партизаны расстреляли дружинника Сухогозува, а в с. Паначёво разграбили дом местного священника [Минусинский край. 1919. 29 июня, 10, 13 июля].

Между тем в ночь и утром 26 июня в Минусинск из-за Енисея подошли возглавляемые атаманом А.Н. Тялшинским казачьи отряды с пулемётами, упрочившие положение его защитников. «Опасность для города Минусинска и ранее не была слишком велика, – сообщала населению местная газета, – а теперь можно считать окончательно устранённой...» [Минусинский край. 1919. 29 июня].

Однако это утверждение было поспешным. 28 июня партизанская армия переправилась и вошла в с. Имисское, где остановилась на отдых и перегруппировку сил. В первый же день партизанами были уничтожены винные запасы местной «монополюшки», реквизированы денежные средства волостного правления, частично изъято зерно из общественного «магазина». Они расстреляли начальника дружины мелкого торговца Е. Скурихина, разграбили медицинский пункт, дома священника и зажиточных лиц. В добровольно-принудительной форме с жителями состоялся обмен лошадёй. По этому поводу источник сообщал: «У крестьян, где проходили красные, отбирались лучшие лошади, которые загонялись конницей до полного изнеможения и после бросались, а взамен их брались новые...». Здесь же по ротам и полкам был проведён строевой смотр [Минусинский край. 1919. 31 июля; Журов, 1972: С. 159; Андюсев, 2000: С. 58].

Согласно информации очевидца, добровольцев вступить в партизанскую армию было много. Но брали лишь участников местного ноябрьского (1918 г.) восстания. В партизанскую армию влились 47 имисских, 54 берёзовских крестьян, а затем из Притубинья с нею ушли, по разным данным, от 120 до 200 и даже 300 человек. Уже позднее отряд из 50 иудинских крестьян догнал уходивших партизан на р. Усть-Ус [Рагозин, 1926: С. 118; Очерки истории Хакасии..., 1963: С. 54; Журов, 1972: С. 147; Андюсев, 2000: С. 58; Мармышев, Елисеенко, 2006: С. 166].

Пополнившись и совершив стремительный ночной бросок, партизаны захватили паромные переправы через р. Казыр у д. Нижние Куряты и Тамбовка. Следом переплавились и др. части с обозом, состоявшим из 500 подвод. 29 июня или чуть позднее Канский полк с правого берега р. Амыл завязал бой за д. Качулька и Копский перевоз. Оказавшись под огнём, Минусинская городская дружина, объединённая в отряд особого назначения (ОН), после двухдневного сопротивления была вынуждена отступить от д. Спасо-Преображенская или Средняя Салба. Её начальник прапорщик Ефимов получил ранение, а 13 человек оказались отрезанными. Двое из них – преподаватель Минусинского реального училища и в прошлом член Енисейского епархиального училищного совета в Красноярске И.С. Торбаев и И.С. Мельников – попали в плен и были партизанами расстреляны. Захватив Качульку, кавалерия и бойцы Северо-Ачинского полка вышли в район Каратуза и начали обстреливать перевоз. Рассыпавшись по берегу, казаки-каратузцы старших возрастов и минусинские дружинники атаку партизан отбили, но понесли потери: один из них (И. Г. Ушенин) был убит, а 6-10 человек получили ранения. Но силы, оборонявшие переправу через р. Амыл у Каратуза, вовремя были поддержаны казачьим отрядом во главе с Тялшинским. Ещё 28 июня выступившие из Минусинска, казаки 29-го прибыли в Каратуз, где население встречало их как спасителей [Минусинский край. 1919. 2, 3, 5 июля].

Последующие после этого события вызвали резкую критику в адрес казачьего руководства со стороны гражданских властей и, в частности, управляющего уездом П.Н. Тарелкина. В его докладе от 17 июля 1919 г. Тялшинский и члены его штаба обвинялись в том, что не организовали разведку, а в отряды, контролировавшие переправы, поставлялась водка. Вследствие этого офицеры правительственного отряда, собравшись в штабе, пьянствовали. Такое поведение командного состава и отсутствие, по мнению Тарелкина, военных способностей у Тялшинского привели к разложению рядовых бойцов и несанкционированному отходу от переправы одного из отрядов.

Вследствие этого партизаны, успешно действуя в районе д. Шириштык, форсировали р. Амыл. После эвакуации населения белые без боя оставили Каратуз, а затем Тигрицкое и Таскино. Газетные публикации сообщали, что при занятии богатого хлебом и скотом Каратуза «солдаты» Манского и Северо-Ачинского полков, перепившись, занялись грабежом казачьего имущества, вымогательством его у оставшихся в станице «разночинцев». Здесь мародёры опустошили и разгромили 45 домов, училище, кредитное товарищество, квартиру и канцелярию мирового судьи А.П. Иоакиманского, а также сожгли ряд домов и амбаров, принадлежавших, в частности состоятельным жителям Довольнову, Кузьмину, Юшкову и Черных. Ограблению подверглась жена местного врача А.Ф. Лебедева, а в лечебнице были захвачены лекарства. Во время этого разгула убитыми оказались пятеро престарелых жителей. Где-то в это же время погиб таштыпский казак М.Я. Потылицын, а в с. Таскино партизаны убили милиционера А. Ионова. Командование было вынуждено перевести мародёрствующие части в с. Моторское¹ [Минусинский край. 1919. 3, 8, 10, 12, 15 июля].

4 июля партизанские разъезды появились уже в с. Шошино, а наступавшие со стороны с. Таскино партизаны с боем заняли д. Жеблахты или Худоногово. Здесь они расстреляли начальника 3-го участка уездной милиции Г.И. Уппе (или Упне) [Минусинский край. 1919. 6 июля]. Через день Тялшинский был отозван в Красноярск и командование перешло к есаулу Г.К. Бологову. Деятельность его, несмотря на личную храбрость, также подвергалась критике со стороны все того же Тарелкина. Бологова обвиняли в пассивной тактике, выражавшейся лишь в преследовании партизан. Но именно под его руководством правительственные войска сумели остановить противника и очистить от него Минусинский уезд.

Предположительно основой отряда, находившегося под командованием Бологова, стала учебная команда молодых ени-

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-64. Оп. 11. Д. 641. Л. 30.

сейских казаков, которой он руководил с весны 1919 г. Кроме того, командование направило к нему казаков, возвращавшихся из отпусков, а также при наличии оружия и военного опыта – дружинников. По явно завышенным сведениям, в распоряжении Бологова были сосредоточены 700 казаков, причем даже забайкальских и уральских, и 2 тыс. штыков [Минусинский край. 1919. 5, 6 июля; Мармышев, Елисеенко, 2008: С. 166-167]. С такими силами есаул мог уже маневрировать и вести успешную борьбу с партизанами.

Согласно приказу Бологова, отряды есаулов Шабалина, Фролова и поручика Ценберга начали стягиваться в район селений Казанцево-Козлово. 6 июля Кравченко и Щетинкин повели наступление со стороны д. Жеблахты силами 800 партизан в основном Северо-Ачинского полка, вооружённых тремя пулемётами. Оставивший с. Казанцево, Бологов перебросил навстречу им 350 дружинников с двумя пулемётами. Переправившись на левый берег р. Оя, они окопались и, обороняясь шесть часов, продержались до подхода из с. Дубенское отряда есаула Шабалина². Пополнившись пехотой и горно-артиллерийским взводом, эти силы, потеряв лишь трёх человек ранеными, своим огнём и наступлением отбросили противника. Потеряв 51 человека убитым, партизаны, как писала газета, «в панике» бежали. Наступавшие следом правительственные войска очистили

² Шабалин И.М. – 1888 г. рождения, уроженец г. Минусинска. Окончил городское училище (1905) и экстерном выдержал экзамены на звание народного учителя (1906). Работал учителем в с. Иудино и Таштып. В июле 1914 г. призван в армию, в 1915 г. окончил 1-ю Иркутскую школу прапорщиков. Служил прапорщиком и начальником разведки в 24 Сибирском генерала Неверовского полку. Был ранен и отравлен газам. В декабре 1917 г. в звании поручика был уволен в запас. С июня 1918 г. состоял младшим офицером и командиром сотни в 1-м Енисейском казачьем полку. Участник боев на Пермском фронте, в Енисейской губернии и Урянхае. С конца 1919 г. – есаул 2-го Енисейского казачьего полка, затем – войсковой старшина. Награждён орденами Св. Анны 4 и 3 степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом и «За Ледяной поход». В ноябре 1920 г. в составе 2-го корпуса эмигрировал из Забайкалья в Маньчжурию. С февраля 1921 по январь 1930 г. работал на КВЖД, потом на лесных предприятиях, в железно-дорожной полиции (Паршуков В.А. Енисейские казаки – минусинцы на Гражданской войне и в эмиграции // Мартяновские краеведческие чтения (2016-2017 гг.): Сб. докл. и сообщ. Вып. 11. Минусинск, 2018. С. 320).

от «бандитов» селения Жеблахты, Тигрицкое, Каратуз и Ключи. Батальоны И. Лабецкого, В. Загуменного и рота раненого П. Красницкого из Северо-Ачинского полка отошли в с. Ермаковское, где уже находился Манский полк. Благодарные за освобождение, крестьяне с. Тигрицкое тут же пожертвовали на нужды белой армии 850 руб. [Минусинский край. 1919. 6, 8-9 июля; Попов, 1974: С. 111].

Разделившись, партизаны под командованием Щетинкина выступили в направлении с. Шушенское – Каптырево – Субботино – Разъездное – Салба. Судя по воспоминаниям участников их движения, операция, которая могла осуществиться под его руководством, заключала в себе окружение и разгром отряда Бологова в районе с. Ермаковское – д. Григорьевка, а затем и поход партизанских частей на Минусинск. Для выполнения этой задачи Манский полк должен был выдвинуться из с. Ермаковское и укрепить силы отряда Щетинкина. Однако командир полка Ф.Г. Боган, разрешив своим бойцам празднование дня Ивана Купалы и якобы, по одной из версий, увлечшись ухаживанием за дочками местного зажиточного крестьянина, не выполнил приказ Щетинкина о немедленном выступлении своей части.

В ночь на 7 июля отряд сотника Мамаева выступил на Ермаковское. Утром внезапно появившись и открыв артиллерийский огонь, ударники-казаки и бойцы отряда особого назначения вновь сбили партизан с позиций, заставили Манский полк в панике, теряя канцелярию, бежать к переправе через р. Оя. Потерь в личном составе партизан не было, но с Боганом, согласно одной из версий, за утрату бдительности расправились его же бойцы, а по другой – ему, воспользовавшись ситуацией, отомстили за общение с девицами их родственники. С потерей Ермаковского Манский полк отступил в д. Григорьевка.

Согласно приказу Кравченко, Канский полк, дожидаясь подхода частей Щетинкина, должен был держать оборону в д. Салба. Но партизаны этой части самовольно оставили селение и, находясь в невыгодной для себя позиции, 8 июля приняли бой у с. Верхний Кебезь. Допустив окружение полка казаками, просо-

чившимися на Усинскую дорогу, Сабаев с кавалерией попал под обстрел белых и был вынужден спасаться преодолевая болотистую местность. Партизанские части артиллерийским огнём были в очередной раз «опрокинуты» и бежали через Григорьевку на Усинскую колесную дорогу. В этом бою ранения получили прапорщики Енисейского кадрового полка и отряда ОН Карякин и Солдатов, смертельно был ранен младший урядник Енисейского казачьего полка П. Медведев. Озверевшие партизаны, когда в бою под с. Моторское в плен к ним попал крестьянин-боец отряда ОН Колевский, то они отрубили ему конечности.

Быстрое продвижение казаков на д. Григорьевка отрезало отряд Щетинкина, находившийся в Шушенском, от главных партизанских сил. Данное обстоятельство и настоятельное требование Кравченко двигаться в Урянхай, не оказывая сопротивления бологовцам, а также сожжение партизанами за собой мостов через реки позволили некоторым современникам свидетельствовать, что главком, «бросив» Щетинкина, имел намерение избавиться от своего боевого заместителя³ [Минусинский край. 1919. 8-9, 11 июля; Рагозин, 1926: 125; Попов, 1974: 112, 116-117].

По воспоминаниям самих партизан, отступление отряда Щетинкина, состоявшего из двух рот, эскадрона и вооруженного пулеметом, было «беспорядочным» [Власть труда. 1922. 13 сентября]. Но, продвигаясь и занимая селения, партизаны успевали грабить зажиточную и интеллигентную часть населения, а некоторых представителей власти с жестокостью убивали. В Шушенском ими были ограблены дома состоятельных жителей, в частности бывшего депутата Государственной Думы С.А. Ермолаева и мельница начальника местной дружины И.И. Ермолаева. Кооперация в д. Ивановка Шушенской волости лишилась пяти пудов табака и 73 двуколок, заготовленных для войск Российской армии. Появившись в д. Таяты и Сретенка, партизаны заставили жителей собрать им денежные сред-

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 6. Д. 297. Л. 28; Ф. П-5 а. Оп. 6. Д. 270 а. Л. 77, 79 – 80, 107 – 111, 187.

ства. В с. Каптырево они разграбили дома казаков, у жителей д. Ново-Покровская Каптыревской волости конфисковали 3,8 тыс. руб. и 20 лошадей, в д. Субботино – имущество священника о. А. Вознесенского, а в с. Верхний Кебеж – помощника управляющего уездом Л.И. Казакова и его жены, известной учительницы. По примеру появившихся партизан стали возникать группы местных крестьян, тут же расстреливавших собственную «контру».

Опомнившись от этого грабежа, население на сходе, например, в с. Каптырево постановило: «Банду Щетинкина и самого Щетинкина признать разбойниками и принять самые решительные и активные меры к их поимке» [Минусинский край. 1919. 12, 15, 24, 27 июля; Эльцин, 1926: С. 31].

Ведомые Щетинкиным, партизаны, двигаясь из Шушенского через Каптырево, вышли к с. Очуры, где начали переправу на енисейское левобережье. Но, попав под обстрел, они вскоре прекратили переправу. 8 июля переправившиеся 60-70 партизан с целью грабежа посетили Алтайскую экономию. Прочие же отхлынули и, обнаружив начинающуюся у д. Средняя Шушь выючную тропу, пошли по ней догонять ушедшие основные силы [Минусинский край. 1919. 10, 11 июля].

Надеясь при поддержке монгольских властей и местного населения получить передышку, определить судьбу лазарета и пополнить свои силы для последующего похода на соединение с Красной армией или дальнейшей борьбы с белыми в Сибири, партизанское командование стремительно повело остатки своего воинства в Урянхайский край. Начиная с 10 по 14 июля на с. Туран и Усинское, как сообщала газета, шли и увозили на телегах женщин и детей «банды», состоявшие в основном из босых и оборванных людей, не стеснявшихся отбирать у русских беженцев последнее имущество. Во всех селениях, где побывали эти лица, население хоронило зверски убитых и расстрелянных представителей власти, местную интеллигенцию, односельчан и подсчитывало убытки от погромов и грабежей [Минусинский край. 1919. 31 июля]. В докладе управляющего Минусинским

уездом губернской администрации сообщалось о том, что партизаны «грабили зажиточных крестьян, священников. Сильно пострадало село Шалаболинское, ... Каратуз». Посетивший районы, где находились партизаны, помощник управляющего губернией Янович установил, что они отбирали у крестьян продукты, деньги, скот, подводы и чинили бесчинства [Балмасов, 2002: 75; Журов, 1972: 159].

Продвигаясь по Усинскому тракту и достигнув его главной инженерной станции, партизаны устроили в ней погром. С целью задержания их дальнейшего продвижения на один из перевозов через р. Ус были выдвинуты дружинники во главе с начальником милиции Голубятниковым, а по другим данным, военнослужащие Усинской полуроты и казаки под командованием прапорщиков Яркова и Иванова. В состоявшемся 11 июля бою они сорвали переправу партизан, нанеся им существенный урон. Но, когда местные повстанцы захватили с. Верхнеусинское, а в тыл засады у «Сахарной головы» вышли бойцы Тальского полка, то её участники, понеся потери в бою, ушли в тайгу или попрятались по заимкам⁴ [Минусинский край. 1919. 17, 18, 22 июля; Шишкин, 1919: Сибирский казак. № 34. 21 октября; Рагозин, 1926: 130, 132, 134].

Вступавших в с. Верхнеусинское партизан жители-староверы встречали хлебом-солью и иконами, одна из которых была преподнесена полковому командиру. Однако мобилизованные возчики из минусинских крестьян запросились домой, а местное население вскоре, отказав повстанцам в предоставлении средств передвижения, попрятало их по заимкам. Тогда партизаны, конфисковав табуны бежавших крупных скотоводов Медведева и Вавилина и направив эскадрон в окрестности села, стали изымать телеги и упряжь в приказном порядке. По пути в г. Белоцарск партизаны разграбили усадьбу известных русских скотоводов Сафьяновых, а на приисках изыали взрывчатку, ме-

⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 297. Л. 25; Ф. П-5 а. Оп. 6. Д. 270 а. Л. 114.

дикаменты и золото [Рагозин, 1926: 134-135,140; Петров, 1927: 164; Попов, 1974: 126].

Появление партизан вызвало панические настроения среди краевой администрации и её защитников, которые в срочном порядке покинули Белоцарск. Отряды сойотов разгромили оставленные учреждения, библиотеку и церковь [Минусинский край. 1919. 17, 24 июля; Петров, 1927: 164].

18 июля 1919 г. партизанские части вошли в Белоцарск и тем самым завершили Саянский поход.

Следовательно, освещаемые здесь события, показав свою бунтарскую сущность, стали трудным испытанием не только для самих красных партизан, но и для населения тылового региона, не располагавшего сначала достаточными средствами для защиты. Крестьянское повстанчество на этот раз не достигло своих целей. Организовавшись, население юга Енисейской губернии своими усилиями на несколько месяцев отстояло всероссийскую власть и своё мирное существование.

Библиографический справочник:

1. *Андюсев Б.Е.* О новых аспектах в изучении истории Саянского похода (июнь-июль 1919 г.) // Архивы и история: традиции, проблемы и перспективы взаимодействия: Мат-лы науч.-практ. конф. к 80-летию Государственного архива Красноярского края. Красноярск, 2000. С. 54-59.

2. *Балмасов С.С.* Отряды особого назначения и борьба против партизанского движения в Сибири колчаковских правительственных структур // Белая гвардия. 2002. № 6. С. 72-76.

3. Власть труда. 1922. 13 сентября.

4. *Дацышен В.Г., Ондар Г.А.* Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911-1921 гг. Кызыл: Республиканская типография, 2003. 278 с.

5. *Журов Ю.В.* Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. 250 с.

6. *Логвинов В.К.* В борьбе с колчаковщиной: Очерки о Красноярском большевистском подполье и партизанском движении в Енисейской губернии в 1918-1920 годы. Красноярск: Кн. изд-во, 1980. 287 с.

7. *Мармышев А.В., Елисеенко А.Г.* Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск: Изд-во ООО «Версо», 2008. 416 с.

8. Минусинский край. Ежедневная внепартийная демократическая газета. 1919. 8 июня.

9. Минусинский край. 1919. 25 июня.

10. Минусинский край. 1919. 26 июня.

11. Минусинский край. 1919. 27 июня.

12. Минусинский край. 1919. 29 июня.

13. Минусинский край. 1919. 1 июля.

14. Минусинский край. 1919. 2 июля.

15. Минусинский край. 1919. 3 июля.

16. Минусинский край. 1919. 4 июля.

17. Минусинский край. 1919. 5 июля.

18. Минусинский край. 1919. 6 июля.

19. Минусинский край. 1919. 8 июля.

20. Минусинский край. 1919. 9 июля.

21. Минусинский край. 1919. 10 июля.

22. Минусинский край. 1919. 11 июля.

23. Минусинский край. 1919. 12 июля.

24. Минусинский край. 1919. 13 июля.

25. Минусинский край. 1919. 15 июля.

26. Минусинский край. 1919. 15 июля.

27. Минусинский край. 1919. 17 июля.

28. Минусинский край. 1919. 18 июля.

29. Минусинский край. 1919. 22 июля.

30. Минусинский край. 1919. 24 июля.

31. Минусинский край. 1919. 27 июля.

32. Минусинский край. 1919. 31 июля.

33. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917 – 1961 годы. Абакан: Хаккнигоиздат, 1963. 419 с.

34. *Петров П.П.* Партизаны в Урянхайском крае (Воспоминания участника) // Сибирские огни. 1927. № 4. С. 162-173.

35. *Попов Г.Н.* Партизаны Заманья. Воспоминания политработника партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Красноярск: Кн. изд-во, 1974. 199 с.

36. *Рагозин.* Партизаны Степного Баджея (Записки участника) М.: Новая Москва, 1926. 208 с.

37. *Шишкин Д.Я.* О Белоцарской сотне // Сибирский казак. 1919. № 34. 21 октября.

38. *Эльцин В.* Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2 (49). С. 5-48.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шекшеев Александр Петрович,

кандидат исторических наук,

член правления Хакасской республиканской
организации «Общество Мемориал».

г. Абакан, Республика Хакасия

E-mail: Turan47@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Sheksheev Alexander Petrovich – Ph. D., senior researcher,
member of the management Board Khakass Republican
organization Memorial Society.

Abakan, Republic of Khakassia

E-mail: Turan47@yandex.ru

РАЗДЕЛ II. ЭТНОГРАФИЯ И ГЕНЕАЛОГИЯ

УДК 902/903.27(571.1/.5)

МЕТАЛЛ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКОВ ХОНГОРАЯ

В.Я. Бутанаев

Аннотация: В статье исследуется художественный металл, который создавался кузнецами и ювелирами среди населения Минусинского края с древнейших времён до этнографической современности. Изучается преемственная связь хакасской культуры с культурой енисейских кыргызов, которые являются предками современных тюрков Хонгорая. В результате археологических раскопок средневековых курганов найдены десятки серебряных кубков, серебряных чаш и других ювелирных изделий. Рассматривается орнаментальное искусство хакасов. Самым изящным и широко распространенным видом узоров на серебряных ювелирных изделиях является растительный орнамент.

Ключевые слова: Минусинский край, Хонгорай, хонгорцы, хакасы, енисейские кыргызы, художественный металл, скифо-звериный стиль, таушировка, инкрустация.

Вплоть до XIX в. металл у кузнецов Хонгорая был местного производства. Население подтаёжных районов Кузнецкого Алатау и Саян сами добывали руду и считались искусными плавильщиками железа.

Небольшие плавильные печи «хура» сооружались из глины внутри зимних жилищ. Железную руду очень мелко толкли в ступах, а затем небольшими порциями вместе с углём сыпали в

небольшое верхнее отверстие печи. Двумя мехами «кёррик» постоянно нагнетали воздух и поддерживали высокую температуру горения. За одну плавку получали до 1,5 кг железа.

В 1774 г., кузнечное дело местных плавильщиков, обитавших в верховьях р. Томь, исследовал И.Г. Георги. Он отметил: «Абинцы плавят железные руды, которые находят они в поверхности гор слоями или в болотах своих под дёрном. Плавильное их заведение едва ли может быть простее. Плавильная печь делается в зимней хижине и состоит в гемисферическом на пядень углублении глинистого пола в избе, у которого находится на одной стороне для действия двумя мехами небольшое отверстие. Яма покрывается круглою горбатою вьюшкой из глины, у которой в самом верху есть отверстие пространством дюйма в два. Когда плавят, то наполняют печь такими мелкими угольями, какие только сквозь отверстия проходить могут, и оныя поджигают. А как они совсем разгорятся, то при беспрестанном раздувании мехами бросают попеременно сквозь отверстие в печь то уголья, то по большому количеству истолченной мелко руды. Часа в полтора выходит руды около трёх фунтов. Вскрывши печь, очищают они переплавленную руду от огарков биением оной деревянными поленьями. Из выплавленного таким образом железа куют они на каменных наковальнях железными молотами железцы к стрелам и заступам». [Георги, 2007: 268.]

Участники академических экспедиций отмечали, что в Хонгоре между сагайцами, бельтырами и бирюсинцами «ведутся издревле кузнецы, которые плавят железо по примеру абинцев». Добывали они как самородную железную руду по ручьям и болотам, так и разрабатывали залежи среди горных пород, устраивая шахты. На территории Хонгорая сохранились десятки названий мест, связанных с бывшим металлургическим производством. Например, ручей «Рудная Кеня» около г. Абаза, ручей «Тимир сыхчанг» (т.е. там, где выходит железо) по р. Таштып, ручей «Тимир чул» (т.е. Железный) по р. Серез и Б. Сья, гора «Тимир тас» (т.е. железный камень) по р. Имек и Бутрахты, гора

«Тимир таг» (т.е. железная) по р. Ерба и Ниня и т.д. [Бутанаев, 1995: 45; 128-129.]

В древние времена в Хонгорае употреблялось метеоритное железо. Согласно китайских сообщений, Кыргызская земля имеет железо «небесного дождя, его собирают, чтобы делать ножи и мечи». Такое железо называли «цзяша». [Бичурин, 1950: 352.; Кюнер, 1961: 59.] Параллель этому слову находится в самодийских языках. Например, в селькупском «квезэ, квэс, кесь» значит железо. В таком случае, самодийские языки сосуществовали с тюркскими ещё во времена Кыргызского государства. Воспоминание о метеоритном железе сохранилось в хакасской загадке. Например, «грозное солнце бушует, звезда варится, луна поворачивается, змея рот открывает, т.е. шипение в печи расплавленного метеоритного железа, меха горна и щипцы». [Бутанаев, 2008: 330; Бутанаев, 2013: 108.]

В эпоху раннего и развитого средневековья клинковое оружие, изготовленное кыргызскими мастерами-оружейниками, славилось на всю Центральную Азию. Китайские летописцы писали в своих сочинениях, что кыргызы умеют делать «оружие, крайне острое» из особого, вероятно, метеоритного железа, а их работа «отменна и искусна». Железные предметы их вооружения: сабли, палаши, кинжалы, панцирные пластины, наконечники стрел, найденные в курганах, практически не подверглись коррозии. Подобная сохранность железных вещей в памятниках средневековых кочевнических культур встречается очень редко. В кыргызских курганах железное оружие сохранилась благодаря своему высокому качеству.

Основным режущим оружием средневекового воина являлась кованая сабля – «кылыч» с изогнутым булатным однолезвийным клинком, которая носилась с левой стороны в ножнах. Для ближнего боя употреблялись кортик (соданг хылыс) и кинжал (соданг хыйрах). Ими пользовались в том случае, когда необходимо было добить противника в рукопашной схватке.

В наборе вооружения воинов имелись боевые секиры «ай пал-

ты», с широким лезвием в форме полумесяца и длиною в четверть.

Длинное лёгкое копьё «чыда» употреблялось в кавалерийском бою для сбивания противника с седла. Во время военных действий предводители отрядов на древках копий у наконечников прикрепляли боевые знамена.

Латы «куяки» из кованых металлических пластин скреплённых кожаными завязками или железными кольцами, одевались поверх рубахи «чаргах», сшитой из прочной кожи. Они были длиною до колен с закрытым воротом для предохранения шеи. На голову надевали металлические шлемы «тулага», сферокопической формы, которые вплотную соединялись с воротом лат. Для предохранения лица делалось забрало, а наверху «тулага» находился султанчик или гребень из конских волос – «яловец» (по-хакасски «чало»).

Стрелы держали в колчанах, крепившихся ремнями к поясу. Колчан для стрел «хуурлух» носился на поясе с левого бока. Его изготавливали из кожи или бересты с художественной окантовкой. В Хакасском республиканском музее хранится колчан (№395), найденный в гроте Узун-хая вместе с луком и стрелами. Он был сделан из бересты и обшит кожей. Длина колчана 86 см, диаметром в нижней части 12 см, а диаметр верхнего отверстия 9 см. В верхней части колчана находилось деревянное крепление для кожаного ремня длиною 11,7 см, высотой 1,8 см и железной пряжкой 8 см длиною.

Хакасское название для колчана «хуурлух» восходит к общетюркскому термину «кубурлук» или «кубур». От последнего происходит русское слово «кобура». Во время конных походов он укреплялся вместе с саадаком на передней луке седла. В одном колчане помещалось до 30 стрел. Каждый воин должен был иметь по два лука и по три колчана со стрелами. Колчан застегивался на семь металлических застёжек-пуговиц «марха». [Бутанаев, 2008: 60.]

Кыргызские стрелы «ох» снабжались железными трёхлопастными наконечниками и хвостовым оперением из орлиных пе-

рьев, не намокающих от дождя. Они отличались дальностью полёта и точностью попадания в цель.

В Хакасском краеведческом музее хранятся две такие стрелы, относящиеся к X в. н.э., найденные в гроте скалы Узун-хая по р. Есь. Длина древка (по-хакасски «улун») – 80,5 см, длина черешковых наконечников от древка – 4 см, вырез под тетиву (по-хакасски «кис») – 8 мм, диаметр в центре древка – 8 мм, диаметр древка перед вырезом для тетивы – 5 мм, диаметр древка перед наконечником – 7 мм. (ХНКМ КП. №395/2) Наконечники стрел закреплены к древку обмотками из тонких жильных ниток. Каждая стрела в хвостовой части украшалась двумя красочными каемками красного и синего цвета. Кыргызские стрелы (общая длина – 84,5 см) были почти на 10 см длиннее монгольских, у которых длина стрел составляла приблизительно 75,5 см.

Археологи, изучающие военное дело кыргызов, отмечают до 25 разновидностей наконечников стрел. Только в хакасском языке насчитывается более 10 названий различных наконечников. Например, «пис» – наконечник, «чунмен» – втульчатый наконечник, «сыгда» – черешковый наконечник стрелы, «чибе» – бронебойный наконечник, «кур киски» – плоский, лопатообразный наконечник и т.д. Интересно отметить, что самые массовые трёхлопастные наконечники стрел хакасами именуются «кыргыз огы» – букв. кыргызская стрела. Они специально делались со смещёнными лопастями, что придавало полёту стрелы вращение и меткость попадания. Необходимо упомянуть об особых стрелах «свистунках», называемых по-хакасски «сыргы». Под черешковый железный наконечник этой стрелы, широкой и ромбической формы, надевался полый костяной шарик «сыстаа» с отверстиями, вследствие чего стрела «сыргы» при полёте издавала протяжный ноющий свист. [Очерки, 2008: 126-129.]

Хонгорские кузнецы «таргатай» изготавливали различные предметы обихода: ножи, браслеты, тавра для скота, стремяна, кованые «озопы» для копания съедобных корней, мотыги «абылы» для обработки полей и т. д. Термин «таргатай» аналогичен тувинскому «дарган», монгольскому «дархан» и кир-

гизскому «даркан», что значит кузнец, мастер. Он восходит к древнетюркскому «tarqan», обозначавшего титул привилегированного человека, освобождённого от уплаты налогов. Кузнецы в тюркском обществе занимали особое положение. [Вайнштейн, 1974: 81.]

В широком употреблении среди хонгорцев были тавра или тамги. Каждый самостоятельный скотовод Хонгорая имел свой знак собственности – «тамгу», которым клеймил лошадей и помечал личное имущество. Слово «тамга» происходит от древнетюркского глагола «там» – зажигать, выжигать и соответствует русскому слову «печать», возникшему от корня «печь». Тамги имели железные стержни длиной 35 – 40 см со втулкой (диаметр. 4 см), куда вставлялась деревянная ручка (дл. 20 см, диаметр 3 см). Сам железный тамговый знак делался высотой 20 см, при ширине 15 см.

Среди тюрков Хонгорая с древнейших времён бытовали тамги в виде орнаментальных узоров. Тамги, кроме таврения лошадей, ставились на различных предметах собственного пользования: на музыкальных инструментах, домашней утвари, орудиях охоты, на серебряных перстнях и т.д. Любая меченная тамгой вещь считалась принадлежащей хозяину этого знака.

В древние времена тамги представляли родовые знаки. Для каждого рода существовала своя тамга, следы которой теряются в тумане тысячелетий. Тамги выполняли сакральные и защитные функции. Например, крест и круг применялись с целью защиты людей от злых духов и потусторонних отрицательных сил. Несомненно, время возникновения тамговых знаков собственности у скотоводов Хонгорая относится к периоду Кыргызской государственности. Среди некоторых из них прослеживается преемственность с рунами древнетюркской письменности, другие находят сходство с выбитыми и нарисованными знаками на древних петроглифах, курганных камнях и эпитафиях. [Бутнаев, 2004: 95-102.]

Тамга представляет уходящее из современной жизни историко-культурное наследие Саяно-Алтая. Кроме того, мало разра-

ботанными аспектами тамговой культуры на данной территории остаются их символический смысл и значение, семантические расшифровки.

Обязательным атрибутом мужских поясов были ножи «пычах» в ножнах. Железные лезвия ножей (длина 20,5 см) были слегка изогнутыми. Ножны «хын» составные, из двух деревянных планок. Они орнаментированы техникой резьбы. Наносился узор в виде треугольников, затем жёлоб заполнялся расплавленным оловом. Особенностью хонгорских ножей являлись рукоятки из наборной бересты, окаймлённые серебром. Ножи подвешивались к поясу с помощью ременных петель. [МАЭ. №267]

Из лезвия ножей хонгорцы изготавливали «пугде», оружие в виде длинного двухсаженного черенка с насаженным на него широким и длинным клинком. Раньше, когда не было огнестрельного ружья, с орудием «пугде» ходили охотиться на медведей и даже на лосей. Преследовали лосей на лыжах, их догоняли и убивали ножом «пугде». Медведей пронзали, засунув «пугде» в их раскрытые пасти. У сибирских старожилов имелось холодное оружие под названием «пальма», которое соответствовало хонгорскому «пугде». Пальма представляла широкий и длинный нож, насаживаемый на палку. Она предназначалась для охоты на медведя. [Словарь, 1988: 257]

Среди жителей Хонгорая существовал ежегодный промысел добычи съедобных корней сараны и кандыка. Добывать их отправлялись женщины и дети, вооруженные изогнутым заступом «озоп» для копания корней. Он состоял из серпообразной деревянной рукоятки (дл. 90,0 см) с треугольным выступом для упора ступни. На острый конец заступа «озоп» насажен заострённый железный кованый лемех. Лезвие его было 21-25 см длиной, при ширине 10-12 см, втулка для насаживания ручки имела 5-7 см в диаметре. В нём имеется сквозное отверстие для прибавления его гвоздём к рукояти. При работе заступ «озоп» обращён вперёд вогнутой стороной. [ТГУ музей. № 5864-26]

В Хонгорае мастера с древнейших времён освоили литейное дело. В Хакасском республиканском краеведческом музее хра-

няется литейная чашечка (литейница) из чугуна для плавки свинцовых пуль охотников. Расплавленный в литейнице (хакасское название «ургу») свинец заливался в формы «калыпы». Размеры: высота конусовидного тулова 4,8 см, высота ручки – 4,4 см, высота литейницы вместе с ручкой – 5,5 см, диаметр донца – 5,5 см, диаметр венчика 3,9 см. Ручка сделана в традиционном стиле в виде растительного орнамента. Она была найдена чабанами по р. Тёя в местности «тораптыг», т. е. имеющая железные шлаки. (ХНКМ Ф 947/7)

В связи с тем, что во второй половине XIX в. стал работать Абаканский железоделательный завод, то он вытеснил производство чугуна хонгорских металлургов. Абаканский завод удовлетворял спрос местного рынка среди населения Саяно-Алтая. Изготавливали чугунные чайники, кувшины, ступки, котелки, казаны. [Э РХ.т.1. С. 18]

Особенно широким спросом пользовались чугунные кувшины, известные у тюрков Саяно-Алтая под названием «ырага». Они обычно употреблялись в винокурении. Название чугунного кувшина «ырага», происходит от христианского слова «рака» – чугунный ковчег с мощами святых, а также в значении ящик, шкатулка, ларец, кувшин.

Они все имеют стандартные размеры: высота 30 см, диаметр донца 15,5 см, диаметр верхнего отверстия 11 см, у вершины горловины находится сливной носик высотой 5,5 см и шириной 3,5 см сбоку кувшина находится ручка. [ТГУ музей, № 4694; № 5954-23]

В скифское время среди предметов мелкой пластики широкое распространение получают бронзовые рельефные бляшки, изображающие бегущего оленя с ветвистыми рогами, прижатыми к спине и подогнутыми под брюхо ногами (дл. 8 см). В научной литературе эта экспрессивная поза получила название «летащего галопа». [Киселев, 1951: 267-268] Достаточно много в скифском искусстве изображений фигур зверей (льва, барана, горного козла, кабана) и хищных птиц (орла, грифона), сделанных из бронзы в виде скульптуры или рельефа. Нередко ими украша-

лись навершия жезлов, клевцов, кинжалов, чеканов, шильев и другие предметы. Иногда встречаются синкретические изображения, сочетающие признаки хищных и травоядных животных. В науке это искусство получило название «скифо-сибирский звериный стиль».

Одним из центральных образов скифского искусства является изображение свернувшегося в кольцо или полукольцо хищника. В такой позе его тело обычно образует круг, а голова примыкает к хвосту. Наиболее часто в таком виде изображали хищников семейства кошачьих – барсов, львов, пантер. Этот образ обычно использовался для украшения поясных бляшек, декоративных элементов одежды, предметов вооружения и бронзовых зеркал. В Минусинской котловине было найдено более двадцати предметов поясной гарнитуры с изображением свернувшегося в кольцо хищника. Самые ранние экземпляры бляшек имеют в центре круглое отверстие для крепления на ремне и не превышают 4,5 см в диаметре. Такие бронзовые бляшки в виде свернутого в кольцо барса также хранятся в Хакасском республиканском краеведческом музее. [ХНКМ. №254/6] Исходя из факта обитания снежного барса «ирбиса» по всему Саяно-Алтаю, можно сделать вывод о том, что мотив свернувшегося в кольцо хищника в искусстве тагарских племён имеет местные истоки.

Изображение свернувшегося в кольцо барса послужили прототипом для создания государственного герба Республики Хакасия (автор В. Бутанаев, художник В. Лагодич). 21 июля 1992 г. Верховный Совет РХ принял положение «О государственном гербе Республики Хакасия». В центре герба находился барс, свёрнутый, как пружина, в кольцо, его окаймляли ветви берёзы. Вверху был изображён солярный знак, взятый на вооружение из памятников археологической окуневской культуры. Барс являлся тотемным животным кыргызов, предков хакасов, и поэтому особенно почитался. [Очерки, 2008: 554]

Среди предметов вооружения отмечают уникальные бронзовые втульчатые наконечники копья (общая длина – 17,5 см, длина клинка – 8 см, диаметр втулки – 2 см). Бронзовые втуль-

чатые клевцы, с односторонним клювовидным клинком для нанесения точечного удара по голове врага. Длина клювовидного клинка 13 см, его ширина – 1,5 см, длина втулки – 4 см. На обушке клювовидного клинка навершие в виде горного козла с закрученными рогами (высота – 3 см). Другой вид оружия, типичного для тагарской культуры, представляют чеканы – боевые топоры. Обушок чекана часто бывает оформленным в виде головок хищных птиц или фигурами кабанов. Широкое распространение получили бронзовые кельты – топоры со втулкой на месте обуха, в которую вставляется коленчатая рукоять. Вверху кельтов с двух сторон имеются проушины с отверстием для ремennого крепления рукояти. Длина рубящего клинка – 13 см, ширина – 5,5 см, толщина в верхней части – 3 см, длина обушного отверстия для рукояти – 5 см, ширина – 2 см. Проушины высотой 2,5 см, шириной – 1,5 см, диаметр отверстий – 1 см. [Киселев, 1951: 265]

На территории Хонгорая обнаружено большое количество бронзовых литых котлов на поддоне (от 5 до 100 л ёмкостью). В Минусинском музее их насчитывается 65 штук, в Хакасском музее – 7 котлов, находятся они также в музеях Красноярска, Томска, Новосибирска, Санкт-Петербурга.

На боках у них обычно присутствует орнамент в виде извилистой верёвочки, вверху ручки различаются своей конфигурацией с зооморфными фигурами.

Древний бронзовый казан (хакасское название «кулер хазан»), передававшийся из поколения в поколение в Хонгоре безупречно веками служил Великому Небу. Он водружался на треножнике из поставленных камней. Бронзовый котёл в течение года оставался у жертвенника на горах, и его никто не трогал. За исключением этого казана, на общественных молениях «тайыге» металлическая посуда не употреблялась. Применение на Небесном жертвоприношении бронзовых котлов, вероятно связано с почитанием Солнца. [Бутанаев, 2003: 163]

В кыргызское время художественной обработке подвергались предметы поясной и сбруйной фурнитуры, обкладки ножен, оковки сёдел, орнаментированные удила и стремена. Подавля-

ющее большинство предметов изготавливалось из бронзы. У кыргызов были широко распространены разнообразные мотивы растительного орнамента, извивающиеся побеги с завитками, листьями, бутонами или распустившимися цветами. Зооморфные и антропоморфные сюжеты встречаются в виде самостоятельного изображения или в сочетании с растительным орнаментом. На бляшках представлены изображения крылатых львов, оленей, горных козлов, лошадей, грифов, уток, гусей, рыб. Часто фигуры животных изображены парами, противостоящими, скрестившими шею. Ценность этих археологических находок определяется высокими художественными достоинствами. Некоторые из кыргызских предметов покрыты богатой накладной или чеканной орнаментацией. Орнамент состоит из растительных узоров и звериных мотивов. Наиболее распространенными способами художественной обработки металла были гравировка, насечка, штамповка.

Литые бронзовые стремена являлись частью комплексов праздничного конского снаряжения, куда входили серебряные седла, серебряные нагрудники и потфёя (подхвостники), серебряные татауры. Стремена состояли из подножки «табах» (ширина – 12,5 см) и дужки «курее» (высота – 13,5 см), вверху которой было отверстие для ремня крепления. В верхней части дужки (на арке) стремена украшались зооморфным декором в виде открытой зубастой пасти хищников, фантастических зверей или растительного орнамента. [КККМ. №1582-51; ХНКМ КП №8213/10]

Согласно сведениям восточных письменных источников, в горах Саяно-Алтая с древнейших времён имелись богатые серебряные рудники, и самые лучшие из них располагались в границах страны енисейских кыргызов. На севере Хонгорая вниз по Енисею находилась историческая область Алакчин, жители которой блюда, чаши и в целом всю посуду делали из серебра. [Рашид-Ад-Дин, 1952: 102] Возможно поэтому, в память об Алакчине, хонгорцы в своём фольклоре серебряную посуду обозначают термином «алаг»: «алаг сара» – серебряная чаша, «алаг

хорлых» серебряный кубок, «алаг торсых» – серебряный сосуд. Необходимо отметить, что известный старинный серебряный рудник также находился на севере Хонгорая, на р. Каштат в горах Кузнецкого Алатау. С 1697 по 1699 гг. здесь велась добыча и плавка руд по указу русского правительства. Для его охраны даже был построен Каштатский острог. [Историко-географические, 2010: 144]

Среди тюрков Хонгорая процветало ювелирное искусство, связанное с обработкой драгоценных металлов. Как и другие народы Центральной Азии, они очень ценили изделия из серебра. Серебряных дел мастера «кюмюс узы» своими нехитрыми инструментами изготавливали посуду, перстни, серьги, наборную упряжь и т.д. Это искусство уходит в глубокую старину. Например, в XVII в. русские документы сообщали, что в «кыргызской, и в тубинской, и в алтырской, и в керелской землях серебряных мастеров, которые из серебра узды делают и по железу набивают, добре много». [Абдыкалыков, 1968: 26] Любовь хонгорцев к серебряным изделиям объясняется не только практичностью данного металла, но также и суеверными представлениями, что лунный блеск серебра притягивает жизненную силу человека.

На территории Хонгорая в разное время были найдены десятки образцов серебряной посуды, принадлежащей кыргызской знати и датируемой VII – X вв.н.э. В 1846 году жителями д. Верхняя Биджа на горе Калмыковой, расположенной в 3,5 км от селения, были разрыты курганы с каменными насыпями, под которыми нашли более двадцати серебряных сосудов. В 1936 году при раскопках огромного могильного поля в 6 км. от ст. Уйбат в тайниках, были найдены серебряный сосуд с рунической надписью, стремена, покрытые инкрустированным серебром, железные удила, украшенные головами баранов и растительным узором с золотой насечкой, позолоченная фигурная бляха-накладка, деревянная фигурка барана, обложенная листовым золотом. [Вадецкая, 1981: 18-19] В 1964 году на левом берегу Енисея близ д. Батени, в 140 км. к северу от г. Абакан, при раскопках могильника IX-X веков Красноярской археологической экспедици-

ей были обнаружены серебряная чарка с золочеными рисунками и уйгурской надписью, бронзовая чаша с орнаментом, тиснёные серебряные бляшки, украшавшие пояс кыргызского чиновника.

В Хакасском краеведческом музее хранится набор серебряных кубков на полых конических поддонах, найденных в 1979 г. во время рытья погребов в г. Абакан. [ХНКМ КП 4959/1-4]. В начале 1990-х годов одним из местных жителей в районе бывшей д. Копены найдены уникальные предметы древних кыргызов: штампованная бляха с изображением воина-всадника, стреляющего из лука; 10 блях с изображениями кабана, тигра, льва, козы; около 80 бронзовых и около 10 золотых и серебряных поясных и ременных блях с уникальными образцами торевтики енисейских кыргызов:

Ценность этих археологических находок определяется не только тем, что они сделаны из драгоценных металлов, но и высокими художественными достоинствами. Некоторые из кыргызских предметов покрыты богатой накладной или чеканной орнаментацией. Орнамент состоит из растительных узоров и звериных мотивов. Все изделия подобного рода являются уникальными. Они обычно сопровождали могилы знатных людей.

Самым изящным и широко распространённым видом орнамента на серебряных ювелирных изделиях является растительный орнамент, который традиционно сохранился в вышивке современных хонгорцев. Растительные мотивы представлены цветочными узорами, трилистниками, пальметтами, изображением древа жизни, вьющимися побегами и различными вариантами указанных мотивов. В них выступает идея родства кыргызов с окружающим растительным миром.

В 2010 году нами был осмотрен серебряный кувшин с рунической надписью, который был найден на левом берегу Абакана, недалеко от с. Аскиз. Серебряный кувшин имеет «классическую форму», полностью идентичную найденным С.В. Киселёвым и Л.А. Евтюховой золотым сосудам в тайниках Копенского чаатаса. Кроме того, подобные серебряные сосуды с надписями, обнаружены при других археологических находках, как, например,

в кладе с верховьев р. Биджа и р. Уйбат. Ныне они хранятся в Государственном историческом музее в Москве [Евтюхова: 41].

Рассмотренный нами серебряный кувшин имеет гладкие сферические стенки, внизу опирающиеся на поддон. Тулово сосуда в верхней части переходит в широкое кверху расширяющееся горло. Высота его 160 мм. Вес изделия 180 гр. На сосуде имеются незначительные повреждения.

Ручка сосуда сложно украшена растительным орнаментом. Она выполнена в бронзе и имеет крепления к телу кувшинчика в виде трёх клепок. Сверху находится обрамленный узорами горизонтальный щиток. Под щитком расположено кольцо с выступом для удобного его захвата пальцами.

На донце сосуда с внешней стороны хорошо просматривается руническая надпись, над которой вырезана тамга. Нижняя её часть состоит из дуги, характерной для кыргызских знаков собственности. Подобные тамги бытовали среди представителей некоторых хакасских сеоков, а также встречаются на Мало-Арбатской и Саройской писаницах. Руническая надпись расположена дугообразно одной строкой. Она читается справа налево, состоит из шести знаков, со слово разделительным знаком (двоеточие) после четвёртой литеры. Все знаки хорошо различаются. Надпись гласит: «сагырымыс» – наш сосуд для питья. Слова «сагыр» (saǵır) со значением сосуда для приготовления напитков и «saǵraq» кубок, представлены в составе лексики древнетюркских языков. [ДС: 480-481]

Кроме того, на боковых стенках кувшина имеется короткая надпись из трёх прорезанных знаков рунического алфавита. На ней можно прочитать слово «сир». Возможно, хозяин сосуда принадлежал к одному из тюркских племён «сир». До сих пор среди тюрков Хонгорая находится крупный сеок «ызыр», название которого можно отождествить с этнонимом «сир». [Бутанаев, 2011: 9-12] Таким образом, исходя из нашего прочтения, получается, что этот сосуд «сагыр», принадлежал владельцу из племени сир.

Кыргызы изготавливали не только серебряные кувшины и

чаши, но чеканили и серебряные блюда. В 1937-1940 годах известные учёные С.В. Киселёв и Л.А. Евтюхова работали над вскрытием Копенского чаатаса. В результате археологических раскопок были обнаружены четыре золотых кувшина на серебряном блюде и золотая тарелка. Два из найденных кувшинов покрыты рельефным растительным орнаментом, среди которого фантастические птицы, терзающие рыб. На двух других сосудах изображений нет, но зато на их донцах имелись рунические кыргызские надписи. В первой говорится: «серебряный дар мы преподнесли», вторая надпись гласит: «золотой подарок». [согласно прочтения автора – Б.В.] Серебряное блюдо было сплошь покрыто растительным орнаментом. На тарелке также имелось изображение фантастических птиц и цветов. [Киселёв, 1951: 66; Васильев, 1983: 42]

Анализируя материалы кыргызской торевики, С.В. Киселёв усматривал в ней реминисценции скифо-сибирского звериного стиля. В то же время он отмечал и влияние искусства сасанидского Ирана и китайской империи Тан на развитие художественной обработки металла на Енисее. [Киселёв, 1951: 349, 360]. Сложен вопрос о происхождении золотой и серебряной пиршественной посуды, украшенной сложным растительным узором и зооморфные изображения грифов. Археолог Л.А. Евтюхова также отмечает иранские и китайские элементы в орнаментации этой посуды. [Евтюхова, 1948: 46].

О кладях Минусинской котловины сложено немало древних преданий, красивых легенд, невероятных историй. Каждая из них по-своему интересна и не похожа на другие. Изучение причин и условий рождения преданий и легенд однозначно свидетельствует, что в большинстве случаев они возникают на основе реальных исторических событий и фактов. Поэтому сообщения, идущие из глубины веков о богатствах, хранящихся в земле Хакасии, заслуживают пристального внимания. Порою сведения о сокровищах Хонгорая уходят своими корнями в глубокую древность, некоторые возникли недавно и вызывают большой интерес людей.

Например, существует легенда, согласно которой в одной из двух пещер горы Тепсей замурован клад кыргызов фамилии Марьясовых. Особую ценность представляют серебряные таблички с орхоно-енисейскими надписями, спрятанными в сундуках. Косвенно наличие клада подтверждает находка на Тепсее двух каменных львов (или медведей), которые находились у входа в пещеры Марьясовых. Сегодня эти львы хранятся в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартянова. [Бутанаев, 2003: 44]

Оригинальным украшением женщин Хонгорая являются височные серьги «ызырга», которые спускались на плечи с нанизанными крупными кораллами, завозимыми, вероятно, из Китая. Обычно кораллы нанизывались на серебряную или медную проволоку, изогнутую вверху в виде кольца, цепляемую вверху за косы. Височные серьги «ызырга» внизу заканчивались серебряными монетами. Каждая коралловая бусина окаймлялась снизу и сверху серебряными полукруглыми орнаментированными чашечками «зиярянами». По внешней стороне вырезался растительный орнамент. Вполне возможно, что данный термин иранского происхождения, у которых слово «зире» обозначало женские серебряные серьги. Употребление кораллов для украшений известно на Саяно-Алтае с гуннского времени. Украшения подобного типа можно встретить в таштыкских могильниках I–V вв. н.э. [МКМ ОФ 2749; Бутанаев, 2015: 127]

Ювелиры Хонгорая изготавливали прекрасные серебряные перстни «чустюк». Название происходит от основы «чус», что значит «перст». Аналогичные обозначения были у всех тюрков Саяно-Алтая. Слово восходит к древнетюркскому «yüzük» – кольцо, перстень.

Перстнем считается кольцо со щитком или драгоценным камнем. Декоративный щиток «табан» перстня делался в виде орнаментированного круга, сердечка, креста, полумесяца или эллипса с инкрустациями. Он украшается гравированным геометрическим орнаментом, а также весьма характерными для хонгорских металлических изделий: ромбиками, треугольниками

ми, зигзагообразными линиями, волнами, закрученными спиралями, арочками, розетками. Иногда на перстне вырезалась фамильная тамга. В целом декор щитка перстня определяется его формой и характеризуется чётко выраженным «ободковым» рисунком.

Щитки обычно инкрустировались глазками из кораллов в серебряных оправках. Кроме кораллов использовались сердолик, бирюза, яшма или другие привозные драгоценные камни.

Количество коралловых глазков обязательно было нечётным. На поверхности круглого щитка был декор от одного до пяти кораллов, один в центре, остальные по краям. Драгоценные камни вставлялись в серебряные оправы и закреплялись внутри с помощью загнутых декоративных зубчиков.

По традиции, на безымянный палец замужние женщины надевали перстень с пятью, а на средний – с тремя инкрустациями. [ГАРХ. Ф.и-5. Оп.1. Д.32; ХНКМ. КП 4152/1; МКМ ОФ №2728; ОФ №2730; ОФ №7433; ОФ №7188/5]

Девушки и молодые женщины украшали кисти рук медными и серебряными браслетами «пилектеес». Аналогичные названия «билектээш» бытуют в алтайском и тувинском языках. Слово восходит к древнетюрскому «bilezük» браслет.

В Минусинском музее хранятся медные браслеты. Они пластинчатые, концы которых более широкие с орнаментом в виде китайских иероглифов. [МКМ ОФ №2748 ВФ №699/28] Медные браслеты были очень распространенными среди тюрков Саяно-Алтая. Считалось, что красная медь помогает при болезнях запястья, суставов, головной боли, растяжении сухожилий. Браслеты довольно часто служили желанным предметом у парней, который девушки давали любимым в знак согласия выйти замуж.

Серебряные браслеты обычно изготавливались из цельной загнутой в полукольцо серебряной пластины с гравированным орнаментом и коралловыми инкрустациями. Пластинчатые концы браслета были более широкие с прямоугольными штампами,

на внешней стороне которых была орнаментация в виде полурозеток, завитков и треугольных линий.

Иногда браслеты делали из серебряных пластинчатых звеньев с гравированным геометрическим узором, соединённых проводочными замочками. Они имеют несложный узор, состоящий из орнаментальных треугольных гравировок, в середине которых круги с точками. [МКМ ОФ №2748]

Украшения в виде браслетов на Енисее имеют долгую историю развития. Археологи доказывают близость современных хакасских браслетов с их подобными бронзовыми образцами в карасукской культуре (XIII – VIII вв. до н.э.). Украшения подобного типа можно встретить и в более поздних таштыкских могильниках.

Племена Саяно-Алтая, как правило, декорировали металлические изделия и в скифские, и в древнетюркские времена. Так например, растительный орнамент на металлических сбруйных украшениях тюрков Хонгорая, выполненные гравировкой и насечкой, в такой же технике исполнения бытовали среди киргизских мастеров VIII – X вв. Самой распространённой техникой была насечка серебром по металлу. Эту технику знали не только енисейские киргизы, но многие тюрко-монгольские народы Центральной Азии. [Вайнштейн, 1974:102]

Вплоть до начала XX в. в Хонгорее сохранялась древняя традиция искусства таушировки серебром по железу. Таушировка (по-хакасски «сигме») представляла инкрустацию одного металла, обычно железа, другим более мягким, т.е. серебром. Железные пластины насекались, вырезался орнамент, а затем набивались серебряной проволокой.

С этой целью железные пластины предварительно покрывали зазубренной сеткой, а затем вырезался узор, на который накладывали в соответствии с задуманным узором серебряную узкую проволоку. Серебро сначала вбивали в надрезы железной шершавой пластины, а затем сплющивали и заглаживали. В орнаментированных серебряной проволокой изделиях распро-

странёнными мотивами были формы растительных побегов с завитками и узоры розеток.

Художественной обработке подвергались различные детали конской упряжи и сбруйной фурнитуры: седла, подпруги, тауры, бляхи, пряжки и многие другие детали. К началу XX в. данная продукция хакасских мастеров почти исчезла из быта.

В каждой достаточной семье имелись праздничные конские снаряжения, куда входило серебряное седло, наборные уздечки, конские нагрудники с насечками из серебра или сплошным серебрением.

Богатая конская упряжь зависела от состоятельности владельца. Нарядные красиво отделанные металлические бляхи и таушированные серебряные накладки располагались на передней луке седла и на видных местах упряжи. Форма и характер украшений были с весьма красивым орнаментальным декором.

Коневоды Евразии с особой тщательностью украшали сёдла и упряжь. Эта традиция получила широкое распространение, начиная от гуннских кочевников и до номадов позднего средневековья. Особый художественный интерес вызывает декорирование конских сёдел.

Остов хонгорского седла изготовлялся из берёзового дерева. Седло состояло из передней и задней луки и двух парных ленточиков (дощечек), лежащих в основе седла. Передняя лука у них выше задней. Все детали соединены сыромятными ремешками. Луки седла украшались металлическими пластинами с гравировкой. На пластинах вырезался растительный орнамент, куда по углублениям набивалась серебряная проволока. Кроме того, дуги луки инкрустировались крупными кораллами, иногда украшались серебряными бляхами. [ХНКМ КП-8213/1]

Мужские и женские сёдла по своей конструкции отличались друг от друга. Мужское седло имело закругленную переднюю луку и круто изогнутые задние луки. Сидение мужского седла покрывалось специальным ковриком «типсе» из дублёной кожи с нашитыми серебряными бляхами «курелдик». Передняя подпруга коня украшалась серебряными пластинами и нагрудником

«тёстик». На мужской конской сбруе серебряный нагрудник был в форме круглой бляхи. Точно такие же изображения круглых нагрудников присутствовали на сбруях конных кыргызских лучников из находок копенского чаатаса.

Особенно красиво украшались передние луки женского седла. Они были широкой квадратной или ромбической формы. [ГАРХ. Ф.и-2. Оп.1. Д.306. Л.2] Передняя лука женских сёдел красиво украшалась серебряными пластинами и мелкими серебряными пряжками «тога» с коралловыми инкрустациями. Дуги лук, края ленточек обивали металлическими накладками в виде трёх лепестков, украшенных гравировкой или серебряной насечкой. В местах соединения розеток иногда часто были включены красивые кораллы. Сверху женского седла ложилась мягкая кожаная подушка «ахта», которая закреплялась кожаным ремнём «татауром», украшенным таушированными серебряными пластинами.

Передняя подпруга женского седла также имела серебряный нагрудник «тёстик», но в отличие от круглого мужского, он был в форме сердечка. Серебряный нагрудник «тёстик» женского седла инкрустировался кораллами. Средняя подпруга, держащая седло и перетягивающая брюхо коня, оканчивалась серебряной бляхой «курелдик» с гравированным растительным орнаментом.

Серебряная уздечка состояла из набора инкрустированных серебром пластин с серебряными бляхами «тога». В местах соединения ремней были расположены крупные серебряные шаровидные бляхи «курелдик» с шестилепестковой посеребренной розеткой.

Стремена также украшались орнаментом. В минусинском музее находится кованое железное стремя с плоской прямоугольной подножкой, в центре которой Ф-образная прорезь. На дужке имеется растительный орнамент, в виде чеканки по накладной серебряной пластине. [МКМ. ОФ №10212]

Сборщики податей «чазоолы», исполнявшие также полицейские обязанности в обществе тюрков Хонгорая в XIX в., при себе всегда имели нагайку «тобырчых» с серебряной ручкой.

Аналогичные названия «тобурчук» («допуржак») для нагайки с завитым концом бытовали у алтайцев и тувинцев.

Нагайка «тобырчих» носилась за поясом и служила символом власти «чазоола». В случае необходимости он всегда мог пустить её в ход для наказания виновных. При входе в юрту, в отличие от простого скотовода, «чазоол» брал её с собой, не оставлял около дверей.

Деревянная ручка нагайки была покрыта металлическими пластинами. Пластины инкрустированы серебром с растительным орнаментом в мотиве вьющихся стеблей. Конец нагайки сплетался из тонких кожаных полосок. На основе ручки закреплена кожаная петля для кисти рук. Длина ручки 30,5 см, длина кнута 53,5 см. [ХНКМ. КП 3623]

Каждый хонгорский мужчина, в качестве неотъемлемого атрибута, имел огниво «отых», которое закреплялось на поясе со стороны поясницы через продетое кольцо цепочки. Подобная мода на ношение огнива и ножа существовала у всех народов Саяно-Алтая и, вероятно, восходит к древнетюркским традициям.

Огниво «отых» состояло из стального кованого кресала (пластины) и приделанного к нему кожаного футляра «хаболдырых» для кремня и твута. Кресало (рабочая часть) выгнутой формы и гладко отшлифованное. К кожаному футляру прикреплены ажурные угловые железные накладки (пластины) с насечками и серебряной инкрустацией в виде растительного орнамента с мотивами вьющегося побега и завитков. С левой и правой сторон пластинчатые накладки украшены вставками кораллом оранжевого цвета. Сверху футляра прикреплялась металлическая дужка, куда вдевалось бронзовое кольцо. На кольце огнива находилась металлическая бляха в форме цветка, украшенная растительным орнаментом, и металлическая цепочка (длиной 62 см) жёлтого цвета. [ХНКМ. КП № 7503/1] По форме и декору хонгорские огнива очень сходны с тувинскими и алтайскими. Длина огнива равнялась 12-14 см, высота 7-8 см, ширина кресала – 1,5-2 см.

Среди металлических украшений мужского костюма хотелось

бы отметить огниво «отых», декорированное серебряными и железными пластинами с простой орнаментацией с растительными мотивами и параллельных линий с точками посередине.

Огнива, как и пряжки, были из серебра или железа, подвешивались к ремню. Всевозможные боковые поясные пряжки предназначались для подвешивания на ремешках ножа, курительной трубки «ханза» и были известны ещё ранним кочевникам. Ещё в скифское время они крепились к поясу. Особенно широкое распространение пряжки получают в кыргызское и тюркское время. В это время они встречаются разнообразной формы – лировидные, прямоугольные, полукруглые, сердцевидные, колесовидные с декорировкой парными головами животных. [Вайнштейн, 1974: 105]

Инкрустация оловом по дереву представляет оригинальный вид декоративно-прикладного искусства Хонгорая. Обычно оловом украшались курительные трубки «ханза». Узор курительных трубок наносился на длинном чубуке. Для основы их изготовления бралась древесина твёрдой породы, к которой относился кап – крепкие наросты на стволе лиственницы. Самыми дорогими и почётными считались длинные каповые трубки, сделанные из нароста лиственницы и украшенные орнаментом из инкрустаций олова или серебра. Они изготовлялись специальными мастерами «сибер» и ценились очень дорого. За хорошую инкрустированную оловом трубку брали одного коня, за инкрустированную серебром – до двух или трёх коней.

Трубка состояла из чашечки «ханза ахсы», с длинным чубуком и отдельно присоединённого мундштука «сорол». Мундштуки делались из ствола таволожника или красной смородины. Чубук представлял собой длинный полый стержень, на который насаживается головка курительной трубки. Основа трубки, т.е. головка с чубуком, вырезается из капа лиственниц. Украшается как сама головка, так и вставной, довольно длинный чубук. Чашечка трубки имеет раструб и окаймляется оловом. Основной узор курительных трубок был расположен на длинном чубуке. Он иногда делался многогранным (шестигранным, девятигранным).

Инкрустирование оловом производилось следующим образом. На поверхности чубука трубки с помощью ножа вырезаются линии орнаментального узора, образующие глубокие желобки шириной 1-2 мм. Глубинные части желобков расширились в виде ласточкина хвоста. Все узоры были соединены между собой, что позволяет расплавленному олову проникать во все прорезанные части поверхности трубки. Из дерева вырезался шаблон «кип» по форме соответствующий чубуку трубки. Он делался из двух дощечек, соединяемых в виде ножен. Иногда орнаментированная трубка плотно обёртывалась тонкой смоченной берестой и обвязывалась ниткой из сухожилий. Олово расплавляли в литейных формах «халып» и в жидком виде заливали через отверстие шаблона. Расплавленное олово расходится по всем бороздкам, облекая, таким образом, чубук сплошным узорчатым поясом. Когда олово остынет и затвердеет, шаблон снимают, излишки металла, выступающие над поверхностью предмета, срезают ножом. Вся поверхность изделия сглаживается при помощи мелкого напильника. [Островских, 1895: 312-313]

На трубках наносились геометрические узоры тонкой работы. Такой орнамент заливался быстрее, чем другие виды узоров, так как олово, например, сразу не могло проникнуть во все части растительного орнамента.

Геометрический орнамент обычно состоял из следующих фигур: косые сетки и зубцы, окаймлённые линиями; узоры в виде ёлочки, разделённые линиями; круги с точками внутри углублений, окаймлённые линиями; крестовидные в виде буквы «х», нанесённые внутри квадратов; четырёх лепестковые розетки разделённые линиями; ромбовидные с диагональными полосами и др. [Шнейдер, 1930: 82.; МКМ. И – 591-312]

Среди технических приёмов орнаментации трубок в Хонгорае самой распространённой была трехгранно-выемчатая резьба. Подобное инкрустирование характерно только для хонгорцев, и не известна для других народов Саяно-Алтая. Эта техника инкрустации оловом по дереву, на наш взгляд, имеет древние традиции. Процесс создания любого изделия был от начала до

конца ручным, поэтому каждый предмет был уникален, отмечен индивидуальным мастерством исполнителя. В 1930-е годы славились мастера трубок: М. Каргин, Я. Сарлин, О. Колпаков, З. Тутатчиков.

Для чистки трубок существовали специальные приспособления «чухчос».

Они делались из бронзы, железа или серебра в виде крючка с лопаточкой на рукоятке в форме рыбки. Рукоятка покрывалась художественной чеканкой. [МКМ. ОФ №6972; ВФ №699/23] Аналогичные приборы для очистки гари из трубки в виде металлического крючка серповидной формы бытовали у монголов, тувинцев и алтайцев.

В музее Томского университета хранятся несколько курительных трубок из Хонгорая. Они деревянные, инкрустированные оловом. Девятигранные чашечки имеют раструб, оправленный оловом. Чубук восьмигранный, переходит в цилиндрическую втулку, на которую насаживается длинный мундштук. Стороны острого угла, образованного чубуком и чашечкой, соединены небольшой деревянной дужкой, образующей петлю. Мундштук оправлен также оловом и полностью инкрустирован. Общая длина 28-32 см. [Музей ТГУ. № 2638; № 2641]

Итак, кузнецы Хонгорая с древних времён наладили производство из металла высококачественного оружия, конского снаряжения и искусно сделанных бытовых предметов. В результате археологических раскопок средневековых курганов найдены десятки серебряных кубков, серебряных чаш и других ювелирных изделий. Все они датируются VI-XII веками и свидетельствуют о «серебряной» культуре кыргызов. Самым изящным и широко распространённым видом узоров на серебряных ювелирных изделиях является растительный орнамент. Кроме того, в художественной обработке металла у кыргызов прослеживаются традиции звериного стиля предыдущей гунно-сарматской эпохи, которые просуществовали вплоть до IX – X вв. н. э. Зооморфные сюжеты встречаются в виде самостоятельного изображения или в сочетании с растительным орнаментом. К концу I

тыс. н.э. кыргызское искусство достигло наивысшего расцвета и в дальнейшем оказало существенное влияние на художественную культуру их потомков, современных тюрков Хонгорая.

Литература:

1. *Абдыкалыков А.А.* Енисейские киргизы в XVII веке. Фрунзе, 1968.
2. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. М.-Л., 1950.
3. *Бутанаев В.Я.* Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995.
4. *Бутанаев В.Я.* Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996.
5. *Бутанаев В.Я.* Этническая культура хакасов: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений.— Абакан: издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1998. — 352 с.
6. *Бутанаев В.Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. (БХРИЭС)
7. *Бутанаев В.Я.* Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX вв. Абакан, 2002.
8. *Бутанаев В.Я.* Бурханизм тюрков Саяно–Алтая. Абакан, 2003.
9. *Бутанаев В.Я.* Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004.
10. *Бутанаев В.Я.* Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан, 2006.
11. *Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.* Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008.
12. *Бутанаев В.Я.* Новый серебряный сосуд с рунической надписью из Хакасии. // Алтайстика и тюркология. Астана, 2011. №1. С. 9 – 12.
13. *Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.* Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. Абакан, 2010.
14. *Бутанаев В.Я.* Природная среда обитания тюрков Саяно-Алтая: Опыт историко-этнографического исследования лексического фонда. Астана, 2013.
15. *Бутанаев В.Я.* Национальная одежда хонгорцев. Абакан, 2015.
16. *Вадецкая Э.Б.* Сказы о древних курганах. Новосибирск, 1981.
17. *Вайнштейн С.И.* История народного искусства Тувы. М., 1974.
18. *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
19. *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитаю-

щих народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007.

20. Древнетюркский словарь. Л. 1969. (ДС.)

21. *Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.

22. *Киселёв С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

23. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730 – 1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева). // Сборник документов. СПб., 2010.

24. *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

25. *Островских П.Е.* Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчёт о поездке 1894 г.) // Живая старина. СПб., 1895. т.5. Вып.3-4. с.297-348.

26. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан, 2008.

27. Рашид – Ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. кн. 1. М., - Л. 1952.

28. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края, Красноярск, 1988.

29. *Шнейдер Е.Р.* Искусство народностей Сибири. Л., 1930.

30. Энциклопедия республики Хакасия. Абакан, 2007. Т.1. (ЭРХ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Буганаев Виктор Яковлевич,

академик Российской академии социальных наук,

доктор исторических наук,

профессор Хакасского государственного

университета им. Н.Ф. Катанова

г. Абакан, Республика Хакасия

E-mail: astaibeg@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Butanaev Viktor Yakovlevich –

Ph. D. Dr. of history, Full Professor;

Professor of the Russian history Department of History of institute of Katanov Khakass State University;

Member of the Russian Academy of Social Sciences;

Laureate of “TURKSOY” International Prize;

Honored Worker of Science of Kyrgyz Republic;

Honored Worker of Science.

Abakan Republic of Khakassia.

E-mail: astaibeg@mail.ru

УДК 572.9(=512.1):908(571.513)

МИТОХОНДРИАЛЬНЫЕ ЛИНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ХАКАСОВ

А.С. Нилогов

В обзорной статье рассматривается вопрос определения общих генетических женских предков у современных этнических хакасов. Речь идёт об исследовании митохондриальной ДНК (MtDNA), которая наследуется по прямым женским линиям. По доле континентспецифических типов мтДНК в генофонде хакасов на восточноевразийские типы приходится около 78,2% (N=86), а на западноевразийские – примерно 21,8% (N=24), африканских типов мтДНК не выявлено. В целом, дальнейшее изучение митохондриальных линий хакасов позволит рассмотреть их этногенез на уровне науки XXI века.

Ключевые слова: генетика, генофонд, хакасы, гаплогруппа, митохондриальная ДНК, Деренко, митохондриальная Ева.

MITOCHONDRIAL LINES OF MODERN ETHNIC KHAKAS

A.S. Nilogov

The review article considers the question of determining the common genetic ancestors of female modern ethnic Khakas. This is a study of mitochondrial DNA (mtDNA), which is inherited through direct female lines. According to the share of continental-specific mtDNA types in the Khakass gene pool East Eurasian types make up about 78.2% (N=86), and West Eurasian types – about 21.8% (N=24), African mtDNA types were no found. In General, further study of the mitochondrial lines of the Khakas will allow us to consider their ethnogenesis at the level of science of the XXI century.

Key words: genetics, gene pool, Khakas, haplogroup, mitochondrial DNA, Derenko, mitochondrial Eve.

Сегодня изучение этногенеза любого народа не обходится без собственно генетических методов исследования. Классическая описательная методология этнографии стремительно уступает место ДНК-генеалогическим методикам. Знание собственной гаплогруппы (по мужской или женской линиям) становится необходимым условием в этнической самоидентификации, а тест на аутосомы (неполовые хромосомы) дополняет полиэтническую картину современного человека. Тот факт, что все люди на планете братья и/или сёстры в определённой степени родства, помогает осознать филогенетическое единство со всеми земными живыми организмами.

К сожалению, азы генетики, преподаваемые в школе, не находят массового применения в жизни людей, в частности, в практике персонального ДНК-тестирования. Несмотря на заметную безграмотность населения в сфере современных достижений генетики и сопутствующих ей генетической генеалогии (ДНК-генеалогии) и популяционной генетики (этногеномики), тем не менее с каждым годом неуклонно растёт число тех, кто проходит ДНК-тестирование в коммерческих лабораториях. Так этническая самоидентификация личности человека наряду с генеалогической получает биотехнологическую прописку в XXI веке.

Ранее мы писали, что генофонд современных хакасов по Y-хромосоме (YDNA), то есть по прямым мужским линиям, изучался такими российскими генетиками, как О.В. Штыгашева, В.Г. Волков, В.Н. Харьков, В.А. Степанов и др. ([Штыгашева и др., 2010: 40-76], [Волков и др., 2010: 403-405], [Харьков и др., 2011: 446-458], [Харьков, 2012: 314-338], [Харьков и др., 2017: 35-38], [Новикова, 2017], [Волков, 2018: 40-44]). На основании интерпретации имеющихся данных была опубликована научно-популярная статья «Ближайший общий предок русских и хакасов по данным ДНК-генеалогии», в которой хронологически

сопоставлены Y-гаплогруппы современных этнических русских и хакасов [Нилогов, 2019: 79-83].

Теперь пришёл черёд рассказать об исследованиях по митохондриальной ДНК (MtDNA), то есть о прямых женских линиях современных хакасов, которые провела д. б. н. Мирослава Васильевна Деренко. Кстати, она же ещё в 2006 году с коллегами опубликовала статью «Разнообразие линий Y-хромосомы у коренного населения Южной Сибири», где на материале 53 образцов ДНК хакасов были определены Y-гаплогруппы ([Деренко, Мальярчук и др., 2006: 273-277], [Derenko, Malyarchuk et al., 2006: 466-470]).

ДНК – это дезоксирибонуклеиновая кислота, сложная молекула, в которой содержится наследственная информация об организме. Гаплогруппа – это группа схожих гаплотипов, имеющих общего предка, у которого произошла мутация, унаследованная всеми потомками. Термин «гаплогруппа» широко применяется в популяционной генетике и генетической генеалогии (ДНК-генеалогии – в терминологии А. А. Клёсова [Клёсов, 2018]). Генетическая генеалогия изучает генетическую историю человечества с помощью исследования гаплогрупп Y-хромосомы (Y-ДНК) и митохондриальной ДНК (мтДНК). Генетические маркеры Y-ДНК передаются с Y-хромосомой исключительно по отцовской линии, то есть от отца – сыновьям, а маркеры мтДНК по материнской линии – от матери всем детям. Таким образом, мужчины являются носителями маркеров Y-ДНК и мтДНК, а женщины – только мтДНК [Гаплогруппы, 2019]. В настоящее время выделено более 20 Y-гаплогрупп, которые охватывают мужскую часть современного человечества ([ISOGG, 2020], [Yfull.com/tree/, 2020]) и более 20 Мт-гаплогрупп ([Phylotree, 2016], [Yfull.com/mtree/, 2020]).

Итак, в 1999-2007 годах генетиком из Магадана, к.б.н. М.В. Деренко был проанализирован ДНК-материал у 110 хакасов (мужчины и женщины). По результатам исследования были получены данные о распределении гаплогрупп по MtDNA: сначала для 53 образцов [Derenko et al., 2003: 400], затем для 57 образцов

[Derenko et al., 2007: 1030-1031]. Выборка включала жителей населённых пунктов Аскизского, Бейского, Орджоникидзевского, Таштыпского и Ширинского районов Хакасии, чьи образцы волос были предоставлены к.б.н. О.Н. Карамчаковой и чл.-корр. РАН И. А. Захаровым (ИОГен им. Н.И. Вавилова РАН, Москва)¹ [Derenko, 2009: 122]. Результаты генетических исследований публиковались как в научных статьях М.В. Деренко с участием российских и зарубежных коллег, так и в её будущей докторской диссертации, а также в совместной монографии с д.б.н. Б.А. Малярчуком ([Derenko et al., 2003: 400], [Derenko et al., 2007: 1030-1031], [Derenko, 2009: 134-136], [Derenko, Малярчук, 2010], [Derenko, 2010]). Научная новизна этих работ, по словам М.В. Деренко, заключалась в том, что «впервые на основании данных об изменчивости нуклеотидных последовательностей ГВС1/2 [гипервариабельный сегмент. – *Прим. А.Н.*] главной некодирующей области и полиморфизме кодирующих участков мтДНК получены наиболее детальные представления о структуре митохондриальных генофондов этнических групп Северной Азии (буряты, хамнигане, сойоты, тувинцы, тоджинцы, тофалары, западные эвенки, восточные эвенки, якуты, шорцы, хакасы, алтайцы, алтай-кижи, телеуты, теленгиты, алтайские казахи, эвены, коряки, чукчи)» [Derenko, 2009: 11].

Распределение гаплогрупп по мтДНК хакасов следующее:

¹ Ср.: М. В. Деренко: «Сбор биологических образцов осуществлялся от здоровых индивидумов, не имеющих очевидного родства, по крайней мере, в трёх поколениях, на основании данных предварительного анкетирования и получения информационного согласия. Сбор образцов проводился в ходе экспедиционных работ 1999–2007 годов. В качестве базовых населённых пунктов для сбора образцов использованы посёлки и районные центры, позволяющие включить в молекулярно-генетический анализ выборки представителей различных этнотерриториальных групп коренного населения исследуемого региона» [Derenko, 2009: 119]. Нам удалось познакомиться с одним из доноров того исследования – Виталием Анатольевичем Торточаковым (род. 1980), который, будучи студентом Российского университета дружбы народов, поделился своим биологическим образцом с к. б. н. О. Н. Карамчаковой. Торточаков поделился этой информацией на заседании историко-краеведческого клуба «Моя родословная», которое состоялось в Национальной библиотеке им. Н. Г. Доможакова 18 января 2020 года [Митохондриальные линии хакасов (доклад А. С. Нилогова), 2020].

Табл. 1. Распределение митохондриальных групп в популяциях Южной Сибири [Derenko et al., 2003: 400]

M. V. Derenko et al.

Table 3 MtDNA haplogroup distribution (no. of individuals and % values in parenthesis) in South Siberian populations

	Altaians (110)	Khakassians (53)	Buryats (91)	Sojots (30)	Todjins (48)	Tuvimians (90)	Tofalars (58)	In total (480)
A	0	2 (3.8)	2 (2.2)	3 (10.0)	2 (4.2)	1 (1.1)	3 (5.2)	13 (2.7)
B	4 (3.6)	2 (3.8)	6 (6.6)	1 (3.3)	2 (4.2)	7 (7.8)	2 (3.5)	24 (5.0)
M*	8 (7.3)	0	3 (3.3)	0	2 (4.2)	0	0	13 (2.7)
C	21 (19.1)	19 (35.9)	26 (28.6)	6 (20.0)	23 (47.9)	43 (47.8)	36 (62.1)	174 (36.3)
D	17 (15.5)	7 (13.2)	30 (33.0)	14 (46.7)	2 (4.2)	16 (17.8)	0	86 (17.9)
G2	1 (0.9)	0	13 (14.3)	2 (6.7)	0	2 (2.2)	1 (1.7)	19 (4.0)
G	1 (0.9)	0	0	0	9 (18.8)	4 (4.4)	0	14 (2.9)
Z	5 (4.6)	0	1 (1.1)	0	0	1 (1.1)	3 (5.2)	10 (2.1)
F	10 (9.1)	12 (22.6)	1 (1.1)	0	1 (2.1)	2 (2.2)	0	26 (5.4)
N9a	5 (4.5)	1 (1.9)	0	0	0	1 (1.1)	0	7 (1.5)
Y	0	0	2 (2.2)	1 (3.3)	1 (2.1)	1 (1.1)	0	5 (1.0)
H	7 (6.4)	2 (3.8)	2 (2.2)	1 (3.3)	1 (2.1)	1 (1.1)	4 (6.9)	17 (3.5)
U	18 (16.4)	6 (11.3)	1 (1.1)	1 (3.3)	3 (6.3)	3 (3.3)	0	32 (6.7)
K	0	0	0	1 (3.3)	0	0	0	1 (0.2)
T	1 (0.9)	1 (1.9)	1 (1.1)	0	0	1 (1.1)	3 (5.2)	7 (1.5)
J	4 (3.6)	1 (1.9)	2 (2.2)	0	0	5 (5.6)	5 (8.6)	17 (3.5)
R*	0	0	0	1 (3.3)	2 (4.2)	2 (2.2)	1 (1.7)	6 (1.3)
X	3 (2.7)	0	0	0	0	0	0	3 (0.6)
N1a	3 (2.7)	0	0	0	0	0	0	3 (0.6)
I	2 (1.8)	0	1 (1.1)	0	0	0	0	3 (0.6)

Итак, по доле континентспецифических типов мтДНК в генофонде хакасов на восточноевразийские типы мтДНК приходится приблизительно 78,2% (N=86), а на западноевразийские – примерно 21,8% (N=24)², африканских типов мтДНК не выявлено [Деренко, 2009: 143]. Детализируем их. Восточноевразийские митохондриальные гаплогруппы хакасов представлены такими гаплогруппами, как: А (n4=3,6%), В (n7=6,4%), С (n30=27,3%), D (n16=14,5%), F (n26=23,6%), G (n1=0,9%), М (n2=1,8%); западноевразийские митохондриальные гаплогруппы хакасов включают такие гаплогруппы, как: Н (n6=5,5%), J (n4=3,6%), N (n1=0,9%), Т (n4=3,6%), U (n8=7,3%), V (n1=0,9%).

Проанализировав генетические данные, М.В. Деренко отметила, что «характерной особенностью генофондов шорцев и хакасов является высокая встречаемость линий мтДНК гаплогруппы F (41,5% и 24% соответственно), частоты которой в других исследованных нами популяциях не превышают 9,1%. Ранее типы мтДНК группы F были выявлены в различных популяциях Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии, а её максимальные частоты были отмечены в Юго-Восточном Китае (32%) и на Филиппинах (28,8%) <...> Интересно, что высокие частоты гаплогруппы F (48%) были зарегистрированы у представителей китайской неолитической культуры, существовавшей в Прибайкалье более 7 тыс. лет назад <...> Примечательно, что в генофондах как шорцев, так и хакасов преобладают F1b-линии мтДНК, происхождение которых связывают с Южным Китаем <...> При этом, гаплогруппа F1b представлена в генофонде хакасов шестью различными типами ГВС1/ГВС2 мтДНК, а у шорцев выявлено четыре F1b-последовательности, причём одна из них <...> зарегистрирована с частотой 36,6%, что может быть следствием «эффекта основателя» при формировании этой популяции»³ [Деренко, 2009: 141].

² В источнике ошибочно указано – 79,1% и 20,9%, тогда как при нашем подсчёте из таблицы процентное соотношение уточнено.

³ Ср. также: М. В. Деренко: «Кроме шорцев, в популяциях Сибири высокие частоты F1b-линий мтДНК зарегистрированы только в хакасов (16,4%). Можно предполо-

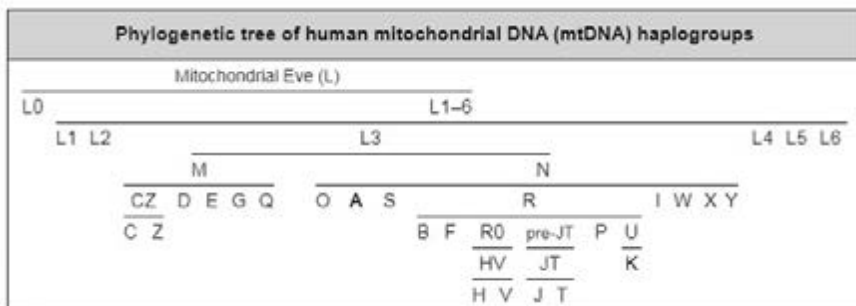

Рис. 2. Phylogenetic tree of human mitochondrial DNA (mtDNA) haplogroups [Wikipedia: Haplogroup]

Перечислим весьма приблизительные датировки и места возникновения для каждой из выявленных митогрупп у хакасов (выделены мажорные гаплогруппы):

A (n4=3,6%): ок. 50 тысяч лет назад, Центральная Азия;

B (n7=6,4%): ок. 50 тысяч лет назад, Азия;

C (n30=27,3%): ок. 25,3 тысяч лет назад, Центральная Азия;

D (n16=14,5%): ок. 40-60 тысяч лет назад, Азия;

F: (n26=23,6%): ок. 43,4 тысяч лет назад, Азия;

G (n1=0,9%): ок. 35,7 тысяч лет назад, Восточная Азия;

M (n2=1,8%): ок. 50-65 тысяч лет назад, Азия или Африка;

H (n6=5,5%): ок. 20-30 тысяч лет, юго-западная Азия/Ближний Восток;

J (n4=3,6%): ок. 45 тысяч лет назад, западная Азия;

N (n1=0,9%): ок. 65 тысяч лет назад, западная Азия или Восточная Африка;

T (n4=3,6%): ок. 25 тысяч лет назад, Месопотамия/Плодородный Полумесяц;

U (n8=7,3%): ок. 43-50 тысяч лет назад, Ближний Восток;

V (n1=0,9%): ок. 12-14 тысяч лет назад, Западная Европа.

Для сравнения дадим данные по мтДНК современных этнических русских, в генофонде которых выделены следующие гаплогруппы. Так, из 1768 изученных образцов выявлены толь-

ко западноевразийские типы мтДНК: H – 60,4%, U – 16,6%, T – 8,2%, J – 7,8%, K – 3,7%, W – 1,8% (ср. западноевразийские гаплогруппы у хакасов: H (n6=5,5%), J (n4=3,6%), N (n1=0,9%), T (n4=3,6%), U (n8=7,3%), V (n1=0,9%)) [Википедия: Генофонд славян].

В заключение приведём интересные сведения из книги по исторической генетике женской мтДНК английского учёного Б.К. Сайкса «Семь дочерей Евы», в которой автор привёл условные имена для семи так называемых прародительниц современного человечества ([Sykes, 2001], [Сайкс, 2003]). Он взял за первую букву имени обозначение митохондриальных групп, в результате чего получились: Хелена (H), Жасмин (J), Урсула (U), Катрин (K), Тара (T), Ксения (X) и Вельда (V). Иные варианты имён предложены в статье анонимного российского автора «12 дочерей Евы: ДНК-генеалогия по материнской линии»: Елена (H), Ясмينا (J), Юлия (U), Катерина (K), Татьяна (T), Ксения (X) и Вера (V). В ней же придуманы имена и для центрально-азиатских дочерей «митохондриальной Евы»: Айгуль (A), Чулпан (C), Ильмира (I), Диляра (D), Венера (W) [12 дочерей Евы]. Впоследствии сам Сайкс предложил имена ещё для 29 прародительниц по всему миру: Fufei, Ina, Aiyana/Ai, Yumi, Nene, Naomi, Una, Uta, Ulrike, Uma, Ulla, Ulaana, Lara, Lamia, Lalamika, Latasha, Malaxshmi, Emiko, Gaia, Chochmingwu/Chie, Djigonasee/Sachi, Makeda, Lingaire, Lubaya, Limber, Lila, Lungile, Latifa and Layla» [Википедия: Семь дочерей Евы].

Таким образом, использование этих символических женских имён даёт осознание единства праматерей человечества, восходящих к «Митохондриальной Еве». Дальнейшее изучение аутосомных, митохондриальных и игрек-хромосомных линий хакасов позволит рассмотреть их этногенез на уровне науки XXI века, потеснив устаревающие методы описательной этнографии и этимологические игры в этнонимы.

Список литературы

1. 12 дочерей Евы: ДНК-генеалогия по материнской линии [Эл.

ресурс]. URL: <http://pereformat.ru/2016/08/mtdna/> (Дата обращения. 01.05.2020).

2. *Derenko M.V., Grzybowski T., Malyarchuk B.A., Dambueva I.K., Denisova G.A., Czarny J., Dorzhu C.M., Kakpakov V.T., Miścicka-Śliwka D., Woźniak M. and Zakharov I.A.* Diversity of Mitochondrial DNA Lineages in South Siberia // *Annals of Human Genetics* (2003). № 67. С. 391-411. URL: <http://xn--c1acc6aafa1c.xn--plai/library/papers/Derenko2003.pdf> (Дата обращения. 01.05.2020).

3. *Derenko M.V., Malyarchuk B.A., Wozniak M., Dambuyeva I.K., Dorzhu Ch. M., Luzina F.A., Lee H.K., Miscicka-Sliwka D., Zakharov I.A.* The Diversity of Y-Chromosome Lineages in Indigenous Population of South Siberia // *Doklady Biological Sciences*. 2006. V. 411. P. 466–470. URL: http://malyarchuk-bor.narod.ru/olderfiles/1/Doklady_Y_06.pdf (Дата обращения. 01.05.2020).

4. Haplogroup [Эл. ресурс]. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Haplogroup> (Дата обращения. 01.05.2020).

5. International Society of Genetic Genealogy (ISOGG) [Эл. ресурс]. URL: <https://isogg.org/tree/>, https://isogg.org/tree/ISOGG_YDNA_Tree_Trunk.html (Дата обращения. 01.05.2020).

6. *Miroslava Derenko, Boris Malyarchuk, Tomasz Grzybowski, Galina Denisova, Irina Dambueva, Maria Perkova, Choduraa Dorzhu, Faina Luzina, Hong Kyu Lee, Tomas Vanacek, Richard Villems, and Ilia Zakharov.* Phylogeographic Analysis of Mitochondrial DNA in Northern Asian Populations // *The American Journal of Human Genetics*. Vol. 81. November 2007. С. 1025–1041. URL: http://malyarchuk-bor.narod.ru/olderfiles/1/AJHG_07.pdf (Дата обращения. 01.05.2020).

7. Mtree [Эл. ресурс]. URL: <https://www.yfull.com/mtree/> (Дата обращения. 01.05.2020).

8. Phylotree [Эл. ресурс]. URL: <http://www.phylotree.org/tree/index.htm> (Дата обращения. 01.05.2020).

9. *Sykes B.* The Seven Daughters of Eve. New York–London, 2001. – 320 p. [Эл. ресурс]. URL: <https://archive.org/details/sevendughtersof00syke/page/n7/mode/2up> (Дата обращения. 01.05.2020).

10. *Волков В.Г.* Общие генетические линии тюркских народов // *Коренные народы Сибири: история, традиции и современность: материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 12 октября 2017 г.)*. – Абакан, 2018. – С. 40-44.

11. Волков В.Г., Харьков В.Н., Штыгашева О.В., Степанов В.А. Генетическое исследование хакасских и телеутских сеоков. Сравнительная характеристика по данным маркеров Y-хромосомы // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 19-21 мая 2010 года. – Томск, 2010. – С. 403-405. [Эл. ресурс]. URL: <http://trog.narod.ru/articles/sook.htm>, <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000397210> (Дата обращ. 01.05.2019).

12. Гаплогруппы [Эл. ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппы> (Дата обращ. 01.05.2020).

13. Генофонд славян [Эл. ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Генофонд_славян (Дата обращ. 01.05.2020).

14. Деренко М.В. Молекулярная филогеография коренного населения Северной Азии по данным об изменчивости митохондриальной ДНК. Диссертация ... доктора биологических наук. Магадан, 2009. – 423 с.

15. Деренко М.В. Молекулярная филогеография коренного населения Северной Азии по данным об изменчивости митохондриальной ДНК // Вестник ДВО РАН. 2010. № 4. С. 3-11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molekulyarnaya-filogeografiya-korenного-naseleniya-severnoy-azii-po-dannym-ob-izmenchivosti-mitohondrialnoy-dnk/viewer> (Дата обращ. 01.05.2020).

16. Деренко М.В., Мальярчук Б.А. Молекулярная филогеография коренного населения Северной Азии по данным об изменчивости митохондриальной ДНК / Отв. ред. И.А. Захаров-Гезехус. Магадан, 2010. – 376 с.

17. Деренко М.В., Мальярчук Б.А., Возняк М., Дамбуева И.К., Доржу Ч.М., Лузина Ф.А., Ли Х.К., Мишицица-Шлипка Д., Захаров И.А. Разнообразие линий Y-хромосомы у коренного населения Южной Сибири // Доклады РАН. 2006. Т. 411. N 2. С. 273-277. URL: http://malyarchukbor.narod.ru/olderfiles/1/Doklady_06.pdf (Дата обращ. 01.05.2020).

18. Клёсов А.А. Практическая ДНК-генеалогия для всех. – М., 2018. – 364 с.

19. Митохондриальная ДНК [Эл. ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Митохондриальная_ДНК (Дата обращ. 01.05.2020).

20. Митохондриальная Ева [Эл. ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Митохондриальная_Ева (Дата обращ. 01.05.2020).

21. Митохондриальные линии хакасов (доклад А.С. Нилогова на заседании клуба «Моя родословная» в Национальной библиотеке им. Н.Г. Доможакова, 18.01.2020). [Эл. ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AOLGh1csfM0&t=1s>, <https://www.youtube.com/watch?v=yM81nXSG1u4&t=1s>, <https://www.youtube.com/watch?v=6CfQKukp4Kw&t=716s> (Дата обращ. 01.05.2020).

22. *Нилогов А.С.* Ближайший общий предок русских и хакасов по данным ДНК-генеалогии // Материалы VI Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий». Абакан, 2019. – С. 79-83. URL: http://haknii.ru/files/Materiali%206%20Mezhdunarodnoy%20konferencii_compressed.pdf (Дата обращ. 01.05.2020).

23. *Нилогов А.С.* Снипование как именование (антиязыковая методология в помощь ДНК-генеалогии) // *Litera*. – 2016. – № 1. – С. 18–25. [Эл. ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_17670.html (Дата обращ. 01.05.2020).

24. *Новикова Л.М.* Структура генофонда шорцев и хакасов по аутосомным STR-маркерам и маркерам Y-хромосомы. Выпускная квалификационная работа бакалавра. – Томск, 2017. – 71 с. [Эл. ресурс]. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:4172> (Дата обращ. 01.05.2019).

25. Персональный сайт Б.А. Малярчука. [Эл. ресурс]. URL: <http://malyarchuk-bor.narod.ru/> (Дата обращ. 01.05.2020).

26. *Сайкс Б.* Семь дочерей Евы / пер. с англ. Е. Я. Мигуновой. М., 2003. – 304 с.

27. Семь дочерей Евы. [Эл. ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Семь_дочерей_Евы (Дата обращ. 01.05.2020).

28. *Харьков В.Н.* Структура и филогеография генофонда коренного населения Сибири по маркерам Y-хромосомы: Диссертация ... доктора биологических наук. – Томск, 2012. – 397 с.

29. *Харьков В.Н., Новикова Л.М., Штыгашева О.В., Агеева Е.С., Волков В.Г., Хитринская И.Ю., Степанов В.А.* Анализ родоплеменной структуры хакасов по маркерам Y-хромосомы // *Медицинская генетика*. – 2017. – Т. 16. – № 12. – С. 35-38. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.medgen-journal.ru/jour/article/view/355/271> (Дата обращ. 01.05.2019).

30. *Харьков В.Н., Хамина К.В., Медведева О.Ф., Штыгашева О.В., Степанов В.А.* Разнообразии генофонда хакасов: внутривидовая дифференциация и структура гаплогрупп Y-хромосомы // *Молеку-*

лярная биология. – 2011. – Т. 45. – № 3. – С. 446-458. [Эл. ресурс]. URL: [http://www.medgenetics.ru/UserFile/File/Doc/Evolution%20Doc/Kharkov-MolBiol-2011-45\(3\)-446-458-Y-Khakas.pdf](http://www.medgenetics.ru/UserFile/File/Doc/Evolution%20Doc/Kharkov-MolBiol-2011-45(3)-446-458-Y-Khakas.pdf) (Дата обращ. 01.05.2019).

31. *Штыгашева О.В., Агеева Е.С., Харьков В.Н., Степанов В.А.* Гены и болезни хакасов. – Красноярск, 2010. – 296 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Нилогов Алексей Сергеевич,

кандидат философских наук,

зав. лабораторией генеалогических

исследований Хакасского научно-исследовательского

института языка, литературы и истории,

г. Абакан, Республика Хакасия

E-mail: nilogov1981@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Nilogov Aleksey Sergeevich,

candidate of philosophy, head of the Department,

laboratory of genealogical research of the Khakass research

Institute of language, literature and history,

Abakan, Republic of Khakassia

E-mail: nilogov1981@yandex.ru

РАЗДЕЛ III. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

УДК 902

ПУТЕШЕСТВИЕ ЖАНА КЛОТТА ПО ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В 2010 Г.

Д.С. Арсеньева, А.Л. Заика

Аннотация. Статья посвящена путешествию Жана Клотта по Енисейской Сибири в 2010 году. В ней отражены все «точки» путешествия Жана Клотта и его команды, впервые описан весь его маршрут и все события, произошедшие в ходе этого путешествия.

Ключевые слова. Археология, Енисейская Сибирь, наскальное искусство, писаницы, Жан Клотт.

THE JOURNEY OF JEAN CLOTTE'S IN YENISEI SIBERIA IN 2010

D.S. Arseneva, A.L. Zaika

Annotation. This article focuses on Jean Clottes' journey in Yenisei Siberia in 2010. It reflects all his & his crew's travel points. It's the first article to describe his whole route and all the events during this trip.

Keywords: Archeology, Yenisei Siberia, rock art, pisanitsa, Jean Clottes.

Жан Клотт — известный французский археолог. Он родился во Французских Пиренеях в 1933 году и начал изучать археологию в 1959 году, преподавая в средней школе английский язык. Первоначально он сосредоточился на неолитических дольменах, которые стали темой его докторской диссертации 1975 года. Увлекаясь спелеологией, однажды во время одного из посещений пещер Франции он обнаружил древние наскальные рисунки. Это его сильно впечатлило: он вплотную занялся изучением пещерного искусства и впоследствии стал известным исследователем творчества древнего человека. Ж. Клотт написал более 300 статей и более 20 книг, вёл лекции по всему миру, преподавал в университетах. Играл ведущую роль в изучении двух наиболее знаменитых пещер с наскальной живописью: пещера Коске и пещера Шове (Франция). Особенно резонансными для науки были открытия в пещере Шове. В этой пещере были обнаружены изображения шерстистого носорога, тарпана, пещерного льва, медведей, пантер, бизонов и других животных ледникового периода. Радиоуглеродная датировка показала, что петроглифам пещеры Шове 30-32 тысячи лет! В своих исследованиях Жан Клотт фокусировал внимание на изучении причин появления пещерного искусства, на психологическом и социальном контекстах его проявления.

Одними из наиболее значимых его работ являются такие книги, как «World Rock Art» («Мировое наскальное искусство») и «Rock Art: A universal cultural message» («Наскальное искусство: универсальное культурное послание»). Обе книги изобилуют красочными иллюстрациями и подробными описаниями. В них рассказывается о наскальной живописи всего мира: Европа, Америка, Азия, Африка, Океания. Важное место занимают описания шаманизма, который, по мнению Жан Клотта, был тесно связан с наскальным искусством. Его произведения интересны как только начинающим знакомство с древним искусством, так и профессионалам в этой сфере.

К сожалению, мало кому известно, что знаменитый исследователь первобытного искусства, учёный с мировым именем

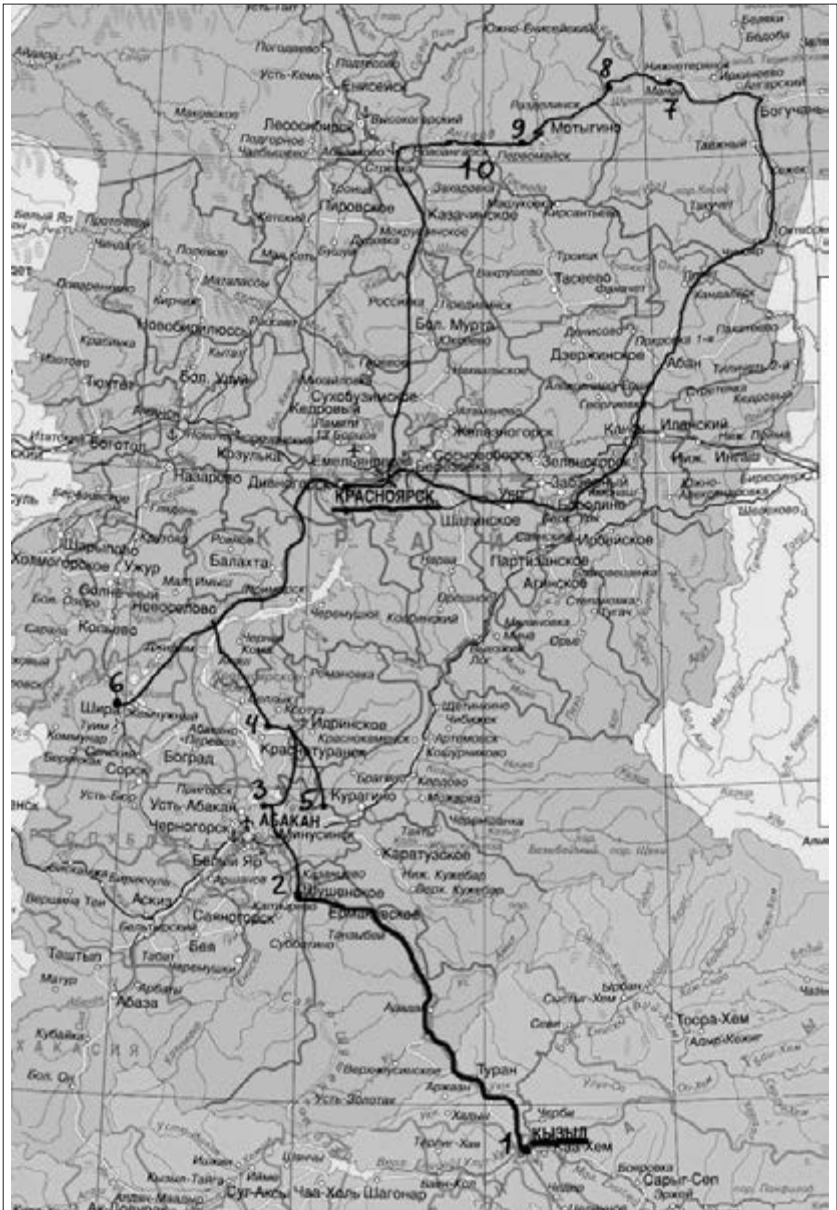

Рис. 1: Карта маршрута. Писаницы: 1 – Байн-Кол, 2 – Ленкова гора, 3 – Моисеиха, Суханиха, 4 – Бычиха, 5 – Шалаболинская, 6 – грот Прокурякова, 7 – Манзья, Ивашкин Ключ, 8 – Каменка, 9 – Рыбное, 10 – Усть-Тасеевский культовый комплекс.

Рис. 2: Участники экспедиции на Ленковой горе в Шушенском районе (слева направо): Ричард Хамон, Изабель, Даба (стоят); Жан Клотт, Александр Заика, Лоза (сидят). (Фото К. Высоцкого).

десять лет назад проявил интерес к сибирской древней и традиционной культуре, нашёл время посетить памятники наскального искусства Енисейской Сибири, познакомиться с шаманскими традициями местных народов. Целью данной работы является освещение

основных аспектов поездки Жана Клотта по Туве, Хакасии и Красноярскому краю, совершённой с 27 июня по 12 июля 2010 г.

Его поездка осуществлялась по следующему маршруту: Кызыл – Шушенское – Минусинск – Красноярск – Богучаны – Мотыгино – Красноярск (рис. 1). Основной целью поездки являлась съёмка материалов для фильма о древнем наскальном искусстве региона и сибирском шаманизме. В состав группы экспедиции, помимо, собственно, самого Жан Клотта, входили: Изабель – продюсер, Ричард Хамон – видеооператор, Даба – звукооператор, Лоза – тувинский шаман, Александр Леонидович Заика – археолог, Константин Высоцкий – переводчик (рис. 2).

Путешествие началось в Кызыле, где 27 июня группа посетила сеанс шаманского камлания. На следующий день были осмотрены масштабные рисунки писаницы Баян-Кол на окраине Кызыла. Писаница стала известна науке благодаря исследованиям А.В. Адрианова в конце XIX века и с тех пор привлекает пристальное внимание исследователей культуры кочевников гунно-сарматского времени. Она является одним из наиболее пострадавших от деятельности человека и, может быть, от при-

родных факторов памятником наскального искусства в Туве. Писаница расположена в 4 км от г. Кызыл, в правобережье р. Улуг-Хем, в районе городских дач и зверофермы. Памятник уникальный, так как в Туве и в соседних

Рис. 3: Писаницы Ленковой горы. Общий вид на скалу с запада. (Фото Заика А.Л.).

регионах редко встречаются рисунки таких крупных размеров. На писанице Малый Баян-Кол в настоящее время нами зафиксировано 16 плоскостей с рисунками. Изображения в основном нанесены на вертикальных скалах, обращённых на юг-юго-запад, то есть в сторону Енисея. Изображения нанесены техникой точечной выбивки. В основном это контурные изображения, причём в большинстве случаев контур рисунков очень глубокий с шлифовкой [Чадамбаа, 2009].

Выехав из Тувы, 29 июня группа прибыла в п. Шушенское, где для них была проведена обзорная экскурсия по историко-этнографическому музею-заповеднику «Шушенское». На следующий день участники поездки посетили писаницу Ленковой горы, где были осмотрены рисунки, выполненные красной охрой. Писаница находится на правом берегу р. Ои напротив п. Казанцево (рис. 3). Рисунки наносились в течение длительного времени начиная с эпохи поздней бронзы до этнографической современности [Заика, Капелько, 1989]. В ходе обследования писаницы было установлено её критическое состояние: наскальные плоскости осыпались, многие изображения были густо покрыты современными надписями посетителей (рис. 4). После обеда планировалось посетить Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова, но по причине реорганизации археологиче-

Рис. 4: Писаницы Ленковой горы. Рисунки, покрытые современными надписями. (Фото Заика А.Л.).

что Жан Клотт стойко переносил пешие многокилометровые маршруты по скалам. Писаница Моисеиха расположена на левом берегу реки Туба, в 7 км к западу от с. Николо-Петровка Минусинского района Красноярского края [Наскальное искусство..., 2007: 70]. Были осмотрены петроглифы на северном и западном склоне горы, которые датируются эпохой неолита, ранней брон-

Рис. 5: Писаница Моисеиха. Разновременная композиция. Микалентная копия по: [Наскальное искусство..., 2007: 74, рис. 039].

ской экспозиции полноценная экскурсия не удалась.

1 июля участники съёмочной группы выдвинулись в устье реки Тубы, где были проведены экскурсии на петроглифы гор Суханиха и Моисеиха.

Надо отметить,

что Жан Клотт стойко переносил пешие многокилометровые маршруты по скалам. Писаница Моисеиха расположена на левом берегу реки Туба, в 7 км к западу от с. Николо-Петровка Минусинского района Красноярского края [Наскальное искусство..., 2007: 70]. Были осмотрены петроглифы на северном и западном склоне горы, которые датируются эпохой неолита, ранней бронзы и раннего железного века. Особенный интерес вызвала разновременная композиция, где неолитические рисунки маралов в скифскую эпоху были дополнены фигурами лучников, тем самым трансформировав первоначальный сюжет в сцену охоты (рис. 5). Комплекс

петроглифов Суханиха находится на правом берегу Енисея, в 7 км выше устья реки Туба, в 12 км к юго-западу от с. Николо-Петровка Минусинского района Красноярского края [Наскальное искусство..., 2007: 82].

Рис. 6: Писаница Суханиха – 4. Изображения оленей эпохи раннего железного века. (Фото А.П. Березовского).

Суханиха – памятник комплексный, состоит из семи выделенных по топографическим признакам местонахождений, расположенных в различных частях горного массива Суханихи и Подсуханихских гор [Миклашевич, 2011], где находятся наскальные рисунки различных эпох (рис. 6). Больше всего Жана заинтересовал на писанице Суханиха «Большой фриз», где запечатлено большое количество изображений животных различных периодов: от эпохи ранней бронзы до средневековья [Наскальное искусство..., 2007: 84-101].

В нижней части фриза Жан Клотт обратил внимание на полузасыпанное, ранее неизвестное изображение лошади, которое через год было опубликовано (рис. 7). Сделанное открытие очень сильно обрадова-

Рис. 7: Писаница Суханиха. Копия рисунка, обнаруженного Жаном Клоттом (по: [Миклашевич, 2011: 99, рис. 7].

Рис. 8: Писаница Бычиха. Изображения животных эпохи бронзы. Микалентная копия по: [Наскальное искусство..., 2007: 56-57, рис. 012].

Писаница Бычиха расположена на правом берегу реки Сыда, в 5 км к востоку от п. Новая Сыда Краснотуранского района Красноярского края, на южном склоне горы Бычиха [Наскальное искусство..., 2007: 56]. Памятник впервые упоминается А.В. Адриановым под названием «Сыдинская писаница». В 1904 г. этот исследователь обнаружил на горе Бычиха 131 изображение. В настоящее время выполнено полное документирование памятника, в результате чего выявлено 82 плоскости с изображениями.

Рис. 9: Шалаболинская писаница. Жан Клотт среди учащихся г. Железнодорожска в школьном лагере. (Фото Гревцовой А.Б.).

ло исследователя, как внесшего свою лепту в изучение наскального искусства Сибири.

После ночёвки в палатках участники путешествия покинули устье р. Тубы и к середине дня 2 июля прибыли на гору Бычиха.

Среди них – около десятка больших многофигурных композиций. Наиболее характерны для памятника многочисленные изображения животных неопределённого вида, представленные в сценах шествия или противостояния, выполненные

Рис. 10: Шалаболинская писаница. Общий вид скалы с петроглифами. (Фото А.П. Березовского).

в «геометрическом» стиле, с неестественно длинными контурными туловищами, заполненными вертикальными полосами (рис. 8). Большинство рисунков датируется эпохой бронзы, раннего железного века и более поздними периодами [Заика и др., 1998], но вместе с Жаном Клоттом были выявлены более архаичные изображения животных на нижнем ярусе скалы. К вечеру группа прибыла в Курагинский район в окрестности Шалаболинской писаницы, где разместились в полевом лагере школьников г. Железногорска (рис. 9).

3 июля была проведена экскурсия на Шалаболинскую писаницу, где до обеда были осмотрены первые четыре участка скалы с петроглифами. Неблагоприятные погодные условия (ливневый дождь) не позволили провести полное обследование этого масштабного памятника и сделать полноценную съёмку сюжетов. Шалаболинская писаница — памятник наскального искусства, расположенный на правом берегу р. Тубы (правый приток Енисея), на расстоянии 0,6 км к юго-востоку от д. Ильинка и 8 км юго-западу от с. Шалаболино Курагинского района Краснояр-

Рис. 11: Грот Проскуракова. Изображения личин, выполненных охрой. (Фото Заика А.Л.)

ского края (рис. 10). Всего насчитывается около 500 плоскостей и скальных фриз с рисунками, которые встречаются на всём протяжении скального массива на различных высотах от 2,5 м до 50 м от августовского уреза воды. Изо-

бражения выполнены в различной технике: минеральными красителями (охрой), путём выбивки, шлифовки, гравировки. Нередки случаи комбинированного сочетания различных техник при выполнении рисунка. Наскальные рисунки Шалаболинской писаницы относятся к разным эпохам, но в основном там представлен большой пласт окуневской культуры [Заика, 2006].

На следующий день, перебравшись на пароме на другой берег Енисея (Красноярское водохранилище) у п. Новосёлово, группа выехала в северо-западные районы Хакасии, где обосновалась на туристической базе Алтын-сус. Здесь для участников поездки был проведён шаманский ритуал Татьяной Васильевны Кобежиковой, а также записано интервью с ней. На противоположном берегу Белого Июса съёмочная группа посетила Грот Проскуракова, на стенках которого нанесены красной охрой изображения антропоморфных личин (рис. 11). Хотя эти рисунки и эпохи бронзового века [Заика, 2013], но, нанесённые в тёмной нише грота, они вызвали живой интерес у Ж. Клотта, как исследователя пещерного искусства. Следующий день (5 июля) был посвящён съёмкам шаманских обрядов, которые согласилась провести Т.В. Кобежикова. Вечером группа выехала в г. Красноярск.

После ночёвки в гостинице «Красноярск» 6 июля Жан Клотт, прикупив в салоне «Диана» новодельный шаманский бубен, вместе со съёмочной группой и нашими красноярскими коллегами в 13:00 выехал на Ангару. Далеко за полночь группа прибыла в п. Богучаны, где заночевала в местной гостинице. На следующий день был организован выезд на писаницу Манзя, где было уделено большое внимание изображениям «шаманов» (рис. 12, рис. 13). Масштабный петроглифический комплекс Манзя имеет протяжённость более 2 км и подразделяется на три объекта, где зафиксированы сотни изображений, выпол-

Рис. 12: Писаница Манзя. Изображение шамана эпохи ранней бронзы. (Фото Заика А.Л.)

ненных красной охрой в различные периоды [Заика, Емельянов, 1996]. Пробыв на скале весь световой день и получив большой багаж отснятого материала, участники экспедиции благодаря помощи Е.П. Косова, местного жителя, комфортно разместились на ночь в п. Манзя.

8 июля было положено начало путешествию на скоростном катере по Ангаре. Были осмотрены наскальные рисунки писаницы Ивашкин Ключ, где встречаются личины фантастического облика (рис. 14) и писаницы Каменка (рис. 15). На вершине утёса около д. Каменки, где были обнаружены в 1997-1998 гг. экспедицией КГПУ неолитическое захоронение (рис. 16), следы стоянки и жертвенников эпохи неолита-средневековья [Заика, 1999; 2009; Заика и др., 2013], был совершён шаманский обряд, который

Рис. 13: Писаница Манзя. Сцена ритуальной охоты в эпоху ранней бронзы. (Фото Заика А.Л.)

лизиации (рис. 17). К вечеру группа прибыла в пос. Мотыгино и разместилась в местной гостинице, где Жан Клотт в дружеской обстановке отметил своё 77-летие.

На следующий день члены команды посетили писаницу на утёсе в д. Рыбное. Подарком для Жана Клотта, судя по его словам, стало посещение 10 июля каменного изваяния в устье реки Тасевой, в низовьях Ангары (рис. 18). Это самое северное из известных в Евразии древних скульптурных изображений человека (рис. 19).

Рис. 14: Писаница Ивашкин Ключ. Изображение личины. (Фото Заика А.Л.)

провёл известный тувинский шаман Лоза. Участвовал в нём и Жан Клотт, используя приобретённый в Красноярске бубен. Цель обряда – жертвоприношение духам и очищение места от негативных последствий современной цивилизации (рис. 17).

В подножии его выявлен представительный жертвенный комплекс скифского времени, изученный современным красноярским археологом Ю.А. Гревцовым.

В составе жертвенника находились многочис-

ленные предметы в виде бронзовых художественных изделий, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле [Дроздов и др., 2011].

11 июля участники поездки покинули берега Ангары и благо-

получно прибыли в г. Красноярск, где посетили Музей археологии и этнографии КГПУ. 12 июля французская делегация, дружески попрощавшись, вылетела из Красноярска через Москву в Париж.

Нетрудно заметить, что масштабы проекта были большими, а сроки – сжатыми, что во многом определило интенсивный график поездки. Также прослеживается явная неосведомленность зарубежных участников о пространственных масштабах Енисейской Сибири и нюансах перемещений по её просторам. Тем не менее, необходимо отметить высокую степень ответвен-

Рис. 15: Писаница Каменка. Общий вид скалы с петроглифами (Фото А.П. Березовского)

Рис. 16: Каменка. Неолитическое захоронение, на месте стоянки и жертвенников эпохи неолита-средневековья. (Фото Заика А.Л.)

Рис. 17: Каменка. Шаманский обряд на вершине утёса. (Фото Косова Е.П.)

её на рабочих площадках, которые часто находились на скальных уступах, также требовала определённых условностей. Всё это, конечно, отнимало немало времени. Несмотря на трудности и неудобства, которые неизбежны при полевых работах и натуральных съёмках, наши зарубежные коллеги держались достойно.

Рис. 18: Усть-Тасеевский культовый комплекс. Жан Клотт, Изабель и Александр Заика около изваяния. (Фото К. Высоцкого).

ности и профессионализма со стороны французских коллег во время работ. Каждый сюжет часто несколько раз переснимался и перезаписывался на довольно капризную к полевым условиям аппаратуру. Транспортировка и установка

В процессе подготовки этой работы, в 2020 году, удалось связаться по электронной почте с Жаном Клоттом. 86-летний археолог ныне работает с петроглифами Индии и прекрасно себя чувствует, несмотря на свой солидный возраст. Выяснилось, что, вероятно, фильм о

наскальном искусстве древних народов Енисейской Сибири, который был целью описанного выше путешествия, так и не вышел (во всяком случае, Ж. Клотту об этом не известно). Но, тем не менее, Жан Клотт, посетив писаницы нашего региона, познакомившись с различными аспектами шаманских ритуалов, получил массу впечатлений и полезной информации о духовной культуре древних и современных народов Сибири.

Рис. 19: Каменное изваяние в устье реки Тасеевой. (Фото Березовского А.П.)

Во многих зарубежных изданиях, посвящённых мировым памятникам наскального искусства до недавнего времени территория Енисейской Сибири всегда была «белым пятном» на карте, в том числе, и в вышеупомянутых работах Жана Клотта. Надеемся, что после его путешествия по просторам Тувы, Хакасии и Красноярского края, ознакомления с шедеврами наскального творчества международное научное сообщество получит возможность ближе познакомиться с культурными достижениями древних сибиряков на примере их монументальных художественных творений, по-новому откроют для себя Енисейскую Сибирь.

Список литературы:

1. Дроздов Н.И., Гревцов Ю.А., Заика А.Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре (краткий очерк) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 77-85.

2. *Заика А.Л., Капелько В.Ф.* Писаницы Ленковой горы // Проблемы скифо-сибирского мира. – Кемерово: Изд-во Кем ГУ, ч. 2, 1989. – С. 92-95.

3. *Заика А.Л., Емельянов И.Н.* Писаницы Нижней Ангары // Археология, палеоэкология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1996. Ч.2. – С. 25-29.

4. *Заика А.Л., Аннинский Е.С., Тимощенко В.А., Невин Л.Н.* Петроглифы горы Бычиха // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока (тезисы РАЭСК). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. – С. 62-63.

5. *Заика А.Л.* Результаты исследования культовых памятников Нижней Ангары // Молодая археология и этнология Сибири. XXIX РАЭСК, ч.2. – Чита, 1999. – С. 11-16.

6. *Заика А.Л.* Шалаболинская писаница (общая характеристика, современное состояние, перспективы музеефикации памятника) // Музей и археологические наследие России. – СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С. 44–53.

7. *Заика А.Л.* Неолитическое погребение в устье р. Каменки на Нижней Ангаре. // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – Вып. 7. – С. 60-72.

8. *Заика А.Л.* Сердцевидные личины в петроглифах Южной Сибири // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2013. – № 1(5). – С. 35-51.

9. *Заика А.Л., Оводов Н.Д., Орлова Л.А.* Следы медвежьего культа на Нижней Ангаре в эпоху раннего железа – средневековья (фрагментарный обзор проблемы) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сборник научных статей. – Красноярск: Красноярский краеведческий музей, 2013. – С. 107 – 129.

10. *Миклашевич Е.А.* Выявление изображений на изучаемых памятниках наскального искусства. Неизвестные петроглифы Суханихи // Археология Южной Сибири. У 80-летию Я.А. Шера. Вып. 25. – Кемерово: РИО КемГУ, 2011. – С. 91-106.

11. Наскальное искусство Среднего Енисея / Аннинский Е.С., Заика А.Л., Ампилогов Б.А. Баранов М.В., Злотя Ю.В., Коган К.А., Пургин В.А. – Железногорск: Изд-во «Платина». – 2007. – 224 с.

12. *Чадамбаа Л.Д.* Современное состояние памятника наскального искусства Малый Баян-Кол (Республика Тува). 2009. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_3/471-chadamba.html Дата посещения: 30.07.2020 21:30.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Арсеньева Дарья Сергеевна,
студентка Исторического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева,
г. Красноярск, Россия.
E-mail: dashaarsen@gmail.com

Заика Александр Леонидович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории,
заведующий музеем археологии и этнографии
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева»,
г. Красноярск, Россия
E-mail: zaika_al@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arseneva Daria Sergeevna,
student of the Faculty of History of the
KSPU named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia.
E-mail: dashaarsen@gmail.com

Zaika Alexander Leonidovich,
Candidate of Historical Sciences,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P. Astafiev»,
Associate Professor of the Department of National History,
Head of the Museum of Archeology and Ethnography.
Krasnoyarsk Territory, Russia.
E-mail: zaika_al@mail.ru

УДК 902/904

ПИСАНИЦА В ОКРЕСТНОСТЯХ Д. ИЛЬИНКА (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

С.П. Журавков, А.Л. Заика

Аннотация. В статье представлена информация о рисунках мало известного объекта наскального искусства Ильинка 1. На основании результатов исследования петроглифы охватывают сравнительно широкий временной интервал в 2 тыс. лет от эпохи раннего железного века до этнографической современности.

Ключевые слова. Наскальное искусство, петроглифы, ранний железный век, средневековье, этнографическая современность

S.P. Zhuravkov, A.L. Zaika

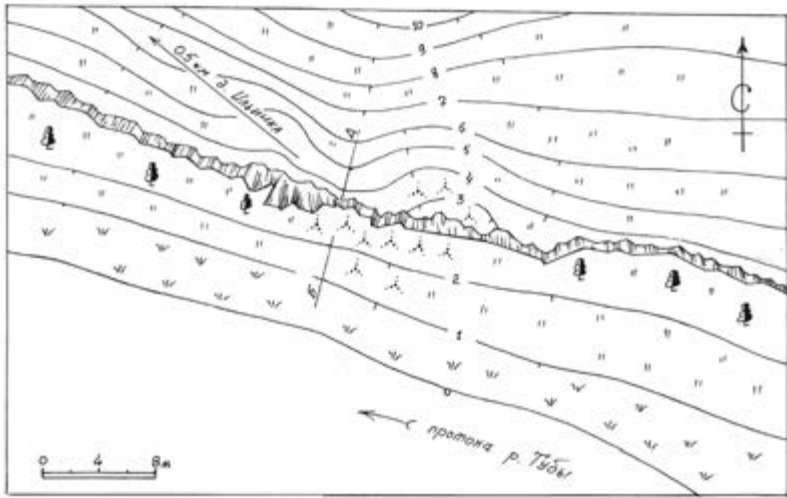
PETROGLYPHS IN THE VICINITY OF D. ILYINKA (GENERAL CHARACTERISTICS)

Annotation. The article provides information about the risugki of the little-known rock art object of Ilyinka 1. Based on the results of the study, the petroglyphs cover a relatively wide time interval of 2 thousand years from the early Iron Age to ethnographic modernity.

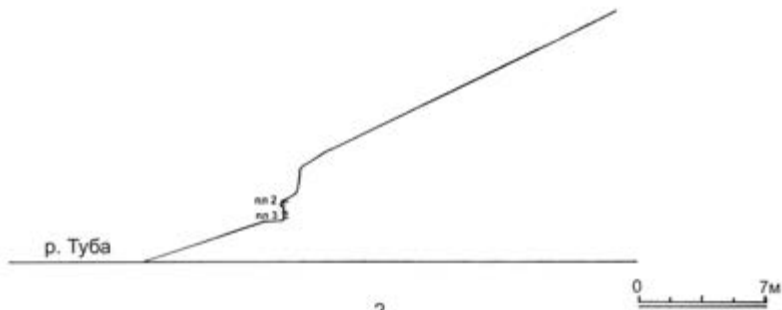
Keywords. Rock art, petroglyphs, the early Iron Age, the Middle Ages, ethnographic modernity

Введение

Летом 2004 года отрядом по паспортизации памятников археологии Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева (далее КГПУ) были проведены исследовательские работы на территории Курагинского района Красноярского края. Работы явились продолжением исследований памятников наскального искусства на территории нижнего течения р. Тубы. Целью отряда являлся поиск петроглифов и со-

1

2

Рис. 2. Писаница Ильинка 1. Пункт 5.

1 – Топографический план местности и линия разреза. Глазомерную съёмку выполнил Журавков С.П. 09. 2004 г.

2 – Вертикальный разрез через плоскости 2, 3 по линии А-Б.

пряжённых с ними других археологических объектов с целью постановки их на государственную охрану. Спектр работ охватил локальную территорию бассейна Тубы в районе д. Ильинка.

В 2004 г. аспирантом КГПУ С.П. Журавковым было проведён поиск петроглифов в окрестностях д. Ильинка Курагинского района, в результате которого была обнаружена ранее неизвестная писаница Ильинка 1 [Журавков, 2005]. На памятнике были проведены следующие работы: топосъёмка, фотофиксация ме-

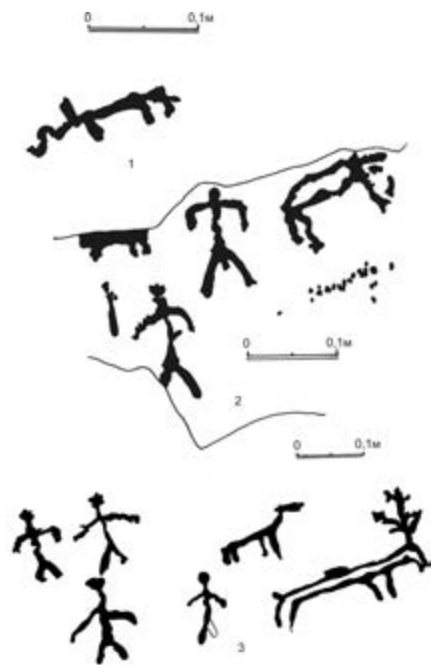

Рис. 5 Писаница Ильинка 1. Участок 5. Копии петроглифов.
1 – плоскость 1; 2 – плоскость 2; 3 – плоскость 3.

стонахождения, выявление и копирование наскальных изображений (рис. 2). На трёх плоскостях в восточном секторе памятника были зафиксированы рельефные фигуры, выполненные путём выбивки. Были выявлены фигуры животных и людей, сюжеты охотничьего характера (рис. 5). Петроглифы были датированы эпохой средневековья [Заика, Дорохина, Журавков, 2015].

После большого перерыва в июле 2020 г. было проведено повторное обследование писаницы с целью уточнения данных об объекте, мониторинга современного состояния петроглифов. Во время обследования скального массива было обнаружены ещё шесть плоскостей с рисунками, в связи с чем, была проведена реиндексация плоскостей с петроглифами.

Общая характеристика объекта

Окружающая местность представляет собой всхолмленную равнину (абсолютные отметки высот 300-600 м) правобережья р.Тубы с лесостепным ландшафтом. Северные склоны холмов заняты берёзово-осиновыми лесами и ленточными сосновыми борами, открытые места заняты пашнями и пастбищами. Берега реки и её широкая пойма часто ограничены скалистыми утёсами.

Писаница Ильинка расположены на правом берегу р.Тубы (правый приток р.Енисей) на береговом скальном массиве, сложенным девонскими песчаниками, который имеет протяжённость в восточном направлении около 0,5 км. Береговые утёсы

начинаются в 0,1 км к ЮВ от д. Ильинки (в 0,5 км к ЮЮВ от здания сельского клуба) и заканчиваются выше по течению р.Тубы в устье р.Шушь, что в 5 км к ЮЗ от с. Шалаболино (рис. 1). Общая протяжённость памятника составляет в широтном направлении порядка 400 метров. Площадки с петроглифами и их скопления расположены разрозненно в пяти пунктах, на различных высотах от уреза воды в протоке р. Тубы. В новом прочтении индексация пунктов с петроглифами ведётся с запада на восток, нумерация площадок в каждом пункте автономная. Соответственно, первые, обнаруженные в 2003 г. площадки с наскальными рисунками, при данном порядке индексации завершают нумерацию петроглифов.

Описание петроглифов

Пункт 1 находится на крайнем западном участке писаницы. Выявлена одна площадка размерами 0,6 x 0,3 м под небольшим скальным навесом. Площадка расположена на высоте 1,7 м от подножия и в 3 м от июльского уреза воды, под небольшим положительным углом наклона (+ 20°) обращена на ЗЮЗ (аз. 160°). В левой части площадки под углом друг к другу нанесён ряд

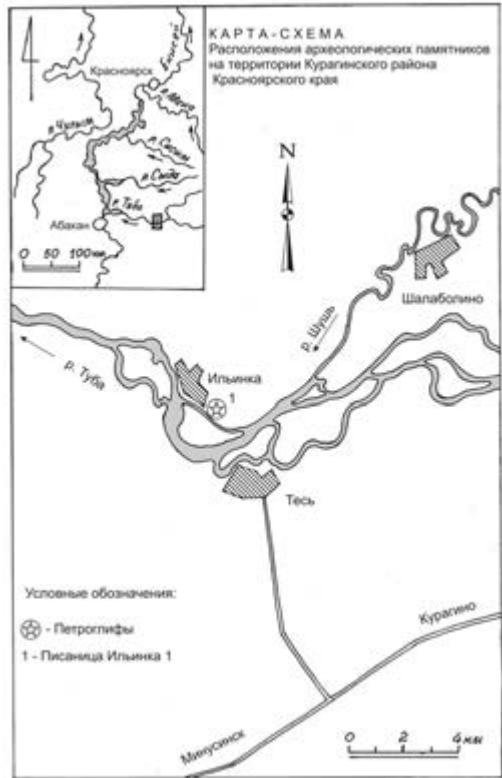

Рис. 1 Писаница Ильинка 1. Карта-схема расположения памятника.

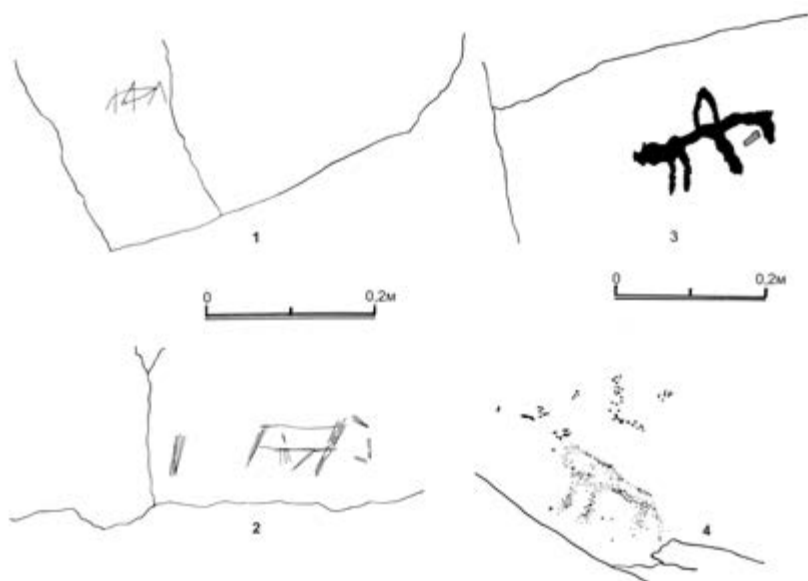

Рис. 3. Писаница Ильинка 1. Копии петроглифов.

гравированных линий, сочетание которых в центральной части напоминает эскиз пятиконечной звезды (рис. 3, 1).

Пункт 2 находится в 60 м к ЮВ (аз. 137°) от пункта 1. Обнаружена одна плоскость размерами 0,2 x 0,5 м в правой нижней части широкого скального фриза на высоте 0,15 м от верхнего края осыпи и в 6 м от июльского уреза воды. Под положительным углом наклона (+ 22°) она обращена юг (аз. 95°). Плоскость оконтурена горизонтальными и вертикальными трещинами. На поверхности камня выявлены горизонтальные и вертикально-наклонные резные линии, которые формируют контурное изображение животного, ориентированного в правую сторону (рис. 3, 2). У него подпрямоугольное туловище, диагональными штрихами оформлены конечности, передняя и задняя части туловища, а также короткая шея. Голова узкая, подтреугольной формы, обозначена тройным пучком линий. Имеются также другие росчерки, примыкающие к фигуре животного или нанесённые рядом с ним, которые трудно идентифицировать.

Пункт 3 находится в 200 м к ЮВ (аз. 124°) от пункта 2. Обна-

ружена в 2020 г. одна плоскость размерами 1 x 1 м в 6 м от июльского уреза воды на широком скальном фризе. Под положительным углом наклона (+ 20°) она обращена ЮЮЗ (аз. 108°). На высоте 0,5 м от верхнего края осыпи зафиксирована линейная зооморфная фигура, выполненная в технике выбивки (рис. 3, 3). Животное показано предельно схематично и не ясно, где у него передняя или задняя часть туловища. Туловище животного имеет вид горизонтальной линии с опущенным вниз правым концом (голова, хвост?). В правой части снизу к ней примыкает пара прямых чуть изогнутых линий ног, в центре – более широкая одинарная линия конечностей. В центральной части туловища животного показан вертикальный дугообразный выступ (наездник, поклажа?). В непосредственной близости с петроглифов на скальном фризе находятся выполненные более свежей выбивкой головные профили «моряков» в бескозырках, рисунки якорей, автографы посетителей.

Пункт 4 расположен в 15 м к ВЮВ (аз. 116°) от пункта 3. В 2020 г. на одном скальном фризе выявлены сопряжённые между собой и разделённые трещинами три плоскости с петроглифами. Расположены они над скальной осыпью на высоте от 1 м до 1,5 м от её верхней кромки, высоте около 7 м от июльского уреза воды.

Плоскость № 1 размерами 0,3 x 0,5 м находится на высоте 1 м от верхнего края осыпи, под небольшим положительным углом наклона (+ 20°) обращена на юг (аз. 98°). На плоскости контурно мелкими разряженными насечками изображено в диагональном положении копытное животное, ориентированное в левую сторону (рис. 3, 4). У него показаны две передние ноги, вертикальная линия задних конечностей, опущенный хвост. Туловище узкое, длинное, с характерным выступом холки, головная часть плохо обозначена. Над фигурой животного выявлены локальные скопления более глубокой и крупной хаотичной выбивки.

Плоскость № 2 размерами 0,9 x 0,5 м расположена в 0,5 м к востоку от плоскости № 1 на соседнем скальном фризе на высоте 1 м от верхнего края осыпи, под небольшим положительным

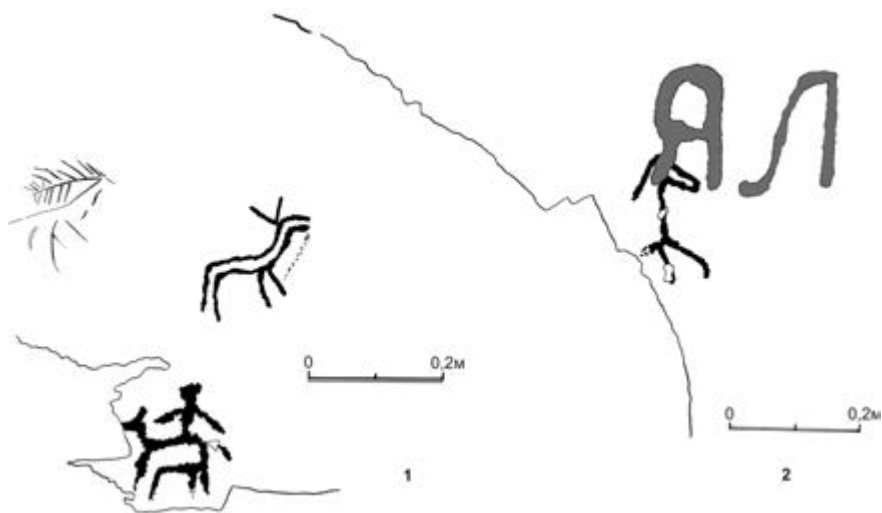

Рис. 4. Писаница Ильинка 1. Участок 4. Копии петроглифов.
1 – плоскость 2; 2 – плоскость 3.

углом наклона (+ 7°) обращена на ЮЮЗ (аз. 100°). В центре плоскости в технике выбивки изображено копытное животное с незамкнутым контуром, ориентированное в правую сторону (рис. 4, 1). Двумя изогнутыми параллельными линиями у него показано туловище, шея, голова и пара вертикальных задних ног. Передние конечности немного вынесены вперёд. К голове сверху примыкает развилка прямых ушей/рогов. Голову и передние ноги соединяет прерывистая линия выбивки (путы, повод?).

В левой части плоскости резными линиями показана передняя часть другого животного (олень?), обращённого в правую сторону. Обозначены спина и шея животного, расставленные в сторону передние ноги. Голова едва намечена, к ней примыкает, откинутый горизонтально назад древовидный ветвистый рог.

В нижнем левом краю плоскости крупной выбивкой нанесено изображение всадника на лошади, ориентированное в левую сторону. Туловище животного имеет вид незамкнутого впереди прямоугольного контура. Передние конечности немного вынесены вперёд, задние, более короткие, опущены вертикально

вниз. Линия шеи поднята вверх, заканчивается горизонтальной кроткой чертой головы с вертикальным отростком (ухо). Хвост по дуге опущен вниз. В районе крупа лошади помещена поясная линейная фигура всадника с широко раскинутыми в стороны руками. На голове у него показан короткой широкой линией головной убор.

Плоскость № 3 размерами 0,5 x 0,5 м, смежная с плоскостью № 2, расположена правее, за границей диагональной трещины, на высоте 1 м от верхнего края осыпи, под небольшим положительным углом наклона (+ 7°) обращена на ЮЮЗ (аз. 100°). На высоте 1,5 м от верхнего края осыпи на границе с трещиной выявлена передняя часть контура копытного животного (лошадь?), выполненная в технике выбивки (рис. 4, 2). Рисунок довольно реалистичный, показаны голова, шея, передняя часть туловища, вынесенные вперед ноги. Перекрывает верхнюю часть фигуры современная надпись «ЯЛ», выполненная более грубой свежей выбивкой.

Плоскости пункта 5 расположены довольно компактной группой в 128 м к ВЮВ от петроглифов в пункте 4 на восточной окраине писаницы, находятся на высоте около 3 м от уреза воды.

Плоскость № 1 размерами 1 x 0,6 м находится на высоте 3 м от весеннего уреза воды, обращена на юго-восток (рис. 2). На плоскости в линейной манере изображено, по всей видимости, копытное животное, ориентированное в левую сторону, выполненное в технике выбивки. У него показаны две задние ноги, короткий хвост, туловище, передняя нога, длинное ухо (рог?), головная часть заканчивается изогнутой линией напоминающая хобот, сама голова чётко не обозначена (рис. 5, 1). Т.е., надо полагать, представлено какое-то мифическое животное.

Плоскость № 2 размерами 0,9 x 0,3 м находится на высоте 3,2 м от весеннего уреза воды, обращена на юго-восток (рис. 2). На плоскости в технике выбивки выполнены изображения людей и копытных животных (рис. 5, 2). В левой верхней части плоскости находится фигура копытного животного, верхняя часть которой не сохранилась вследствие разрушения скальной породы.

Под ним выбита вертикальная линия. Правее и ниже животного расположена антропоморфная фигура, руки у человека согнуты в локтях и опущены вертикально вниз, часть правой ноги не сохранилась вследствие разрушения скальной поверхности. Правее и выше выбита подобная фигура с явно выраженным признаком мужского пола. Правее контурно выбито изображение копытного животного, обращённого в правую сторону. Часть его головной части не сохранилась вследствие разрушения скальной породы. Туловище имеет вытянутый овальный контур, ноги вертикально опущены вниз. Ниже мелкой выбивкой выполнено непонятное изображение.

Плоскость № 3 находится на высоте 2,8 м. от весеннего уреза воды, ниже плоскости № 2, обращена на юго-восток (рис. 2). На скальной поверхности размером 0,8 x 0,65 м. выбиты антропоморфные изображения и копытные животные (рис. 5, 3). В правом верхнем углу расположены две антропоморфные фигуры: руки согнуты в локтях и опущены вертикально вниз, ноги широко расставлены в стороны. Ниже находится изображение антропоморфа в такой же позе, руки обозначены точечной выбивкой. Правее неглубокой выбивкой показана фигура человека в той же позе, изображение ног плохо читается вследствие эрозии скальной поверхности. Правее выбито схематическое изображение лошади: показано четыре ноги, туловище, шея и голова. Правее и ниже контурно выбито изображение оленя с вертикальным древовидным рогом. Ноги показаны линиями, идущими вертикально вниз. Туловище узкое, длинное, показано вместе с шейей двумя параллельными горизонтальными линиями, которые не смыкаясь заканчиваются парой задних конечностей.

Вопросы датировки петроглифов

Писаница Ильинка 1 находится на периферии Шалаболинского петроглифического комплекса и поэтому не отличается многочисленностью наскальных рисунков, которые расположены мелкими вкраплениями на всей площади скальных обнажений. Сами скальные выходы также не отличаются наличием удобных

плоскостей, качеством пород, которые активно осыпаются. По всей видимости, определённой популярностью среди наших далеких предшественников данное местонахождение стало пользоваться сравнительно не так давно.

Наиболее архаичным выглядит изображение лошади на плоскости № 3 пункта 4. Композиционное положение (на грани трещины), целенаправленное половинчатое отражение образа, его стиль и иконография находят прямые аналогии с рисунком оленя на плоскости 76 участка 4 Шалаболинской писаницы [Заика, 2005], единственное отличие – наличие глаза и рога у шалаболинского животного. Датируется оно тагаро-таштыкским временем. К более позднему времени – эпохе средневековья относятся рисунки на соседней более свежей плоскости, т.к. они разделены скальным уступом по краю трещины, образовавшимся вследствие осыпания скальных пород. Более того, поза положение всадника на крупе лошади находит аналогии со средневековыми рисунками на писанице Ленковой горы [Заика, Капелько, 1989]. Схематичная манера изображения животных также говорит в пользу их средневековой датировки, как и традиция незамкнутого контура, характерная для средневековых петроглифов, например, Шалаболинской писаницы [Заика, 2007: рис. 17, 1], писаницы Учум [Трофимов и др., 2018]. По последним причинам к этому же времени следует отнести петроглифы в пункте 5.

Выявленные наскальные рисунки в пункте 3 по степени патинизации слабо контрастируют с выбитыми изображениями Нового времени (человеческие профили «моряков» в бескозырках, рисунки якорей, ряд посетительских надписей), соответственно, имеют сравнительно позднюю датировку и могут соотноситься с эпохой позднего средневековья или этнографической современности. Рисунок на плоскости № 1 пункта 4, наоборот, покрыт плотным скальным загаром и поэтому предварительно может быть датирован эпохой раннего средневековья.

Гравированное изображение животного в пункте 2 пока трудно соотносить с какой-либо датированной изобразительной тради-

цией, но его предельно схематичная иконография и периферийное расположение на скальном фризе позволяют предположить его сравнительно молодой возраст и предварительно соотнести с периодом этнографической современности.

Ряд гравированных линий в пункте 1, среди которых угадывается контур пятиконечной звезды можно более уверенно отнести к народным рисункам хакасов, т.к. подобный знак был очень популярен в наскальном и художественно-прикладном искусстве народов Саяно-Алтая в XIX- нач. XX вв. [Кызласов, Леонтьев, 1980: 52]

Таким образом, учитывая технику и манеру исполнения рисунков, основную часть известных петроглифов писаницы Ильинка 1 можно отнести к эпохе средневековья. Наиболее раннее изображение лошади соответствует переходному тагаро-таштыкскому времени и датируется эпохой раннего железного века, наиболее поздние петроглифы – этнографической современностью. Соответственно, писаница Ильинка 1 охватывает сравнительно широкий временной интервал в 2 тыс. лет.

Данная работа не претендует на законченность, носит предварительный характер. Как правило, каждый полевой сезон приносит новые открытия на известных памятниках. Поэтому, не исключено, что дальнейшие исследования писаницы пополнят корпус источников по петроглифам, позволят более точно определить культурно-хронологическую принадлежность рисунков, дать им соответствующую интерпретацию.

Литература

1. Журавков С.П. Отчёт об археологических исследованиях на территории Курагинского района Красноярского края // Архив ИА РАН, Р – I, 2005.

2. Заика А.Л. Отчёт об археологических исследованиях Шалаболинской писаницы на территории Курагинского района Красноярского края в 2004 г. // Архив ИА РАН, Р – I, 2005.

3. Заика А.Л., Капелько В.Ф. Писаницы Ленковой горы (в соавт. с Капелько В.Ф.) // Проблемы скифо-сибирского мира. – Кемерово: Изд-во Кем ГУ, ч. 2, 1989. – С. 92-95.

4. *Заика А.Л.* Петроглифы из-под руин. Шалаболинская писаница // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 3; КГПУ. – Красноярск, 2007. – С. 24-38.

5. *Заика А.Л., Дорохина А.А., Журавков С.П.* Памятники наскального искусства на территории проектируемого музея-заповедника «Шалаболинская писаница» // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. / отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. Ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 162-173.

6. *Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В.* Народные рисунки хакасов. – М.: Изд-во «Наука». Глав. ред. восточ. лит-ры, 1980 –180 с.

7. *Трофимов А.А., Заика А.Л., Вдовин А.С.* Писаница Учум // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. / отв. ред. П.В. Мандрыка. – Вып. IX. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. – С. 137-147.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Журавков Сергей Петрович, учитель истории
Казанцевской средней общеобразовательной
школы им. Героя Советского Союза А.А. Семирадского,
Красноярский край, Россия.
E-mail: zhura1980@yandex.ru

Заика Александр Леонидович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории,
заведующий музеем археологии и этнографии
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева»,
г. Красноярск, Россия
E-mail: zaika_al@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhuravkov Sergey Petrovich, history teacher,
municipal autonomous educational institution
«Kazantsevskaya secondary school named
after Hero of the Soviet Union A. Semiradskiy»,
Krasnoyarsk Territory, Russia.

E-mail: zhura1980@yandex.ru

Zaika Alexander Leonidovich,

Candidate of Historical Sciences,

Federal State Budgetary Educational Institution

of Higher Education «Krasnoyarsk State Pedagogical

University named after V.P. Astafiev»,

Associate Professor of the Department of National History,

Head of the Museum of Archeology and Ethnography.

Krasnoyarsk Territory, Russia.

E-mail: zaika_al@mail.ru

УДК 902/904

ЛАКОНИЧНАЯ КОМПОЗИЦИЯ НА КУРГАННОМ КАМНЕ (МОГИЛЬНИК СЕЛИВАНИХА В ОКРЕСТНОСТЯХ Г. МИНУСИНСКА)

А.Л. Заика, В.П. Ганусова

Аннотация. Лаконичный сюжет «человек и солнце» на курганном камне могильника Селиваниха датируется эпохой поздней бронзы-началом раннего железного века и иллюстрирует очередной этап развития солярных культов на территории Енисейской Сибири.

Ключевые слова. Петроглифы, эпоха бронзы, ранний железный век, солярная символика.

COMPOSITION ON THE GRAVE STONE (SELIVANIKHA BURIAL GROUND IN THE VICINITY OF MINUSINSK)

A.L. Zaika, V.P. Ganusova

Annotation. The plot «man and the sun» on the mound of the Selivanyh burial ground dates back to the Late Bronze Age – the beginning of the Early Iron Age and illustrates a certain stage in the development of solar cults on the territory of Yenisei Siberia.

Keywords. Petroglyphs, Bronze Age, Early Iron Age, solar symbolism.

Введение

Определение датировки и интерпретация наскальных изображений – одна из важных и актуальных проблем в современной археологической науке. Немаловажное значение в решении данных вопросов имеют петроглифы, обнаруженные в время раскопок в закрытых комплексах. Данные находки позволяют, привлекая сопутствующие датирующие свидетельства, определить,

как минимум, верхнюю хронологическую границу исполнения изображений на камне. Выявив сюжетные, стилистические и иконографические аналогии в наскальных изображениях – решить вопросы их культурно-хронологической принадлежности. Все это даёт основания для более объективной интерпретации петроглифов.

Интересная лаконичная композиция была обнаружена экспедицией ЛАПСС КФ ИИФФ СО АН СССР в 1990 году во время раскопок курганного могильника Селиваниха в окрестностях г. Минусинска (юг Красноярского края). По свидетельству автора раскопок Юрия Анатольевича Гревцова – рисунки были выявлены на вертикальной плите северо-восточного угла могильной ограды кургана тагарской культуры и обращены были внутрь ограды. В настоящее время плита с изображениями находится в экспозиции Музея археологии и этнографии КГПУ им. В.П. Астафьева (МАС ВХ №2-ПЗ, №15).

Характеристика петроглифов

Плита представляет собой обломок камня девонского песчаника в форме почти равнобедренного треугольника со сторонами 42 см, 45 см. Основание его составляет 60 см. Толщина камня варьируется от 3 до 5 см (рис. 1, 1).

Рисунки расположены в левой верхней части камня вдоль его основания и в сюжетном плане представляют лаконичную композицию из трёх фигур, выполненных в технике выбивки (рис. 1, 2).

Центральную часть занимает линейная фронтальная фигура человека. Антропоморфное изображение выполнено вертикально поставленным инструментом с коническим рабочим краем, диаметр которого составляет 0,6 см. Глубина выбоин – в пределах 3 мм.

Справа от него показан солярный знак в виде окружности с ямкой в центре. К верхней части его контура примыкают четыре линии «лучей» (крайний левый «луч» повреждён округлой выбоиной, происхождение которой пока не ясно). От нижней части

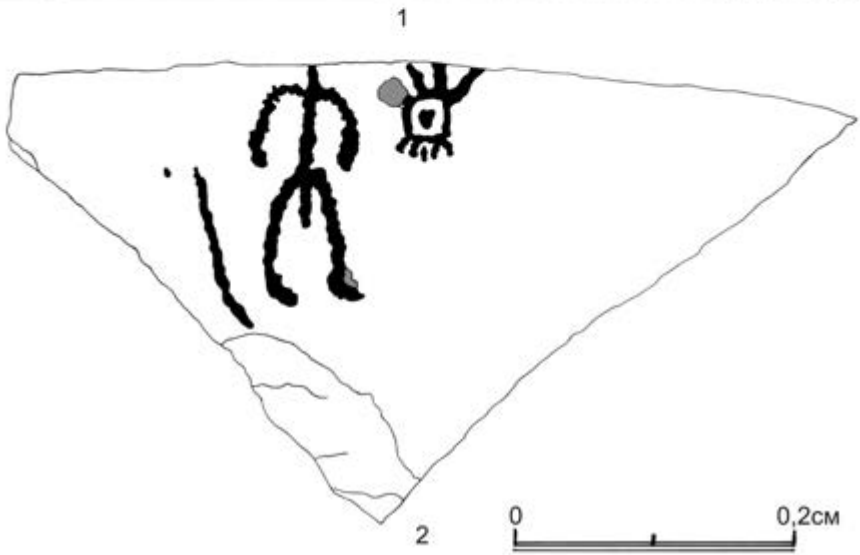
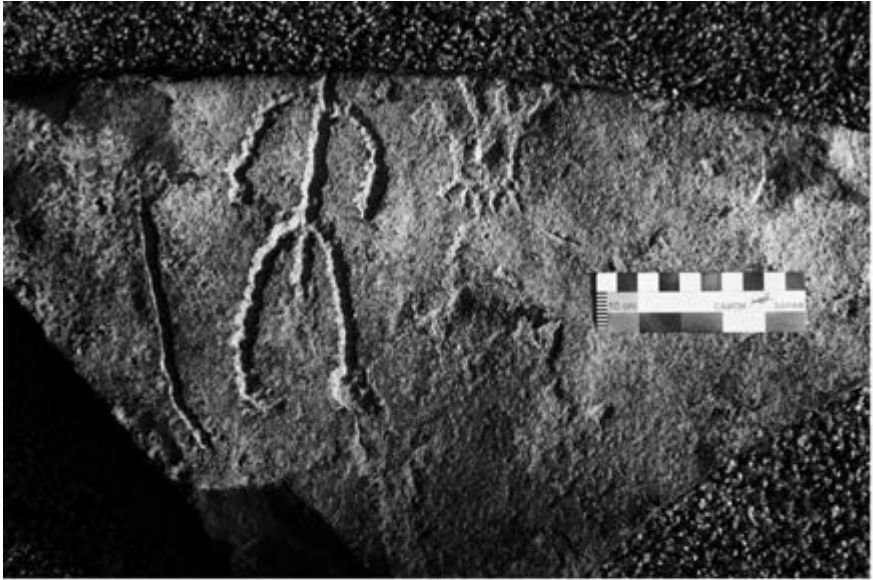

Рис. 1. Петроглифы на плите ограды кургана на могильнике Селиваниха. 1 – фото плиты; 2 – прорисовка изображений.

контура солярного знака отходят вниз пять коротких линий «лучей». Изображение выполнено, так же (тем же ?) инструментом с коническим рабочим краем. Но удары менее глубокие и следы их меньших размеров (диаметр 0,4 см). Иногда фиксируется наклонное положение керна.

Слева от фигуры человека нанесена вертикальная чуть изогнутая линия, которая довольно хорошо и чётко выделена и менее патинизирована, чем соседние изображения. Выполнена она орудием с коническим рабочим краем, диаметр которого составляет 0,5 см. Удары плотные и глубокие. Справа от линейного знака тройным ударом изображена ямка, которая, вероятно, была выбита тем же орудием, что и линия, так как они схожи диаметрами ударов и характером рабочего края.

Вопросы датировки петроглифов

Прежде чем определить культурно-хронологическую принадлежность рисунков, необходимо выяснить их относительную хронологию. Судя по патине, характеру выбивки изображения человека и солнца выполнены в одно время и должны восприниматься как единая композиция. Линия и соседняя ямка, судя по степени скального загара, выполнены позже (выбивка более плотная и выглядит свежее).

Учитывая обстоятельства находки, рисунки были нанесены во время сооружения кургана или раньше, т.к. плита использовалась как строительный материал. В пользу последнего утверждения указывает фрагментарность основной композиции (рисунки нанесены вдоль края плиты, у антропоморфной фигуры голова уничтожена в результате разлома камня). Соответственно, изображения человека и солнца когда-то составляли более полный сюжет и были нанесены на камень до сооружения кургана, причем успели долгое время побывать на солнце, покрывшись довольно плотным скальным загаром.

Что касается соседней линии с ямкой, то композиционно они расположены по центральной линии камня. Т.е. надо полагать, что данные петроглифы были нанесены дополнительно к сохра-

нившейся композиции уже на обломок камня, когда он предназначался для формирования могильной ограды. Учитывая то, что края выбивки покрыты скальным загаром только по верхней кромке, нетрудно прийти к выводу, что петроглифы испытали воздействие солнца сравнительно непродолжительное время. Т.е. до той поры, пока оплывший грунт курганной насыпи не перекроет их. Соответственно, данные дополнения к основной композиции появились непосредственно перед сооружением могильной ограды и датируются тагарской культурой. Более точно верхней датой можно считать время совершения первого захоронения внутри могильной ограды (ограда, как правило сооружалась до захоронения или во время него, о чём свидетельствует наличие входа в восточной стенке ограды у многих тагарских курганов). К сожалению, мы не располагаем информацией о времени создания погребений за отсутствием радиоуглеродных дат.

Основная композиция (человек и солнце), видимо, была нанесена не на вертикальную скальную плоскость, а на горизонтальную плиту останцовых выходов девонского песчаника (судя по слоистости осадочных пород). По известным данным данная традиция была распространена в карасукской культуре эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины [Пяткин, 1985; Миклашевич и др., 2015, 2016, 2017; Мухарева, 2014а, 2014б, 2018]. Часто подобные плиты выламывались и использовались полностью или в виде фрагментов при сооружении погребальных комплексов более поздних культур [Пяткин, 1977; Савинов 1995; Ковалева, 2011]. Более того, в другом тагарском кургане могильника Селиваниха найдена широкая плита могильного перекрытия с явно карасукскими петроглифами. На ней представлена многофигурная круговая композиция с несколько хаотично расположенными фигурами копытных животных, выполненными в линейном стиле. В настоящее время плита с петроглифами находится в экспозиции Археологического музея им. Е.С. Аннинского в пос. Подгорный – филиале МВЦ г. Железногорска.

Таким образом, искомые петроглифы могут быть датированы эпохой поздней бронзы (карасукская культура) или ранним периодом развития тагарской культуры (ранний железный век), и охватывать сравнительно небольшой интервал времени (11-5 вв. до н.э.).

Обсуждение результатов

Солярная символика появляется в художественной культуре человечества в период освоения им цветных металлов, тогда же зарождаются мифы, связанные с солнцем [Топоров, 1994]. В наскальном творчестве Северной Азии этот процесс проявляется на примере солнцеголовых персонажей, которые ярко представлены, например, в петроглифах окуневской культуры на территории Хакасско-Минусинской котловины в период ранней бронзы [Дэвлет, 1997] (рис. 2, 1-4). В данных образах исследователи видят солнечных божеств, исполнителей ритуалов, посвящённых солнцу, шаманов [Леонтьев, 1978; Вадецкая и др., 1980: 62-63; Леонтьев и др., 2006: 50-51; Кубарев, 2009: 57-59; Есин, 2010:107-112; Швец, 2016 и др.]. Примечательно, что среди наскальных рисунков окуневского типа, зафиксирована в петроглифах в устье р. Тубы антропоморфная личина, у которой глаза и рот оформлены округлыми контурами с радиальными лучами (рис. 2, 5). Т.е. иконография органов чувств у данного образа соответствует изображению солярного знака в обсуждаемой композиции из могильника Селиваниха. Ю.Н. Есин соотносит усть-тубинскую личину с афанасьевской культурой эпохи энеолита [Есин, 2010: 69]. Но, надо полагать, данный образ маркирует не начальную стадию развития, а наоборот, вырождение «солнцеголовой» традиции в окуневском искусстве. Т.к. по основным параметрам (рот, два глаза и черта между ними) он соответствует поздним «простым» неоконтуренным личинам окуневского круга, которые должны соответствовать эпохе развитой бронзы. В любом случае мы здесь встречаемся с наиболее ранними солнцеподобными изображениями в виде окружности с радиально расходящимися лучами и с ямкой в центре. Большой

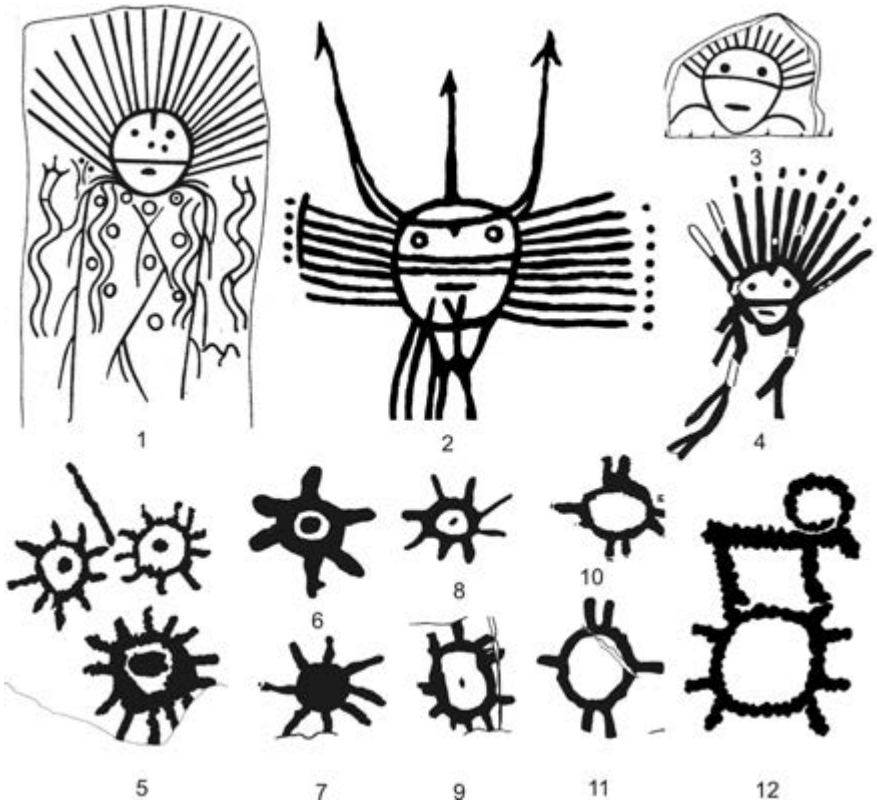

Рис. 2. Соляная символика в петроглифах Енисейской Сибири.

1 – Онхаков улус; 2 – Шалаболинская писаница; 3 – Белый Июс; 4 – Кантегир; 5 – Усть-Туба II; 7-11 – Нижняя Ангара; 12 – Райков улус (1, 3 – по: [Вадецкая и др., 1980]; 4 – по: [Леонтьев и др., 2006]; 2, 5-11 – по А.Л. Заике; 12 – по: [Липский, 1948]).

частью они зафиксированы в более поздние периоды (ранний железный век-средневековье) в наскальных рисунках Ангары [Силин, Заика, 2005], на курганных камнях Хакасии [Липский, 1948: 24-25] (рис. 2, 7-12).

Что касается композиционного решения в петроглифах на плите из селиваниховского могильника, то необходимо отметить, что сюжетное сочетание отдельно расположенных изобра-

Рис. 3. Наскальные рисунки в бассейне р. Маны.

1 – писаница Верх-Базаиха; 2 – Писанское плесо; 3, 4 – писаница Шкапчик.

жений человека и солнца не характерно для петроглифического искусства эпохи бронзы, не популярно оно было и в последующую эпоху раннего железа Хакасско-Минусинской котловины. Наиболее близкие территориальные и хронологические аналогии хорошо представлены среди крашенных рисунков в бассейне р. Маны на писанице Шкапчик [Заика, 1994, 2006]. В пункте 2 писаницы сконцентрированы плоскости, где доминирует искомый сюжет. Здесь с удивительной точностью отражена обсуждаемая композиция, за исключением внутреннего оформления солярного знака, которое в одном случае отсутствует, а в других – представляет собой крестовидную фигуру (рис. 3, 4). Данные рисунки датируются эпохой средневековья [Заика, Кузнецов, 2008: 59]. Примечательно, что в пункте 1 данного памятника и

на других писаницах в бассейне Маны присутствует другое сочетание антропоморфа и солярного знака: человеческая фигура, вписанная в солнечный круг (рис. 3, 1-3). Датируются рисунки эпохой позднего средневековья – началом Нового времени (XIV-XVII вв.). По всей видимости, мы наблюдаем трансформацию сюжета «человек и солнце» в более лаконичную композицию «человек в солнце». Вопрос о том, повлияло ли изменение форм выражения на смысл композиций, а если повлияло, то в какой степени – тема, требующая отдельного исследования.

Заключение

Сочетание солярной символики и антропоморфных образов появляется в петроглифах Хакасско-Минусинской котловины в эпоху ранней бронзы. Самостоятельные изображения солнечного диска с расходящимися радиально лучами начинают проследиваться в наскальном искусстве эпохи раннего железного века. Дифференцированное сочетание антропоморфа и солярного знака, что зафиксировано в петроглифах на переиспользованной плите в ограде тагарского могильника и которые следует датировать эпохой поздней бронзы-началом раннего железного века не характерно для искусства данных эпох. Сюжет «человек и солнце» чаще начинает встречаться в наскальном искусстве средневековья и получает своё развитие в последующий период. Т.е. мы можем констатировать развитие данного сюжета по времени, распространение его в таёжную зону Саянского пояса Минусинской котловины. В данном случае, не исключено, что рассматривая данную тематику, мы наблюдаем поступательное развитие солярных культов от эпохи ранней бронзы до средневековья и этнографической современности на примере петроглифов Енисейской Сибири в следующем сюжетном порядке: «солнцеголовый антропоморф» – солярный знак – «человек и солнце» – «человек в солнце».

Поднятые вопросы подчёркивают актуальность исследования представленных петроглифов, что требует дальнейшего изучения не только их, но и данного сюжета по различным интер-

претационным направлениям, привлекая более широкий круг источников по древнему и традиционному искусству народов Сибири и сопредельных территорий.

Список литературы:

1. Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – 147 с.

2. Дэвлет М.А. О солярных знаках, «солнцеголовых» в наскальном искусстве Сибири // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. Вып. 2. – С. 11-17.

3. Есин Ю.Н. Тайна богов древней степи. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2010. – 184 с.

4. Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53-73.

5. Заика А.Л. Культурные изображения в наскальном искусстве р. Маны // Этносы Сибири. История и современность. – Красноярск, 1994. – С. 79-81.

6. Заика А.Л. О методике зимних исследований петроглифов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 24-28.

7. Заика А.Л., Кузнецов А.Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов: метод. пособие. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – 76 с.

8. Ковалева О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2011. – 160 с.

9. Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 264 с.

10. Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики). // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1978. – С. 88 – 118.

11. Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2006. – 235 с.

12. *Липский А.Н.* Археологические раскопки 1948 г. в Хакасии (Отчёт) // Архив ИА РАН, Р – I, № 762. – 55 л.

13. *Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н., Бове Л.Л.* Исследования петроглифической экспедиции Музея-заповедника «Томская писаница» в 2012-2014 гг. // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». – Вып. 1. – Кемерово, 2015. – С. 29-52.

14. *Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н., Бове Л.Л.* Исследования петроглифической экспедиции Музея-заповедника «Томская писаница» в 2015 г. // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». – Вып. 3. – Кемерово, 2016. – С. 30-48.

15. *Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н., Бове Л.Л.* Исследования петроглифической экспедиции Музея-заповедника «Томская писаница» в 2016 г. // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». – Вып. 5. – Кемерово, 2017. – С. 86-100.

16. *Мухарева А.Н.* Изображения на каменных «плитах» севера Минусинской котловины // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. – Казань: Отечество, 2014б. – Т. IV. – С. 83-84.

17. *Мухарева А.Н.* Расчистка наскальных рисунков комплекса Улазы от лишайников: предварительные результаты // Архаичное и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014а. – С. 139-141.

18. *Мухарева А.Н.* Исследования петроглифической экспедиции Музея-заповедника «Томская писаница» в 2017 г. // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». – Вып. 7. – Кемерово, 2018. – С. 26-35.

19. *Савинов Д.Г.* Новые материалы по изображениям на каменных плитах юга Хакасии // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. – С. 69-71.

20. *Силин Е.В., Заика А.Л.* Знаковая символика в наскальном искусстве Нижней Ангары (опыт классификации) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – С. 195-199.

21. *Пяткин Б.Н.* Некоторые вопросы датировки петроглифов Южной Сибири // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1977. – С. 60-67.

22. *Пяткин Б.Н.* Камень с рисунками в урочище Кизань (гора Оглахты) // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск, 1985.

23. *Топоров В.Н.* Солярные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. – М.: Рос. Энциклопедия, 1994. – Т. 2. – С. 461-463.

24. *Швец И.Н.* К вопросу интерпретации солнцеголовых изображений как шаманских в наскальном искусстве Центральной Азии // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). – Кемерово: Кузбассвыиздат, 1916. – С. 221-224.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Заика Александр Леонидович,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры отечественной истории,

заведующий музеем археологии и этнографии

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственного педагогический университет им. В.П. Астафьева»,

г. Красноярск, Россия.

E-mail: zaika_al@mail.ru

Ганусова Виктория Павловна,

бакалавр 2 курса КГПУ им. В.П. Астафьева,

г. Красноярск, Россия.

E-mail: ganusova01@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zaika Alexander Leonidovich,

Candidate of Historical Sciences,

Federal State Budgetary Educational Institution

of Higher Education «Krasnoyarsk State Pedagogical

University named after V.P. Astafiev»,

Associate Professor of the Department of National History,

Head of the Museum of Archeology and Ethnography.

Krasnoyarsk Territory, Russia.

E-mail: zaika_al@mail.ru

Ganusova Victoria Pavlovna,

2nd year bachelor, Federal State Budgetary

Educational Institution of Higher Education
«Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafieva»,
Krasnoyarsk, Russia.
E-mail: ganusova01@mail.ru

УДК 902

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАПАДНОГО УЧАСТКА ШАЛАБОЛИНСКОЙ ПИСАНИЦЫ В 2018-2019 ГГ.

А.Л. Заика, В.А. Конохов, Т.К. Ермаков, Н.С. Степанов

Аннотация. В статье дана характеристика петроглифов западного участка Шалаболинской писаницы, рассмотрены вопросы датировки наскальных изображений на основе результатов исследований 2018-2019 гг.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы, Шалаболинская писаница.

RESULTS OF STUDYING WESTERN PART OF SHALABOLIN PETROGLIFS 2018-2019

A.L. Zaika, V.A. Konokhov, T.K. Ermakov, N.S. Stepanov

Annotation: The article describes the characteristics of the petroglyphs of the western section of the Shalabolinskaya Pisanitsa, considers the issues of dating the rock carvings based on the research results of 2018-2019

Keywords: rock art, petroglyphs, Shalabolinskaya pisanitsa.

Введение

В полевые сезоны 2018-2019 гг. совместным отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева, Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова и ООО «НПО «АПИ» были проведены работы по изучению наскальных рисунков на Шалаболинской писанице. Шалаболинская писаница находится на юге Красноярского края на территории Курагинского района (рис. 1, 1). Береговые утёсы начинаются в 0,6 км к ЮВ от д. Ильинки и заканчиваются выше по течению р.Тубы в устье

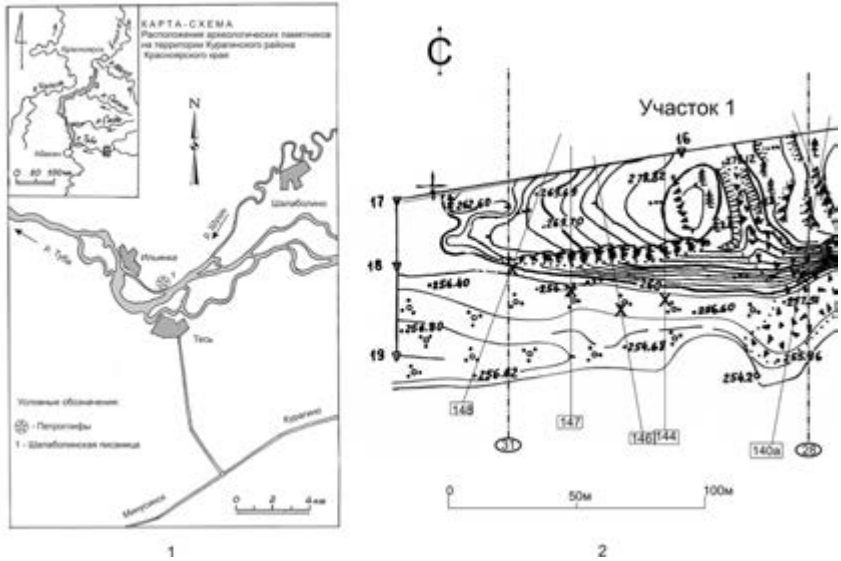

Рис. 1. Шалаболинская писаница.

1 – карта-схема расположения памятника; 2 – участок 1 (топоплан).

р.Шушь, что в 5 км к ЮЗ от с. Шалаболино. Скопления петроглифов локализованы на 8 участках скальных обнажений, разделённые территориально, они имеют естественные границы в виде мощных осыпей скальных пород, ложбин, участков прижима реки. В данной статье освещаются результаты исследований на крайнем западном участке писаницы.

Данный участок (участок-1), протяжённостью порядка 120 м, с востока ограничен мощной осыпью скальных пород техногенного происхождения (рис. 1, 2). Выявлено 38 скальных фризмов и отдельных плоскостей с рисунками, выполненных охрой, путём выбивки и гравировки на высоте 2,5-10 м от уреза воды). Многие изображения сохранились фрагментарно. Представлены человеческие фигуры, изображения рыб, лодок, антропоморфных личин, быков, лосей, хищников фантастического облика, знаковых символов.

Плоскости расположены довольно компактно, иногда многоступенчатыми ярусами скальных обнажений. Подножие скалы

на данном участке работ представляет собой слабо задернованные осыпи скальных пород, покрывающие напластования наносного грунта в виде супесей с глинистыми, гумусированными и щебнисто-галечными прослойками. Поверхность осыпей покрыта густой древесной (тополь, осина, черемуха, ива, ракета) и кустарниковой (акация, шиповник) растительностью, крепко скреплена и армирована её корневой системой. В устье разлома скальных пород (восточная оконечность участка) образовалась мощная, шириной в 30 м, осыпь в виде навала крупных «неподъёмных» каменных блоков.

На восточной части участка в 2002-2003 гг. была проведена археологическим отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева расчистка нижнего яруса скальных обнажений от каменных осыпей. В результате работ были обнаружены ранее неизвестные плоскости с рисунками на высоте 2,5-4,3 м от уреза воды [Дроздов и др., 2003]. Данный участок нижнего яруса скальных обнажений был выделен как участок-1а, где принята отдельная нумерация плоскостей, дифференцированных по высотным параметрам на три уровня (рис. 7).

Участок 1 (средний и верхний ярус)

Плоскость 1 расположена на западной оконечности писаницы, на высоте 0,8 м от подножия склона. В левой части плоскости, на сохранившемся участке выявлены многочисленные рассеянные удары выбивки, среди которых угадывается голова копытного животного, ориентированная в правую сторону.

Плоскость 2 находится на расстоянии 3,1 м к востоку от плоскости 1, на высоте 0,5 м от подножия. В верхней части плоскости и вдоль левого края выявлены неглубокие удары выбивки диаметром 1-3 мм.

Плоскость 3 находится на расстоянии 0,7 м к востоку от плоскости 2, они разделены трещиной шириной 0,6 м. В центре плоскости неглубокой точечной выбивкой выполнена неоконченная личина (рис 2, 4). Показаны округлые глаза, между которыми нанесена тонкая вертикальная черта. Под ней редкими

ударами нанесён горизонтальный ряд выбоин. Ниже показан рот в виде короткой широкой (1,5 см) дуги, концы которой загнуты вверх. Выше личины схожим инструментом нанесены точечные удары.

Левее линии рта личины силуэтно показано копытное животное, обращённое влево.

Плоскость 4 находится на расстоянии 0,7 м к востоку от плоскости 3 на высоте 0,9 м от подножия. В левом верхнем углу плоскости частой неглубокой выбивкой инструментом нанесена дугообразная линия. Левая часть рисунка уничтожена отслоения-

ми скальной корочки. Выше и ниже дуги (по кромке отслоившейся площади), а также в центре плоскости, зафиксированы отдельные удары инструмента.

Плоскость 5 сопряжена с плоскостью 4 и находится правее и ниже её, на месте древнего вылома скальных пород, на высоте 0,5 м от подножия. По центру плоскости, в верхней её части, выявлена дугообразная полоса, выполненная выбивкой.

Плоскость 6 находится на 0,3 м выше плоскости 4 и отделена от неё трещиной. Высота от подножия склона – 1,8 м. В центре плоскости, на узком участке (0,45 x 0,1 м) выявлены фрагменты выбитых изображений. В центре – фрагмент головы копыт-

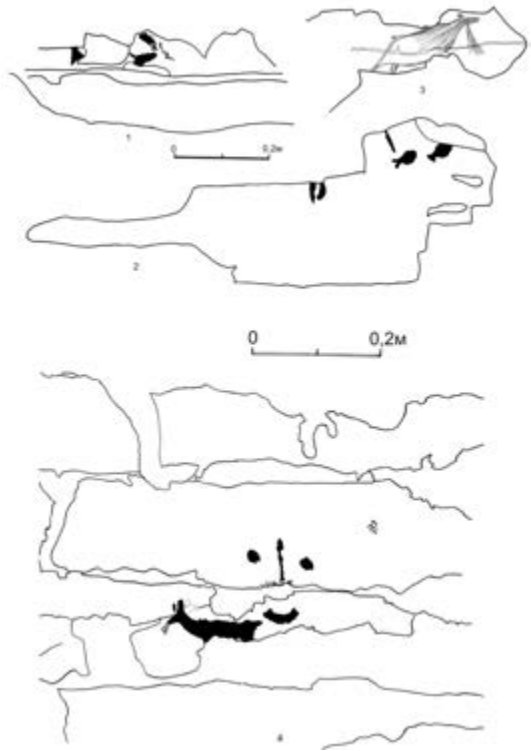

Рис. 2. Шалаболинская писаница. Участок 1. Копии петроглифов.
1 – плоскость 6; 2 – плоскость 7; 3 – плоскость 9; 4 – плоскость 3.

ного животного, обращённого вправо (рис. 2, 1). Изображение перекрывает широкую (1 см) наклонную линию более грубой выбивки. К ней справа примыкает короткая узкая (ширина 2 – 4 мм) линия выбивки, выполненная тем же инструментом.

В левой части плоскости сохранился нижний фрагмент выбитой силуэтной фигуры: широкая вертикальная линия с развилкой на нижнем конце в виде двух клиновидных отросков (хвост рыбы?). Рисунок выполнен неглубокой выбивкой, нанесённой путём веерных плотных пунктирных ударов.

Плоскость 7 смежная с плоскостью 6 и находится восточнее её на высоте 1,65 м от подножия склона. В правом верхнем углу плоскости силуэтно изображены две «рыбы», обращённые на-

право, расположенные цепочкой по диагонали к линии горизонта (рис. 2, 2). К левой рыбе сверху по диагонали спускается линия шириной 0,5 см, выполненная в той же манере.

Плоскость 8 находится в 0,7 м восточнее плоскости 4 на высоте 0,7 м от подножия. В верхней правой части плоскости зафиксировано пятно, выполненное неглубокой, средней плотности выбивкой, нанесённой инструментом с плоским рабочим краем. В центральной части плоскости зафиксированы

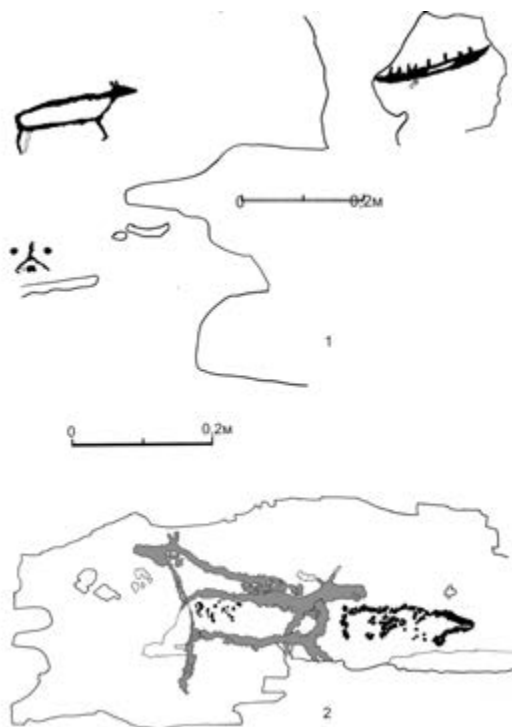

Рис. 3. Шалаболинская писаница. Участок 1. Копии петроглифов.

1 – плоскость 11; 2 – плоскость 10.

горизонтальные ряды редких ударов, выполненных тем же инструментом.

Плоскость 9 расположена в 2,5 м к востоку от плоскости 7 на высоте 1,5 м от подножия. На сохранившемся фрагменте скалы, расположенном в левой половине плоскости на высоте 0,5 м от её края, зафиксировано изображение копытного животного, ориентированное в правую сторону и выполненное путём гравировки и скобления (рис. 2, 3).

Плоскость 10 является южным торцом обвалившегося блока скалы. Находится на поверхности скальной осыпи, на высоте 0,45 м от её нижнего края. В центре плоскости контурно изображено копытное животное, обращённое в левую сторону (марал?), его пересекает контур другого животного (лось?), обращённого вправо (рис. 3, 2).

Правее наложенных друг на друга изображений копытных животных редкими ударами выбивки намечен контур зооморфной фигуры, ориентированной в правую сторону.

Плоскости 11-15 находятся на крупных каменных блоках среднего яруса скальных обнажений в 25-30 м от берега р. Тубы на высоте 13-8 м от уреза воды, в подножии имеют площадку, которая нависает скальным карнизом над плоскостями участка 1а.

Плоскость 11 расположена на высоте 13,3 м от уреза воды на вертикальном скальном блоке высотой 1,3 м. В левом верхнем участке плоскости находится контурное изображение копытного животного, обращённого в правую сторону. Ниже его под скальной трещиной выявлена небольшая неоконтуренная личина. У неё показаны глаза и рот, разделённые раздвоенной линией «татуировки». Правее животного в правой части плоскости показан не полностью заполненный выбивкой горизонтальный контур лодки с приострёнными концами. По верхнему краю лодки обозначены восемью короткими вертикальными выступами «пассажиры» (рис. 3, 1).

Плоскость 12 смежная с плоскостью 11, немного вогнутая, под небольшим положительным наклоном обращена на юго-восток (аз. 32°). Плоскость занимает широкий скальный блок размера-

Рис. 4. Шалаболинская писаница. Участок 1. Копии петроглифов на плоскости 12.

ми 1,8x1,6 м. Центр плоскости занимает выполненная контурной выбивкой крупная фигура лося с рогами, динамично движущегося в правую сторону (рис. 4). Над его рогами в правой части плоскости выбивкой нанесен горизонтальный ряд из 18 коротких линий. Правее него показаны фронтальные и фас-профильные антропоморфные фигуры, выполненные в технике гравировки и протира. В правой нижней части плоскости выявлен эскиз рисунка животного, исполненный тонкой линией выбивки и гравированными линиями. Ориентировано животное в левую сторону. Нижняя часть плоскости заполнена надписями первой половины XX века.

Плоскость 13 находится под скальным навесом в 5,5 м к востоку от плоскости 12 на высоте 10 м от уреза воды на широком скальном блоке. В центре плоскости выбивкой нанесён контур быка, ориентированного в левую сторону. По его периметру и внутри контура животного выявлены гравированные линии первоначального наброска рисунка (рис. 5). Контур живота и одинарная линия передних ног перекрывают выполненную крас-

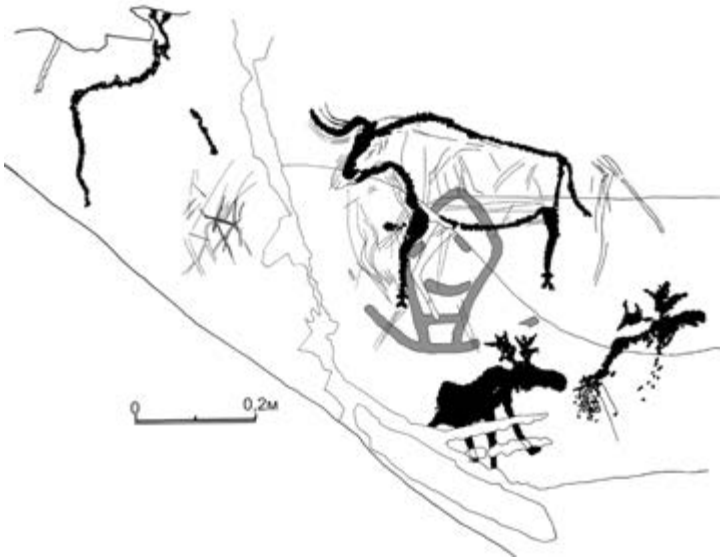

Рис. 5. Шалаболинская писаница. Участок 1. Копии петроглифов на плоскости 13.

ной охрой антропоморфную личину с пятиугольным контуром. Основание личины и её рот имеют вид широкой горизонтальной дуги. Глаза показаны короткими диагональными линиями, опущенными вниз. Левее быка одной изогнутой линией намечен контур другого зооморфного образа, обращённого в правую сторону. Между ними выявлены геометрические конфигурации антропоморфного облика, выполненные гравировкой. Под фигурой быка в нижней части плоскости более крупной выбивкой нанесены два изображения лосей с рогами, следующих друг за другом в правую сторону.

Плоскость 14 вогнутая, расположена ниже плоскости 13 на том же скальном блоке, разделена с ней небольшим горизонтальным уступом скальных пород. Все изображения выполнены в технике выбивки. В центре плоскости показана контурная фигура лося, шагающего в правую сторону (рис. 6). Под ним условно показаны в одну линию две лодки с вертикальными «столбиками» с округлыми окончаниями (головы «пассажиров»). В левой

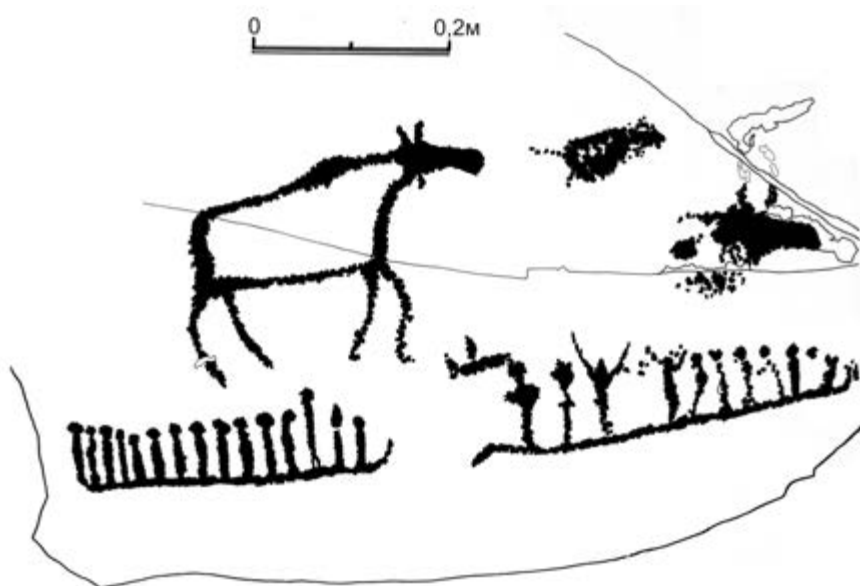

Рис. 6. Шалаболинская писаница. Участок 1. Копии петроглифов на плоскости 14.

лодке их 15, в правой – 10. Правее лося силуэтно оформлены головы двух лосей, ориентированных также в правую сторону.

Плоскость 15 находится на том же скальном блоке под плоскостью 14. В центре плоскости охрой розовых тонов нанесена солнцеголовая личина, обрамлённая дугообразным контуром. Внутри личина залита частично краской, очерчивая крестообразный контур, пересечённый справа налево диагональной линией. Рот показан короткой горизонтальной линией (места глаз залиты краской). Две параллельные горизонтальные линии нанесены в основании личины, оканчиваются развилкой, между ними нанесён треугольный орнамент. Нижняя линия имеет вертикальные «подтёки». Поверх личины охрой красного цвета нанесены фигуры трёх лучников, ориентированных в правую сторону, в правой части плоскости зафиксирован силуэт крашеной аморфной фигуры антропоморфного облика. Правая часть

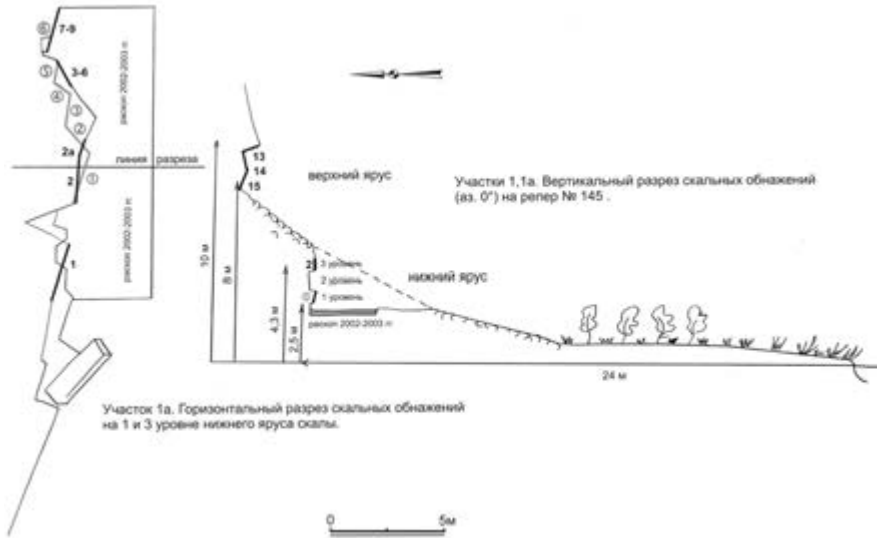

Рис. 7. Шалаболинская писаница. Участки 1, 1а. План контура скалы и вертикальный разрез через плоскости с петроглифами.

личины перекрывает изображения двух лодок, расположенных друг над другом.

Участок 1а (нижний ярус)

Участок 1а расположен на нижнем ярусе писаницы, под плоскостями 13-15 среднего яруса скальных обнажений на высоте 2,5-7 м от уреза воды и имеет протяжённость с запада на восток порядка 15 м (рис. 7). Учитывая высотные параметры плоскостей и их приуроченность к дифференцированным слоям осадочных пород, нижний ярус петроглифов был нами разделён на три уровня. Нумерация плоскостей локальная для каждого уровня петроглифов, ведётся с запада на восток.

Петроглифы верхнего (третьего) уровня расположены на высоте 4,3-7 м от уреза воды, находятся на торцах верхней кромки скального уступа, являющегося площадкой в подножии среднего яруса скальных обнажений писаницы. Выявлено 10 плоскостей с рисунками.

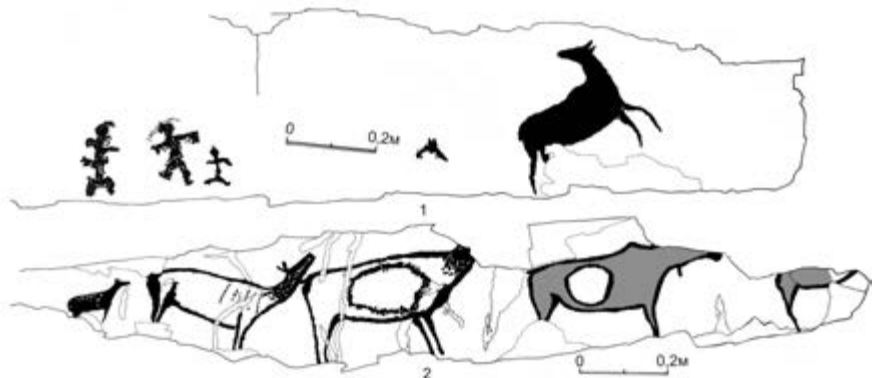

Рис. 8. Шалаболинская писаница. Участок 1а. Копии петроглифов 3 уровня нижнего яруса скальных обнажений.

1 – плоскость 1; 2 – плоскость 2.

Плоскость 1 находится на западном крае освобождённого от осыпи участка скалы, на высоте 1,4 м от подножия склона. На плоскости зафиксировано 4 антропоморфные фигуры, выполненные путём выбивки (рис. 8, 1). В правой части плоскости (0,35 м от правого края плоскости) расположена силуэтно выбитая динамичная фигура копытного животного, вставшего на дыбы. Фигура обращена вправо, голова повёрнута назад (влево).

Плоскость 2 расположена в 1 м от плоскости 1 (разделены расщелиной) на высоте 2,8 м от подножия склона и в 4,3 м от уреза воды. На плоскости горизонтально в ряд расположены 5 фигур копытных животных (маралы?), выполненных в «минусинском» стиле плотной неглубокой выбивкой, ударами округлой формы. Животные ориентированы в правую сторону (рис. 8, 2). Левое животное миниатюрное, показано силуэтно. Следующая фигура показана контурно с высоко поднятой головой. У центральных двух фигур изображены в центре туловища округлые контуры. Оно животное (левое) выполнено контурно, другое (правое) – силуэтно с углублённой линией контура, у него подчёркнута подшейная кисть (лось?). Крайняя правая силуэтная фигура с углублённым контуром сохранилась фрагментарно.

Плоскость 2А расположена в 1 м к востоку от плоскости 2, на

высоте 2 м от подножия склона Сохранилась нижняя часть зооморфной фигуры: нижние конечности и часть туловища (рис. 9, 1).

Плоскости 3, 4, 5, 6 расположены в 2,6 м восточнее плоскости 2А на скальном блоке с юго-восточной экспозицией (рис. 7), нависающим над плоскостями 6, 7 среднего уровня скальных обнажений на высоте 1,5 – 2 м от подножия. Скальный блок крестообразно разделён на четыре части глубокими и широкими трещинами, разграничивающими плоскости. Скальная поверхность бугристая, испещрена многочисленными трещинами, участками отслоя скальной корочки.

Плоскость 3 (левая верхняя). На сохранившемся фрагменте скальной породы, в нижней его части, зафиксирована вертикальная дугообразно выбитая линия, выполненная плотными ударами (диаметр 4 – 5 мм). Правее выявлена ещё одна выбитая

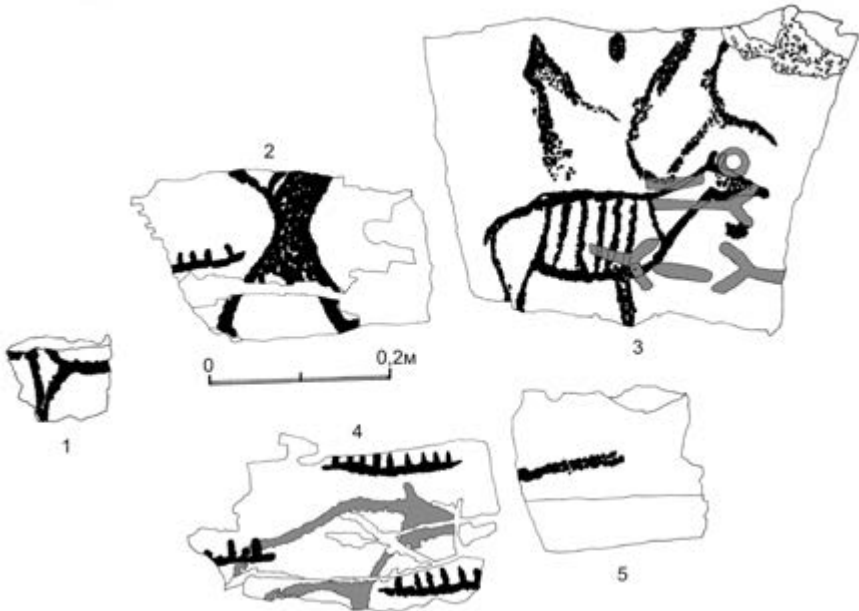

Рис. 9. Шалаболинская писаница. Участок 1а. Копии петроглифов 3 уровня нижнего яруса скальных обнажений.

1 – плоскость 2а; 2 – плоскость 3; 3 – плоскость 4; 4 – плоскость 5; 5 – плоскость 6.

линия (диагональная), выполненная тем же инструментом. Вероятно, в совокупности, они моделируют верхнюю часть туловища и голову копытного животного, показанного в вертикальном положении (рис. 9, 2). В левой части плоскости сохранился фрагмент изображения лодки.

Плоскость 4 отделена от плоскости 3 вертикальной трещиной шириной 5 см и располагается на высоте 1,7 м от подножия склона. Представлено контурное изображение животного в скелетном стиле, обращённое вправо. Переднюю часть животного перекрывает изображение неоконтуренной личины, выполненное красной охрой (рис. 9, 3). Выше животного зафиксированы фрагменты двух контурных зооморфных фигур, показанных выбивкой в вертикальном положении.

Плоскость 5 расположена ниже плоскости 3 и отделена от неё сильно выветренным участком горных пород шириной 3 см. На поверхности плоскости слабо прочитываются изображения трёх лодок, расположенных в правом нижнем углу, в правом верхнем углу и у левого края. Центр плоскости занимает слабо видимое контурное изображение копытного животного, ориентированного в правую сторону (рис. 9, 4). Плоскость сильно повреждена горизонтальными трещинами и отслоениями скальной корочки на глубину до 1 см.

Плоскость 6 расположена правее плоскости 5 и отделена от неё вертикальной трещиной шириной 2 см. На плоскости зафиксированы слабо читаемые удары средней глубины, которые, возможно складываются в линию (изображение лодки?) (рис. 9, 5).

Плоскости 7-9 расположены в 0,3 м к востоку от блока с плоскостями 3-6 на другом скальном блоке размером 2,3×1,4 м (рис. 7). Блок разбит трещинами на три горизонтальные части, что связано с микротектоническим движением пластов. Рисунки выполнены в различных техниках: выбивка, гравировка, протир, прорисовка охрой.

Плоскость 9 расположена через 0,3 м к востоку от плоскости 4 и отделена от неё расщелиной, немного вогнутая, обращена на

Рис. 11. Шалаболинская писаница. Участок 1а. Копии петроглифов 3 уровня нижнего яруса скальных обнажений.

1 – плоскость 9 (фрагмент); 2 – плоскость 8 (фрагмент центральной части); 3 – плоскость 8 (фрагмент правой части); 4 – плоскость 8; 5 – плоскость 7.

юг. У левого края визуальнo фиксируется неоконтуренная личина, выполненная красной охрой (рис. 11, 1).

Плоскость 8 находится ниже плоскости 9 и отделена от неё горизонтальной трещиной. По всей длине плоскости визуальнo фиксируются различные личины, выполненные красной охрой. У левого нижнего края плоскости представлено выбитое контурное изображение копытного животного, обращённого вправо (бык?). Передняя часть животного сильно стёрта. Над ним представлено изображение лошади также сильно стёртое.

Правее, слева от трещины расположены изображения фантастических хищников, обращённые влево. У них показаны уши/перья, выполненные протиром и голова с разинутой пастью, выполненная мелкой плотной выбивкой, затем затёртой (рис. 11, 2).

В центре плоскости правее трещины фиксируется стёртое выбитое изображение копытного животного, обращённого в пра-

вую сторону. Поверх него более мелкой и плотной выбивкой нанесена личина в форме вытянутого по вертикали овала (выбивка также стёрта). Правее и выше фрагментарно представлено ещё одно животное обращённое вправо: сохранилось пятно выбивки, моделирующее голову и линии спины и живота, решённые одиночными выбитыми ударами (рис. 11, 4). Правее и выше его неглубокой выбивкой показан фрагмент контурной фигуры копытного животного, ориентированного в правую сторону.

В целом на плоскости фиксируются следы затёртой выбивки и гравированные линии, которые иногда складываются в определённые образы (рис. 11, 3).

Плоскость 7 расположена ниже плоскости 8 и отделена от неё горизонтальной трещиной, шириной около 1 см. На плоскости изображены 6 копытных животных, выполненных в технике выбивки. Крайнее левое животное расположено в левом верхнем углу плоскости, обращено по диагонали вправо и вниз. Выполнено глубокой, довольно плотной выбивкой, диаметр отверстий 3 – 4 мм. Изображение контурное.

Ниже и правее фиксируется изображение шагающего животного, обращённого в правую сторону (лось?). Передняя и задняя часть фигуры решены силуэтно, но само туловище показано контурно. Правее и выше представлено контурное изображение копытного животного, аналогичное крайнему левому на плоскости, но большего размера (лошадь?). Его голова перекрывает круп другого подобного животного, расположенного правее него, обращённого вправо и выполненного контурно (рис. 11, 5).

Над этим животным фиксируется голова и шея другого животного, выполненного более грубой выбивкой, линии которой перекрывают центральную фигуру на плоскости.

В правом нижнем углу плоскости фиксируется ещё одно контурное выбитое изображение копытного животного, выполненное грубой выбивкой средней плотности, левее крупы фигуры представлено ещё одно контурное выбитое изображение небольшого животного, обращённого по диагонали вправо и вверх. Также на плоскости фиксируются отдельные выбитые

Рис. 10. Шалаболинская писаница. Участок 1а. Плоскости 7-9 3-го уровня нижнего яруса скальных обнажений.

пятна, преимущественно выполненные теми же инструментами, что и животные.

Основная часть сохранившихся красочных изображений находится в средней трети плоскости 8 и, в меньшей степени, на плоскостях 9, 7 (рис. 10). Представлены антропоморфные личности разнообразного вида, выполненные красной охрой различных расцветок [Заика, Солодейников, 2018].

Петроглифы среднего (второго) уровня расположены на высоте 3-5 м от уреза воды (рис. 7), находятся на небольших угловатых плоскостях прослойки осадочных пород между соседними уровнями залегания более крупных каменных блоков девонского песчаника. Они расположены под навесом третьего и являются кровлей первого уровня нижнего яруса скальных обнажений на участке 1А писаницы. Выявлено 7 плоскостей с рисунками.

Плоскость 1 находится на западной оконечности, очищенного от осыпи участка скальных обнажений, на высоте 1 м от под-

Рис. 12. Шалаболинская писаница. Участок 1а. Копии петроглифов 1 и 2 уровня нижнего яруса скальных обнажений.
 1 – плоскость 1 (2 уровень); 2 – плоскость 2 (2 уровень); 3 – плоскость 3 (2 уровень); 4 – плоскость 1(1 уровень).

ножия склона ниже плоскости 1 верхнего уровня. Длина 0,8 м, высота 0,5 м, обращена на юг.

По центру плоскости расположена антропоморфная фигура. Представлены голова подтреугольной формы, руки, показанные дугообразной линией, короткие ноги (рис. 12, 1). Туловище показано короткой вертикальной линией редких неглубоких выбитых ударов.

Плоскость 2 расположена на высоте 1 м от подножия склона над плоскостью 1 нижнего уровня, разделена с нею глубокой трещиной. Красной охрой нанесено изображение простой неоконтуренной личины (рис. 12, 2).

Плоскость 3 находится в 0,2 м к востоку от плоскости 2 на высоте 1 м от подножия склона над плоскостью 2 нижнего уровня. Плоскость покрыта редкими ударами свежей выбивки и гравированными линиями, среди которых в левой её части угадывается пятиконечная звезда, в правой части зафиксирован вертикальный мазок красной охры (рис. 12, 3).

Плоскость 4 расположена правее плоскости 3. На поверхности плоскости выявлены следы хаотичной выбивки, выполненной инструментом с округлым рабочим краем (рис. 13, 1).

Плоскость 5 находится в 2,2 м к северо-востоку от плоскости 3 на высоте 1 м от подножия склона, выше плоскости 5 уровня

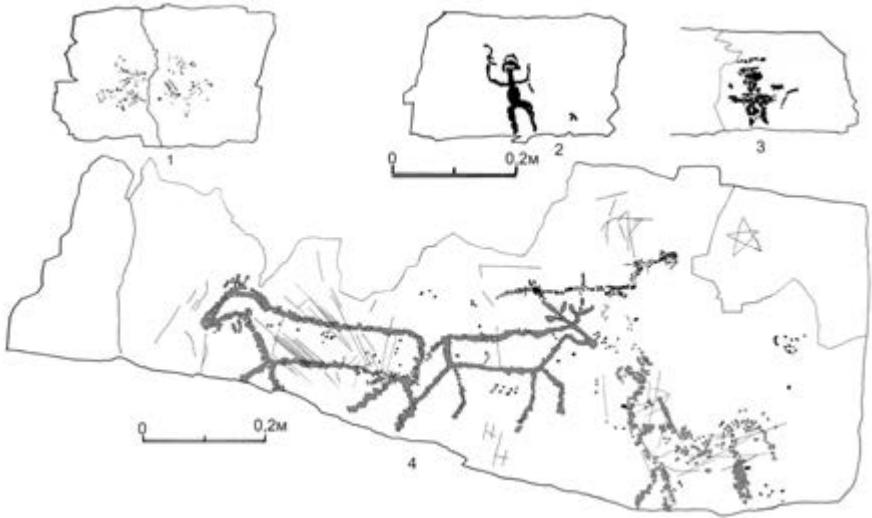

Рис. 13. Шалаболинская писаница. Участок 1а. Копии петроглифов 1 и 2 уровня нижнего яруса скальных обнажений. 1 – плоскость 4 (2 уровень); 2 – плоскость 5 (2 уровень); 3 – плоскость 3 (1 уровень); 4 – плоскость 2 (1 уровень).

1. Выявлена антропоморфная фигура с поднятыми вверх руками (рис. 13, 2), выполненная мелкой точечной неглубокой выбивкой.

Плоскость 6 расположена правее плоскости 5 под навесом скального блока с плоскостями 3-6 верхнего уровня на высоте 0,7 м от подножия.

В левой части плоскости зафиксирована антропоморфная фигура, выполненная частой неглубокой выбивкой инструментом с плоским рабочим краем. Выбивка частично перекрывает надпись исполненную чёрной битумной тушью. Витиеватые знаки расположены тремя вертикальными рядами (старомонгольское средневековое письмо?) (рис. 14, 1). В правой части плоскости зафиксированы хаотичные удары выбивки.

Петроглифы нижнего (первого) уровня расположены на высоте 2,5-3 м от уреза воды, зафиксированы на сравнительно крупных каменных блоках девонского песчаника на уровне подно-

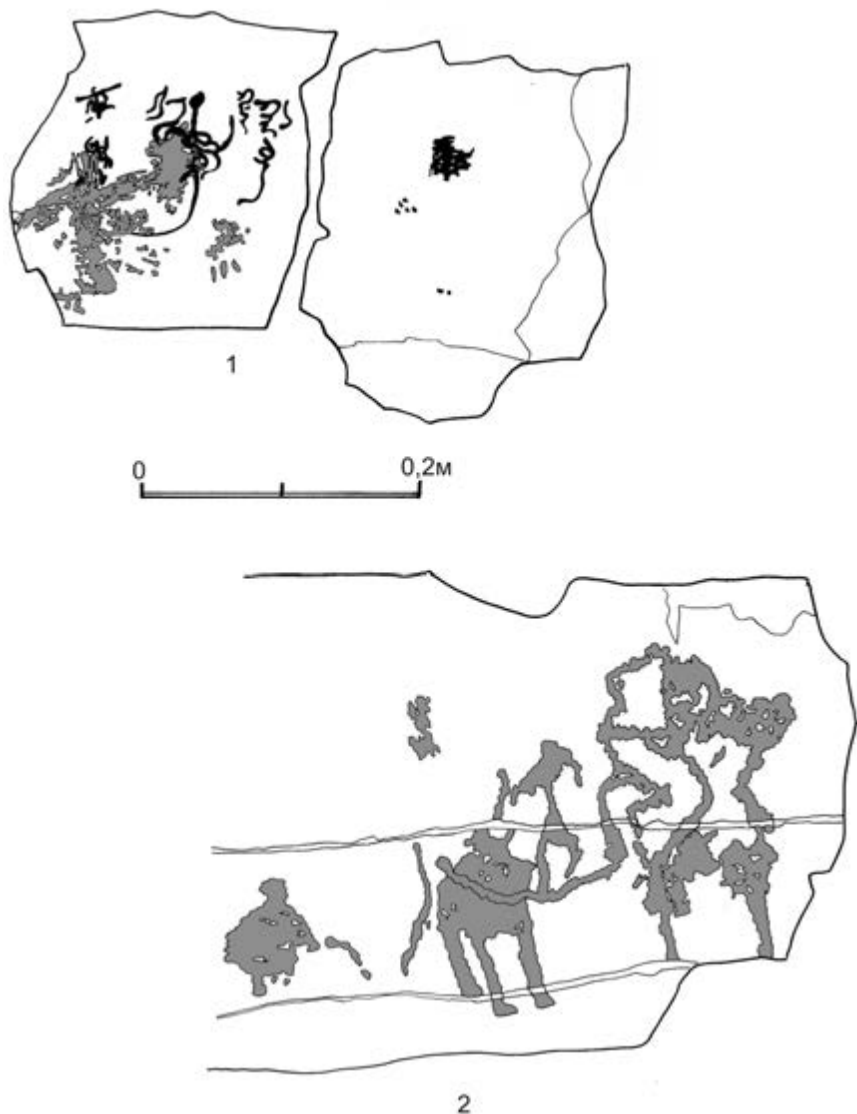

Рис. 14. Шалаболинская писаница. Участок 1а. Копии петроглифов 1 и 2 уровня нижнего яруса скальных обнажений.
1 – плоскость 6 (2 уровень); 2 – плоскость 6 (1 уровень).

жия скальных обнажений нижнего яруса писаницы. Выявлено 7 плоскостей с рисунками (рис. 7).

Плоскость 1 находится на высоте 0,5 м от подножия склона. Представлены изображения людей, животных, выполненных в технике выбивки и гравировки (рис. 12, 4). В правой верхней части выполнено контурное изображение быка в «минусинском» стиле, ориентированное в правую сторону. Тем же инструментом позднее добавлены две задние и ещё одна передняя конечности, моделируя более динамичный образ, характерный для «анагарского» стиля. Левее быка тем же инструментом выполнена фас-профильная фигура человека. Поверх данных фигур нанесено изображение лося, ориентированное в левую сторону. Его контур выполнен мелкой неглубокой выбивкой. В области передних конечностей зафиксирован их первоначальный эскиз, выполненный тонкой гравировкой. Задние конечности животного позже были обновлены более грубой выбивкой, выполненной другим инструментом. Между человеком и быком нанесены короткие горизонтальные линии, выполненные тем же инструментом.

В правом нижнем углу плоскости контурно показана фигура лося, ориентированная в правую сторону. В центре его контура зафиксированы глубокие поперечные гравированные линии («рёбра»). Голова животного разрушена выломами скальной породы. Центр контура животного пересечён рваными следами более поздней выбивки. Левее лося показана фронтальная антропоморфная фигура с поднятыми руками и округлой головой с «рожками», выполненная мелкой частой неглубокой выбивкой.

В центре плоскости расположены три контурных фигуры животных, выполненных одним инструментом. Первая обращена вправо, навстречу лосю. Показано грузное тело, короткие конечности и хвостик. Широкая короткая шея животного заканчивается головой с раскрытым ртом, поверх которого нанесён ряд вертикальных процарапанных линий. Отмечен ямкой глаз и фронтально показана развилка прямых линий ушей. Левее него находится незаконченный контур лося, обращённого в противоположную сторону. Над ним расположено ещё одно трудноопределимое животное, обращённое в правую сторону. Выше его

нанесён выбивкой линейный знак в виде косоугольного креста (тамга?). Рисунок хаотично покрыт росчерками гравированных линий.

В левой части плоскости зафиксированы многочисленные гравированные линии, среди которых угадывается контур птицеобразного хищника (орёл?) и три фронтальные фигуры антропоморфного облика. Крайняя левая фигура выполнена сравнительно недавно и представляет собой всадника верхом на лошади. К его голове и плечам примыкает веер гравированных линий.

Плоскость находится в неудовлетворительном состоянии. По причине растрескивания скальный блок может в скором времени частично рассыпаться (левая часть плоскости).

Плоскость 2 сопряжена с плоскостью 1 и расположена на высоте 0,1 м от подножия склона, под многоступенчатым скальным навесом, где находится плоскость 3 уровня 2. По нижнему краю плоскости выполнен ряд из трёх зооморфных фигур, решённых контурно, редкими ударами выбивки. Левая фигура обращена в левую сторону, у неё угловатое туловище прямоугольной формы, линии конечностей расставлены в стороны. Голова на поднятой короткой шее опущена вниз, уши намечены хаотичными ударами выбивки, хвост не обозначен. Контур туловища пересекают многочисленные косые глубокие росчерки. Центральное животное обращено в противоположную сторону, выполнено в той же манере, но у него более реалистично показана голова, увенчанная ветвистыми рогами (олень?), и показан длинный хвост. Рога животного пересекает длинная линия, нанесённая насечками инструмента с плоским рабочим краем (рис. 13, 4). Крайняя правая фигура выполнена несколько более грубыми редкими ударами (диаметр 3 – 5 мм), обращена в левую сторону. Угадывается высоко поднятая шея животного, частично – голова с ушами/рогами. Контур туловища со спинным прогибом и отвислым животом в большей степени прослеживается за счёт гравированных линий, дополненных выбивкой. Дугообразный хвост животного поднят вверх, конечности отражают динамику шагающего животного. В правом верхнем углу плоскости процарапана пятиконечная звезда.

Плоскость 3 сопряжена с плоскостью 2 и перпендикулярна ей, находится на высоте 0,1 м от подножия. Основная площадь плоскости покрыта редкими ударами выбивки, диаметром 3 – 4 мм, среди которых можно определить фронтальный силуэт антропоморфной фигуры в правой верхней части плоскости (рис. 13, 3).

Плоскость 4 сопряжена с плоскостью 3 и находится на высоте 0,5 м от подножия. По нижнему краю плоскости выявлены следы выбивки. В верхней части плоскости выявлена линейная фронтальная антропоморфная фигура под которой сохранился фрагмент зооморфного образа (рис. 15, 1).

Плоскость 5 смежная с плоскостью 4 и находится на высоте 0,2 м от подножия. В левой части плоскости, вдоль нижнего её края, показана антропоморфная фигура, выполненная редкими, средней глубины ударами выбивки (рис. 15, 2). Рядом с ней зафиксированы более редкие удары того же инструмента, которые сложно определить как конкретную фигуру. Плоскость 5А. В правой части того же скального фриза за границей глубокой трещины у нижнего края плоскости выявлен фрагмент (верхняя часть) антропоморфной фигуры, выполненной в линейном стиле. Округлый контур головы увенчан островерхим головным убором (рис. 15, 3).

Плоскость 6 является правым нижним бортом широкой глубокой трещины, ограничивающей с левой стороны сверху скальный блок с петроглифами верхнего уровня (плоскости 7-9). В правой части плоскости грубыми ударами выбивки (диаметр 4 – 7 мм) выполнена фигура лучника, обращённая в левую сторону. Левее неё тем же инструментом показаны сложно различимые антропоморфные фигуры и, вероятно, лодка (рис. 14, 2).

Предварительные выводы о датировке и культурно-хронологической принадлежности петроглифов

В данном случае вопросы датировки петроглифов продуктивно решать, учитывая их планиграфию, стратиграфию, сюжетные, стилистические и иконографические особенности рисунков. С этой целью рассмотрим наскальные изображения дифференцировано, исходя из категории образов.

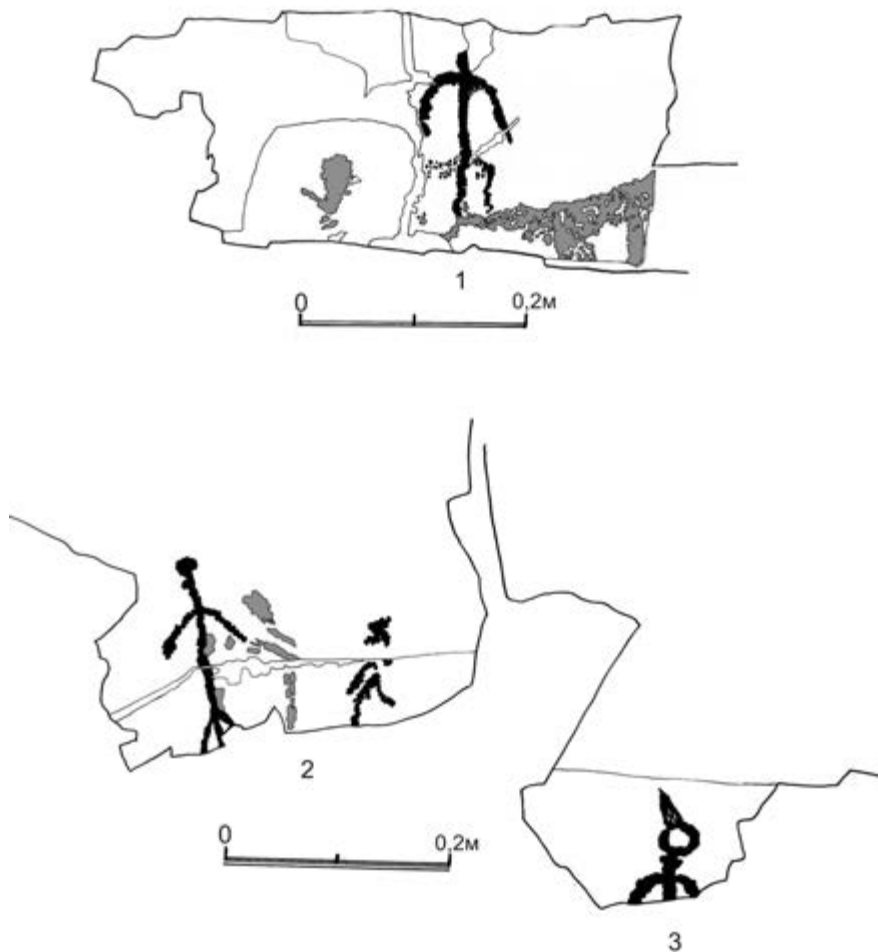

Рис. 15. Шалаболинская писаница. Участок 1а. Копии петроглифов 1 уровня нижнего яруса скальных обнажений.

1 – плоскость 4; 2 – плоскость 5; 3 – плоскость 5а.

Зооморфные образы. К наиболее ранним петроглифам следует отнести териоморфные образы, расположенные на широких фризах верхнего яруса участка 1 (плоскости 12-14). Под рисунки были выбраны удобные широкие и ровные скальные полотна. Фигуры животных свободно расположены на них, т.е. древний художник располагал чистыми, не занятыми другими рисун-

ками каменными поверхностями. Лося показаны в различных вариантах ангарской изобразительной традиции, бык выполнен в минусинском стиле и поэтому могут соотноситься с эпохой позднего неолита. Более того, трасологический анализ следов выбивки, которой был выполнен рисунок лося (рис. 4), показал использование древним художником каменного инструмента [Гирия и др., 2012]. К этому же времени следует отнести изображения маралов на 3 уровне нижнего яруса участка 1а (рис. 8, 9), выполненные в минусинском стиле, полустёртые последующими художниками изображения в левой части плоскости 7 (рис. 11, 4), а также исходные рисунки быка и лося на том же участке в правой части плоскости 1 (рис. 12, 4).

С эпохой ранней бронзы связаны фигуры животных и рыб в западном секторе участка 1 (рис. 2, 3), в центре плоскости 8 и в левой части плоскости 7 в восточном секторе (рис. 11, 4, 5). В это же время, видимо, появились изображения лосей и гравировка птицы в центре плоскости 1 (рис. 12, 4).

В период развитой и поздней бронзы, исходя из стилистики рисунков, были выполнены изображения копытных животных в правой части плоскостей 7 и 8 (рис. 11, 4, 5), а также, видимо, образы копытных в центральной части плоскости 2 (рис. 13, 4). В эпоху раннего железа мог быть выполнен эскиз рисунка животного, показанного в позе внезапной остановки в правом нижнем углу плоскости 12 (рис. 4). В эпоху средневековья, надо полагать, появились рисунки трудно определимых образов в центральной части плоскости 1 (рис. 12, 4) и в правой части плоскости 2 (рис. 13, 4).

Антропоморфные образы. Наиболее архаичные изображения людей связаны с неолитическими фигурами лося и быка на плоскости 1 (рис. 12, 4). Подобные антропоморфные фигуры считаются древнейшими образами человека на Среднем Енисее и связаны с ангарской и минусинской традициями в наскальном искусстве региона [Шер, 1980: 193-194]. Эпохой ранней бронзы датируются протёртые и гравированные фигуры «пляшущих человечков» в левой части плоскости 12 (рис. 4). Подобные им

образы зафиксированы на писанице Саган-Заба на оз. Байкал [Окладников, 1974: 15, табл. 7], которые А.П. Окладников связывает с глазковской культурой эпохи ранней и развитой бронзы Прибайкалья [Там же: 72-75], а также среди окуневских петроглифов [Шер, 1980: 116. 9]. Периферийное положение их вокруг рисунка неолитического лося также подтверждает данную датировку. К этому же периоду относятся крашенные (рис. 5; 9, 1; 10; 11, 1; 12, 2), выбитые и гравированные (рис. 2, 4; 3, 1; 11, 2-4) изображения личин, которые имеют многочисленные изобразительные аналогии среди петроглифов окуневской культуры [Леонтьев, 1978; Пяткин, Мартынов, 1985; Леонтьев и др., 2006; Савинов, 2006; Заика, Солодейников, 2018 и др.]. Условные изображения «пассажиров» в лодках можно в равной степени соотнести с эпохой позднего неолита и ранней бронзы [Конохов и др., 2019]. К эпохе поздней бронзы следует отнести гравированные треугольные контуры туловищ с условными линиями конечностей на плоскости 13 (рис. 4). Подобные образы зафиксированы на 4 участке Шалаболинской писаницы [Заика, Дроздов, 2005], на писанице Суханиха, где их перекрывают животные, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле [Миклашевич, 2006: 19, рис. 79]. К тацтыкской культуре относится фигура лучника и сопряженные с ней другие образы, выполненные выбивкой на плоскости 6 нижнего яруса писаницы (рис. 14, 2). В равной степени к эпохе раннего железного века и эпохе средневековья относятся линейные антропоморфные фигуры на нижнем ярусе участка 1а Шалаболинской писаницы (рис. 8, 1; 11, 5; 12, 4; 15). С эпохой средневековья и этнографической соотносятся одиночные персонажи, выполненные выбивкой (рис. 13, 2, 3; 14, 1), условная фигура «наездника», посаженная на лося в правой части плоскости 1 (рис. 12, 4). В период Нового времени было нанесено в левой части этой же плоскости изображение всадника на лошади (рис. 12, 4).

Знаки. Самая немногочисленная категория наскальных изображений. К ним относятся средневековые знаки старомонгольского письма, выполненные чёрной битумной тушью (рис.

14, 1), тамговидный знак в верхней части плоскости 1 (рис. 12, 4), который мог быть нанесен как в эпоху средневековья, так и в период этнографической современности. Вызывают интерес гравированные изображения пятиконечных звезд (рис. 12, 3; 13, 4), которые имели распространение в хакасском народном творчестве в XIX – нач. XX вв. [Кызласов, Леонтьев, 1980: 52, рис. 20].

Таким образом, не смотря на сравнительно небольшую площадь участка с петроглифами, они охватывают довольно широкий период времени от эпохи камня до этнографической современности, что свидетельствует о высокой популярности западного сектора скалы на протяжении порядка пяти тысячелетий. Вопросы семантики изображений – тема следующих исследований.

Список литературы:

1. *Гиля Е.Ю., Дроздов Н.И., Дэвлет Е.Г., Макулов В.И.* Шалаболинская писаница: опыт трасологического исследования // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – № 1 (19). – 2012. – С. 308-330.

2. *Дроздов Н.И., Заика А.Л., Марченко Л.А., Макулов В.И., Березовский А.П., Журавков С.П., Емельянов И.Н., Бабина М.С., Чуракова Е.В.* Результаты исследования Шалаболинской писаницы (по результатам работ 2002-2003 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАиЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2003. – Т. IX., часть I – С. 342-346.

3. *Заика А.Л., Дроздов Н.И.* Шалаболинская писаница (результаты исследования 2001-2004 годов) // Мир наскального искусства. Сб. док. междунар. конф. /Под ред. Е. Дэвлет. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 111-115.

4. *Заика А.Л., Солодейников А.К.* Красочные изображения на западном участке Шалаболинской писаницы (предварительные результаты исследований) // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». – Вып. 8. – Кемерово, 2018. – С. 56-66.

5. *Конохов В.А., Ермаков Т.К., Заика А.Л.* Изображения лодок в петроглифах Шалаболинской писаницы // Сборник докладов и сообще-

ний «Мартяновские краеведческие чтения» (2018 г.). Вып. XII. – Минусинск: МРКМ им. Н.М. Мартянова, 2019. – С. 90-96.

6. *Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В.* Народные рисунки хакасов. – М.: Изд-во «Наука». Глав. ред. восточ. лит-ры, 1980 –180 с.

7. *Леонтьев Н.В.* Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики). // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1978. – С. 88–118.

8. *Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакаское книж. Изд-во, 2006. – 236 с.

9. *Миклашевич Е.А.* Отчёт о разведках памятников наскального искусства в 2008 г. в Орджоникидзевском, Боградском и Аскизском районах республики Хакасия и в Минусинском районе Красноярского края // Архив ИА РАН, Р – I, 2009.

10. *Окладников А.П.* Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск:Наука, 1974. – 166 с.

11. *Пяткин Б.Н., Мартынов А.И.* Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.

12. *Савинов Д.Г.* О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник. Культура и её окружение: Сб. науч. Тр. СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. – С. 157–190.

13. *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Заика Александр Леонидович,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры отечественной истории,

заведующий музеем археологии и этнографии

Федерального государственного бюджетного

образовательного учреждения высшего образования «Красноярский

государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева),

г. Красноярск, Россия

E-mail: zaika_al@mail.ru

Конохов Владимир Андреевич,

старший научный сотрудник
Минусинского регионального
краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова,
г. Минусинск, Россия
E-mail: vladimir.konohov@mail.ru

Ермаков Тихон Константинович,

бакалавр 4 курса КГПУ им. В.П. Астафьева,
г. Красноярск, Россия.
E-mail: erm-tihon@mail.ru

Степанов Николай Сергеевич,

старший научный сотрудник
Общества с ограниченной ответственностью
«Научно-производственное объединение
«Археологическое проектирование и изыскания».
E-mail: ns230989@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zaika Alexander Leonidovich,

Candidate of Historical Sciences,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P. Astafiev»,
Associate Professor of the Department of National History,
Head of the Museum of Archeology and Ethnography.
Krasnoyarsk Territory, Russia.
E-mail: zaika_al@mail.ru

Konokhov Vladimir Andreevich,

Senior Researcher, Municipal Budgetary Institution
of Culture «Minusinsk Regional Museum
of Local Lore. N.M. Martyanov».
E-mail: vladimir.konohov@mail.ru

Ermakov Tikhon Konstantinovich,

4th year bachelor, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education

«Siberian Federal University».

E-mail: erm-tihon@mail.ru

Stepanov Nikolay Sergeevich,

Senior Researcher, Limited Liability Company

«Scientific and Production Association

«Archaeological Design and Research».

E-mail: ns230989@yandex.ru

УДК 902

**КАМЕННЫЕ РЫБЫ-ПРИМАНКИ В НЕОЛИТЕ НИЖНЕЙ
АНГАРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ КГПУ ИМ В. П. АСТАФЬЕВА)**

П.С. Иванова, А.Л. Заика

Аннотация. Статья посвящена неолитическим каменным рыбам-приманкам Нижней Ангары. В ней впервые описаны изделия из Музея археологии и этнографии КГПУ им. В.П. Астафьева, а также подняты вопросы интерпретации данной категории изделий.

Ключевые слова. Археология, Нижняя Ангара, неолит, мелкая пластики, рыбы-приманки.

**STONE FISH BAIT IN THE NEOLITHIC LOWER ANGARA
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MUSEUM OF
ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE KSPU NAMED
AFTER V. P. ASTAFIEV).**

P.S. Ivanova, A.L. Zaika

Annotation. This article focuses on neolithic stone fish-baits of the Lower Angara. In this article, the products from the Museum of archeology and Ethnography of the KSPU named after V.P. Astafiev, are described for the first time. Also, the article questions the interpretation of this kind of products.

Keywords. Archeology, lower Angara, Neolithic, small plastic, bait fish.

Введение

Задачами данной работы является первичное обследование и введение в научный оборот и распространение вопросов интерпретации предметов мелкой пластики, выявленных в собраниях Музея археологии и этнографии КГПУ им. В.П. Астафьева

(далее – Музей) с целью расширения источниковой базы по древнему творчеству народов Сибири в эпоху неолита. Одни из наиболее характерных для неолита Сибири изделия – каменные рыбы. Предметом исследования являются каменные рыбы-приманки Нижнего Приангарья. Поднятая тема достаточно актуальна, так как на данный момент не существует однозначного и утвердительного ответа на вопрос о предназначении и функциях рыб-приманок. Они были достаточно широко распространены на территории Прибайкалья и Ангары. По данным А.П. Окладникова на Ангаре их обнаружено 40 экз., на Байкале – 18, в бассейне р. Селенга – 1, на р. Лене 7. Т.е. всего в верхнем Приангарье и Прибайкалье к сер. XX в. было обнаружено 66 фигур и их фрагментов [Окладников, 1950]. В последующий период фонд источников постоянно пополняется в результате археологических исследований в Восточной и Средней Сибири [Привалихин, 1993]. Связано это с активным промышленным освоением региона и интенсификацией охранно-спасательных работ в зоне затопления водохранилищ (Усть-Илимская, затем – Богучанская ГЭС) [Богучанская археологическая экспедиция..., 2015].

На данный момент нет никаких оснований утверждать, что возраст каменных рыб выходит за пределы эпохи неолита. В большинстве своём, их распространение наблюдается в период существования серовской культуры [Окладников, 1950]. Они делались как из твердых, так и из мягких пород камня. Однако из-за того, что мягкие породы легче поддавались обработке, их использовали чаще (белый мрамор). Из некристаллических материалов использовались зеленоватый слюдястый или тальковый сланец, доломит, чёрный сланец, плотный песчаник, единожды – тщательно обожжённая глина. [Окладников, 1950] Что касается технической стороны вопроса, то можно сказать, что неолитические мастера применяли оббивку, пиление, сверление, шлифование, резьбу. Согласно Окладникову, изображения рыб делятся на 4 группы, из которых нас интересует наиболее многочисленная категория «янусовидных» изделий. Они, как

правило, имеют вытянутую по горизонтали сегментовидную форму с приострѣнными окончаниями, которые в ряде случаев оформлены в виде голов рыб. Соответственно, головные части их обращены в противоположные стороны, что и послужило поводом обозначения данных изделий, как «янусовидные». В центре верхней части изделия и симметрично вдоль нижней кромки каменных рыб находились сквозные отверстия.

Общая характеристика рыб-приманок

Основной состав коллекций, находящихся в собраниях, перешѣл в Музей в административном порядке из фондов Лаборатории археологии КГПУ в 2004 г. В связи с большим объѣмом материалов, работы с ними продолжаются по настоящее время и ещё далеки от полного завершения.

На сегодняшний день в ходе работ выявлена определённая коллекция каменных рыб приманок и их фрагментов. В большинстве своём они являются находками, полученными в результате археологических экспедиций на Ангару Иркутского государственного университета и Красноярского государственного педагогического института (с 1994 г. – КГПУ) под рук. Н.И. Дроздова, которые проводились в 1970-80-е гг. [Дроздов, 1978]. Часть материалов нашла своё место в публикациях, большинство – ещё нет, что подчѣркивает новизну нашего исследования. Учитывая давность полевых работ, при разборке коллекций и обработке материалов возникали соответствующие проблемы, связанные с атрибуцией артефактов. Поэтому ряд изделий требуют сбора дополнительной информации. Тем не менее, считаем нужным поделиться результатами предварительных камеральных исследований.

1. Рыба-приманка (половинчатый фрагмент) (рис. 2, 1). Длина – 15 см, ширина – 6 см, толщина – 1,5 см. Материал изготовления: сланец. Цвет: коричневый. Техника изготовления: шлифовка, сверление, подрезка/скобление, возможно – пиление. Случайная находка. Поступил артефакт от Е.П. Косова – жителя п. Манзя Богучанского района Красноярского края в 2008 г.

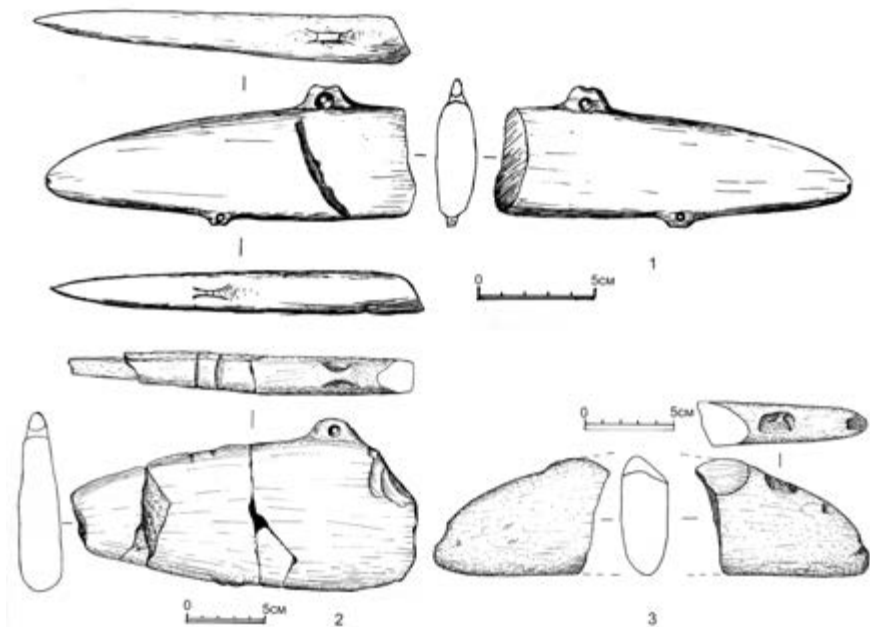

Рис. 2. Фрагменты изделий в виде рыб-приманок из фондов Музея археологии и этнографии КГПУ им В.П. Астафьева.

1, 2 – половинчатые фрагменты изделий; 3 – фрагмент «головной» части рыбы-приманки.

По его словам найдено изделие местными рыбаками на правом берегу р. Ангары в окрестностях поселка. Рыба-приманка имела вытянутую сегментовидную форму с приострѣнными концами (судя по сохранившемуся фрагменту), в сечении имеет форму вытянутого овала. В верхней части изделия находится трапециевидный выступ, в центре которого сделано способом двустороннего сверления округлое отверстие биконической формы размером 5 мм снаружи и 2 мм внутри. В нижней части изделия также имеется трапециевидный выступ, внутри которого также есть круглое сверлѣное биконическое отверстие размером 4 мм снаружи и 1 мм внутри.

2. Заготовка рыбы-приманки (сохранность полная, состоит из двух фрагментов) (рис. 1, 2). Размер: длина – 26,5 см,

ширина – 7,5 см, толщина – 4 см. Материал изготовления – песчаник светло-коричневого цвета. Найден артефакт при расчистке неолитического слоя на стоянке Усть-Кова в 1985 г., на левом берегу Ангары в устье её притока – р. Ковы на территории Кежемского района Красноярского края. Заготовке была придана сегментовидная форма способом пиления и шлифовки. Она имеет сегментовидную форму с уплощенной нижней частью. В сечении имеет вид вытянутого полуовала. В верхней части заготовки видны следы обломанного ушка со следами сверления. По центру изделия через ребро нижнего основания под углом просверлено биконическое отверстие с внутренним диаметром 2 мм.

3. Рыба-приманка (сохранность полная, состоит из двух фрагментов) (рис. 1, 1). Размер: длина – 38,7 см, ширина – 12,5 см, толщина – 1,9 см. Материал: сланец. Цвет светло-коричневый, песочного оттенка. Техника изготовления: пиление, сверление в сочетании с провёрткой/прорезкой, шлифовка. Найден артефакт при расчистке неолитического слоя на стоянке Усть-Кова в 1984 г., на левом берегу Ангары в устье её притока – р. Ковы на территории Кежемского района Красноярского края. Изделие имеет вид вытянутого приострѐнного овала. В центре верхнего края есть полукруглый выступ, внутри которого расположено биконическое отверстие неправильной формы 7x4 мм, выполненное путѐм провертывания с дополнительной прорезкой. По всей видимости, таким образом расширили первоначальное просверлѐнное отверстие. В нижней части расположены симметрично относительно центра артефакта два полукруглых выступа, внутри которых имеются сверлѐнные биконические отверстия, диаметр каждого из них составляет 3 мм.

Следующие изделия обнаружены, по всей видимости, во время археологических исследований местонахождений Чадобец, Кода в устье одноимѐнных притоков Ангары в 1970-е гг.

4. Рыба-приманка (половинчатый фрагмент) (рис. 2, 2). Размер: длина 22 см, ширина – 11 см, толщина – 2,3 см. Материал: песчаник серого цвета. Техника изготовления: пиле-

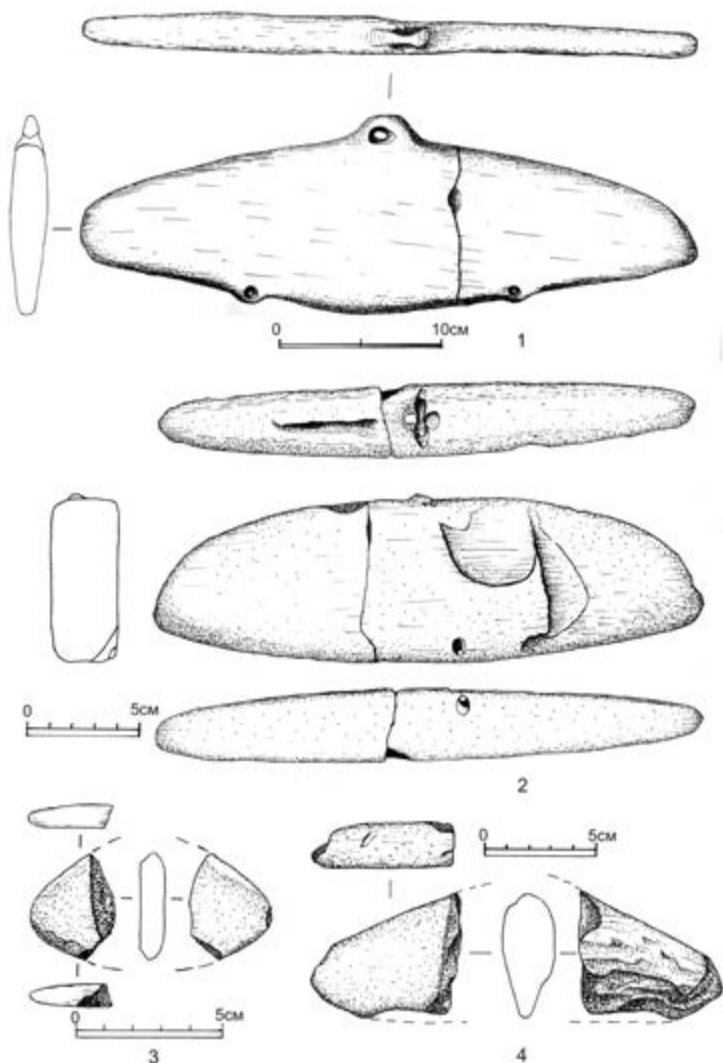

Рис. 1. Каменные рыбы-приманки и их фрагменты из фондов Музея археологии и этнографии КГПУ им В.П. Астафьева.

1, 2 – полные изделия; 3, 4 – фрагменты «головной» части рыб-приманок.

ние, сверление, шлифовка. Рыба-приманка имела вытянутую сегментовидную форму, возможно, с приострѣнными концами (конец обломан), в сечении имеет подпрямоугольную форму с

округлыми углами. Рыба-приманка имела вытянутую сегметовидную форму с приострѣнными концами (судя по сохранившемуся фрагменту), в сечении имеет форму вытянутого овала. В верхней части изделия имеется полукруглый выступ, внутри которого сделано сверлѣное биконическое отверстие диаметром 2 мм. Вдоль торца верхней кромки изделия нанесены поперечные надпилы, нанесѣнные в древности (поверхность каналов патинизирована и имеет общий цвет с изделием).

5. Рыба-приманка (фрагмент «головной» части) (рис. 2, 3). Размеры: длина – 9,7 см, ширина – 6,3 см, толщина – 3,5 см. Материал – песчаник серого цвета. Техника изготовления: пиление, шлифовка. Фрагмент имеет подтреугольную форму, в сечении имеет вид вытянутого овала

6. Рыба-приманка (фрагмент «головной» части) (рис. 1, 3). Размер: длина – 3 см, ширина – 3,5 см, толщина – 0,7 см. Материал – песчаник серого цвета. Техника изготовления: пиление, шлифовка. Фрагмент имеет подтреугольную форму, в сечении имеет вид узкой уплощенной с боковых сторон линзы.

7. Рыба-приманка (фрагмент «головной» части) (рис. 1, 4). Размеры: длина 6,5 см, ширина 5,5 см, толщина – 2,5 см. Материал – песчаник серого цвета. Техника изготовления: пиление, шлифовка. Фрагмент имеет подтреугольную форму, в сечении имеет вид вытянутого овала.

Вопросы интерпретации изделий

Вопрос о предназначении рыб-приманок Сибири до сих пор остается дискуссионным. Существуют различные точки зрения, согласно которым эти изделия имели утилитарное или сакральное значения. А.П. Окладников приводит этнографические примеры, в которых «рыбки» использовались чукчами и эскимосами как грузила. К хвостовой части «рыбки» крепилась леса, а к жаберной – крючки. Якуты и эвенки в зимней рыбной ловле использовали костяные или деревянные рыбки. За отверстие в спинной части они крепились на леску, а в отверстия на брюшной и хвостовой части вставлялись красные тряпочки.

Рис. 3. Шаманская подвеска в виде деревянной рыбки (материалы экспозиции Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова).

В глазные отверстия были вставлены голубые бусины, а к голове прикреплён лоскут рыбьей кожи. Это позволяло приманивать живую рыбу, которую кололи острогами [Окладников, 1950: 250-257].

О сакральном значении неолитических рыб-приманок говорили еще Д.Н. Анучин, М.П. Овчинников, Г. Мергарт и О. Менгин. А.П. Окладников, в свою очередь, не исключает того, что с рыбами-приманками были связаны культово-колдовские действия или определённые религиозные воззрения [Там же: 332]. В доказательство этого А.П. Окладников приводит этнографические примеры, в которых изображение рыбы у нганасанов фигурирует как фетиш, приносящий удачу при рыбной ловле.

После удачного улова такие изображения мазали кровью и окуривали. Говоря о культе нижнего мира, А.П. Окладников обращается к «янусовидным» рыбам, указывая на их большие размеры, неподходящие для обычной рыбной ловли.

Представленный в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Марьянова костюм шамана с подвеской в виде рыбки также говорит о сакральном предназначении рыб-приманок. Эта рыбка подвешена за спинное отверстие, а к двум брюшным отверстиям привязаны красные тряпочки (рис. 3).

Таким образом, каменные рыбы-приманки по своему назначению пока трудно однозначно интерпретировать. По всей видимости, они носили полисемантический характер, имели как промысловое, так и культовое значение. Несмотря на условный характер изделий, их следует отнести к скульптурным формам каменной пластики эпохи неолита. Данная работа имеет предварительный характер. В перспективе предполагается уточнение и дополнение первичных данных, сбор новой информации о находках в обозначенном регионе. Развитие данной тематики позволит помочь решить актуальные вопросы семантики данной категории артефактов.

Список литературы:

1. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007-2012 годы) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с. – (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1).

2. Дроздов, Н.И. Новые находки каменных рыб в Красноярском крае // Археология и этнография Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1978. – С. 36-37.

3. Окладников, А.П. Неолит и бронзовый век Прикабайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. I, II. / А.П. Окладников. – МИА № 18, М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 412 с.

4. Привалихин, В.И. Искусство таёжных племён Северного Приангарья в неолите // Обзорение результатов полевых и

лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – С. 146-149.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванова Полина Сергеевна,

студентка Исторического факультета

КГПУ им. В.П. Астафьева,

г. Красноярск, Россия.

E-mail: Polinaivanova.2000@mail.ru

Заика Александр Леонидович,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры отечественной истории,

заведующий музеем археологии и этнографии

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»,

г. Красноярск, Россия

E-mail: zaika_al@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivanova Polina Sergeevna,

student of the Faculty of History of the KSPU

named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: dashaarsen@gmail.com

Zaika Alexander Leonidovich,

Candidate of Historical Sciences,

Federal State Budgetary Educational Institution

of Higher Education «Krasnoyarsk State Pedagogical

University named after V.P. Astafiev»,

Associate Professor of the Department of National History,

Head of the Museum of Archeology and Ethnography.

Krasnoyarsk Territory, Russia.

E-mail: zaika_al@mail.ru

УДК 902

**ФИГУРНЫЙ ОБРАЗ НА КАМНЕ СО СКЛОНОВ ГОРНОГО
МАССИВА ОГЛАХТЫ (ХАКАСИЯ)****Ю.Е. Краснова, А.Л. Заика**

Аннотация. Предметом исследования является фигурное изображение на плитке с гор Оглахты. Рассмотрев различные возможные интерпретации рисунка, мы пришли к выводу, что вероятнее всего древний автор на камне представил изображение одежды или стилизованную антропоморфную фигуру в широких одеяниях и датировали его на сравнительно нешироком временном интервале: XIX – первая половина XX вв. Не исключено, что возникновение данного петроглифа связано с желанием закрепления опыта, сохранения традиций, передачи потомкам «инструкции» по изготовлению одежды, её орнаментальному оформлению.

Ключевые слова. Петроглифы, наскальное искусство, Оглахты, выбивка, Хакасия, женская одежда, изображение одежды.

**FIGURE IMAGE ON THE STONE FROM THE SLOPES OF THE
OGLAHTY MASSIF (KHAKASIYA)****Yu.E. Krasnova, A.L. Zaika**

Annotation. The subject of the research is a figured image on a tile from the Oglahly mountains. Having considered various possible interpretations of the drawing, we came to the conclusion that most likely the ancient author on the stone presented an image of clothing or a stylized anthropomorphic figure in wide robes and dated it over a relatively narrow time interval: XIX - first half of XX centuries. It is possible that the emergence of this petroglyph is associated with the desire to consolidate experience, preserve traditions, pass

on to descendants «instructions» for making clothes, its ornamental design.

Keywords. Petroglyphs, rock art, Oglahy, embossing, Khakassia, women's clothing, the image of clothing.

Введение

Оглахты (от хак. оглахтыҕ – «гора дикого козлёнка» или «козлиная гора») – это низкогорный хребет в Хакасии. Находится он на левом берегу Енисея в 45 км ниже по течению от г. Абакана. На протяжении 3 км он вытянут перпендикулярно западному берегу современного Красноярского водохранилища. Наибольшая высота составляет 580 метров над уровнем моря – это гора Оглахты. Ещё одно название горы – «Сорок зубьев», данное ей из-за зубчатой вершины.

Ещё в начале XX в. археолог А.В. Адрианов изучал на Оглахтинских горах наскальные рисунки и обнаружил первые плитки с рисунками хакасов [Адрианов, 1908: 46]. В 1972 г. красноярский художник В.Ф. Капелько неожиданно для себя обнаружил большое количество выбитых и резных изображений на песчаниковых плитках, во множестве устилающих южный склон этого горного узла. Его находки были доставлены в Минусинский музей, как некогда подобные плитки привёз в Красноярский музей А.В. Адрианов [Кызласов, Леонтьев, 1980: 16]. Разведочная группа сотрудников Минусинского музея выехала на Оглахты и произвела дополнительные сборы. В результате с этих гор было вывезено около 90 плиток с рисунками. Эта многочисленная коллекция, как вскоре выяснилось, представляла собой новый для исследователей вид памятников хакасского народного творчества, который значительно обогащает и дополняет сложившиеся представления о традициях изобразительного искусства народов Южной Сибири. Н.В. Леонтьеву первому удалось установить хакасскую принадлежность найденных рисунков и собрать значительные дополнительные материалы [Леонтьев, 1977]. Позже хакасские рисунки на горе Оглахты и в её подно-

жии изучались до 1979 г. разведочным отрядом Хакасской археологической экспедиции МГУ под рук. Л.Р. Кызласова [Кызласов, Леонтьев, 1980: 17].

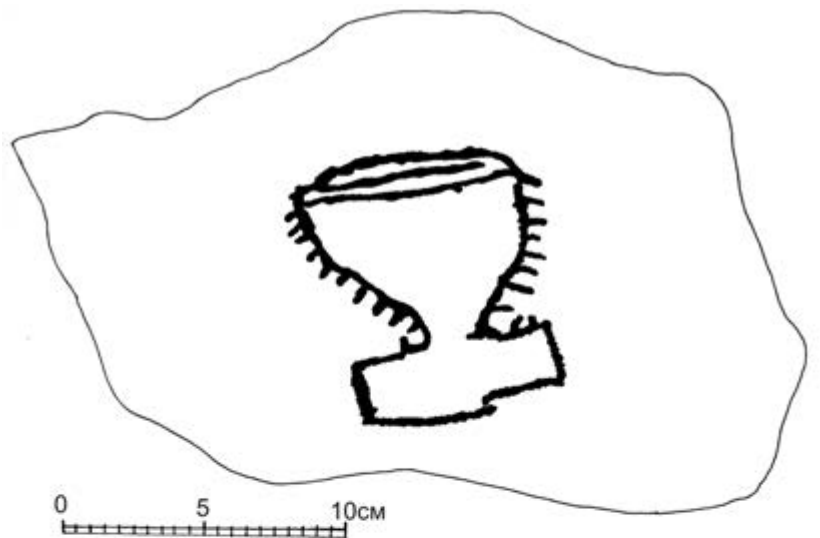
В настоящем времени известен большой комплекс петроглифов, выявленных на отдельно лежащих каменных плитках, обнаруженных по склонам горы Оглахты, большинство из которых опубликованы в монографическом труде Л.Р. Кызласова и Н.В. Леонтьева [Кызласов, Леонтьев, 1980]. В монографию включены 82 плиты из фондов Минусинского музея, изображения на 3 плитах, которые исследователями были оставлены на месте и рисунки с 4 эстампажей, сделанных В.Ф. Капелько. Многие плиты рассеяны по фондам других музеев, частным коллекциям, не опубликованы и ждут своего исследования.

Соответственно, представляет интерес ранее не известное изображение на каменной плитке, найденной на южном склоне горы Оглахты дивногорским художником Емельяновым И.Н. в 1992-1993 гг., которая в 2018 г. передана им в Музей археологии и этнографии КГПУ им. В.П. Астафьева (МАС ВХ №2-ПЗ, №14).

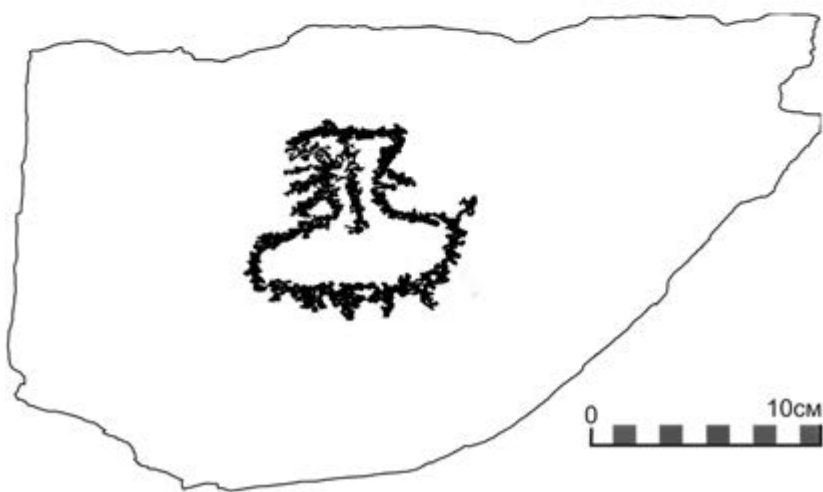
Характеристика петроглифа и вопросы его интерпретации

Плитка представляет собой обломок песчаника (высота 7,3-2,8 см; ширина 17 см; длина 25,5 см). На его наклонной плоскости выявлено контурное фигурное изображение. Исполнено оно в технике точечной выбивки. Удары неглубокие, частые, по всей видимости, нанесены металлическим инструментом с узким коническим рабочим краем, размеры следов ударов: 1,5-2 мм. Наносились они перпендикулярно, реже – под наклоном к каменной поверхности.

Представлена подтреугольная контурная фигура с округлыми сторонами, обращённая вершиной вниз. Снизу к ней примыкает прямоугольный контур. По бокам фигура обрамлена «бахромой» коротких наклонных линий (слева их – 10, справа – 8). Верхний контур фигуры пересекают две горизонтальные параллельные прямые линии (рис. 1, 1).

1

2

Рис. 1. Фигурные образы на плитках с гор Оглахты.

1 – копия петроглифа на камне из фондов музея археологии и этнографии КГПУ; 2 – прорисовка изображения по микалентной копии, хранящейся в КемГУ.

Среди известных изображений на оглахтинских плитках заметно преобладают рисунки домашних животных. Наиболее популярны фигуры коней. Наряду с лошадьми встречаются образы собак, овец, коров и т. д. Из диких животных наиболее распространены рисунки оленей, а также козлов, лосей, косуль и т. д. Антропоморфные изображения – один из самых популярных сюжетов. На оглахтинских плитках, вывезенных в Минусинский музей, выбито человеческих фигур – 193, а тамгообразных знаков – 39 [Кызласов, Леонтьев, 1980: 32]. Исследуемый нами петроглиф не вписывается в данные сюжеты и поэтому требует особого внимания и всестороннего анализа.

Фигура лаконичная и на первый взгляд напоминает сосуд на поддоне. Кубковидная его форма находит аналогии среди изображений котлов, известных на писаницах Боярского хребта (Большая и Малая Боярские писаницы, писаница Абакано-Перевоз) [Русакова, 2001], писанице на озере Тус [Пахомова и др., 2017] и в других петроглифах Хакасии [Панкова, 2005]. В пользу данной версии указывают параллельные линии в верхней части «сосуда», которые соответствуют горизонтальным валикам в зоне венчика у многих бронзовых котлов эпохи раннего железа, обнаруженных в Минусинской котловине.

Вместе с тем, подпрямоугольная форма поддона, внешнее декоративное оформление тулова «сосуда» не характерны для известных изображений котлов и потому нами были рассмотрены другие версии интерпретации этого загадочного изображения:

Стилизованная антропоморфная фигура. Подтверждается эта версия аналогичными изображениями антропоморфных фигур, встречающимися в наскальном искусстве сопредельных территорий Саяно-Алтая: Горный Алтай – писаница Калбак-Таш [Черемисин, 2015], Монголия – петроглифы Чулуут [Новгородова, 1989: 97]. Они также представлены в стилизованном виде, имеют прямоугольные основания и геометризованные, часто подтреугольной, трапециевидной формы туловища и у них в ряде случаев слабо обозначена головная часть. Более того, у них часто встречается внешняя аббревиатура в виде коротких

линий, расположенных по бокам фигуры. Датируются эпохой энеолита – ранней бронзы. Не трудно заметить, что в данных случаях древний художник акцентировал внимание на форме и деталях одевания антропоморфных персонажей. Подобные фигуры зафиксированы среди таштыкских гравировок на оз. Тус [Пахомова и др., 2017].

Одежда. Встречаются в наскальном искусстве Среднего Енисея и самостоятельные изображения одежды, напоминающие оглаhtинские изображения. На писанице Абакано-Перевоз, которая датируется тагаро-таштыкским временем (тесинский этап тагарской культуры), зафиксированы геометризованные изображения одежды, декорированные ажурным орнаментом внутри и «бахромой» снаружи их контура [Русакова, 1997: 102, рис. 9]. Их верхняя часть также, как и нижняя имеют подпрямоугольное оформление. Примечательно, что рядом с ними расположены линейные человеческие фигуры, у которых также нижняя часть показана в виде прямоугольных силуэтов (детали нижнего белья?).

Не исключено, что искомую фигуру можно рассматривать в перевёрнутом виде. В таком случае мы находим прямые аналогии среди этнографических рисунков, выявленных на плитках на южном склоне горы Оглахты:

1) Фигура имеет подпрямоугольную форму верхней части и подтреугольное оформление нижней части с округлыми боками. Центр фигуры пересекает вертикальная линия запаха. По мнению исследователей, она, возможно, изображает женскую одежду [Кызласов, Леонтьев, 1980: 100; табл. 31, 3].

2) Фигура в виде двух совмещенных трапециевидных контуров, дополненных в верхней части «рукавами». По мнению исследователей, представлено «изображение шубы хакасского национального покроя» [Кызласов, Леонтьев, 1980: 96; табл. 14, 34].

3) Фигура в левой половине плоскости в виде двух совмещенных трапециевидных контуров, дополненных многочисленными декоративными деталями [Кызласов, Леонтьев: 96; табл. 12, 26]. По мнению авторов находки, представлена «выкройка» женской безрукавки, а дополнительные фигуры являются образ-

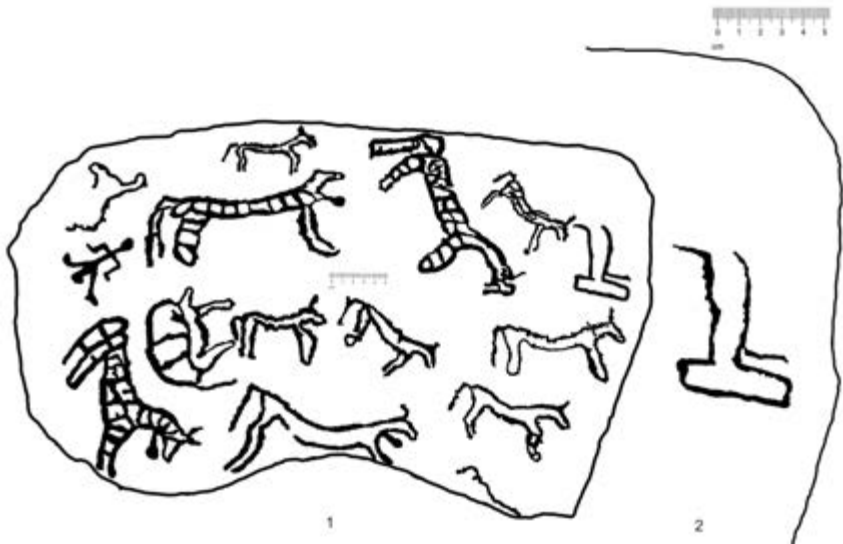

Рис. 2. Петроглифы на плите, хранящейся в НГУ
 1 – прорисовка композиции; 2 – прорисовка фигурного образа.

цами вышивок, присоединенными к выкройке сигидека там, где их полагалось вышить [Кызласов, Леонтьев: 54].

4) Битреугольная фигура с закруглёнными углами, дополненная внешними декоративными элементами. «Орнаментальная композиция из изогнутых линий, выполненная в технике мелкоточечной выбивки» [Кызласов, Леонтьев, 1980: 97; табл. 14, 36].

На одной плите, находящейся в археологической экспозиции НГУ в г. Новосибирске сравнительно недавно было выявлено изображение подобное искомому. Исполнено оно в технике неглубокой частой выбивки и представляет собой вытянутый незавершённый подчетырёхугольный контур с прямоугольным основанием. С правой стороны внизу фигуры добавлена горизонтальная линия, дублирующая верхний контур основания. К левой стороне фигуры примыкают полустёртые линии (рис. 2, 2). В отличие от рассматриваемого нами петроглифа данная фигура была включена во многофигурную композицию с уча-

стием контурных изображений лошадей, козла и линейной фигуры человека, где занимает периферийное положение в правом верхнем углу камня (рис. 2, 1). К сожалению, данный рисунок предельно схематичен и малоинформативен. Фигуры животных показаны контурно, туловища и конечности у многих лошадей богато декорированы продольными и поперечными линиями, на шее показаны подвески (колокольчик-ботало), что характерно для многих рисунков лошадей на оглахтинских плитках [Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 19, 53; табл. 22, 60, 61; табл. 35; табл. 37 и др.]. Учитывая разный ракурс рисунков в композиции, сюжетное доминирование образа коня, иконографические и стилистические особенности изображений, сравнительно свежий характер выбивки, данные петроглифы следует датировать периодом этнографической современности.

Вызывает интерес другой рисунок на плитке, обнаруженной в 1980 году на склонах горы Оглахты во время работы там Хакасского археологического отряда КемГУ под руководством А.И. Мартынова и Б.Н. Пяткина. Еленой Александровной Миклашевич любезно было предоставлено фото эстапажа петроглифа с коллекционным номером 35/134, который хранится в фондах кафедры археологии КемГУ. Судя по оттиску на микалентной бумаге, на камне выполнена в технике выбивки трапезиевидная фигура с контуром горизонтального овала в основании. Фигура расчленена пополам вертикальной линией, по краям обрамлена короткими линиями (рис. 1, 2). Данная фигура по многим параметрам соответствует обсуждаемому петроглифу, находит аналогии среди других изображений на оглахтинских плитках.

По версии известного хакасского историка и этнографа В.Я. Бутанаева, ознакомившегося с петроглифами, мы имеем дело с изображением традиционного хакасского халата «сикпен» («секлен», «секпен»), имевшим широкое распространение до середины XX в., который затем был вытеснен одеждой европейского покроя. Сикпен – распашной спереди длинный кафтан широкого и прямого покроя. Имел широкий воротник

шаль и обшлаг (отворот на рукаве). Запахивался левой полой на правую и застёгивался на несколько пуговиц. Представлял собой верхнюю демисезонную одежду хакасов из грубого сукна, но в первые десятилетия XX века сикпен стал исключительно женской одеждой. Шился халат на подкладке с широким воротником шалью, который покрывался красным шёлком или парчой. Обшлага рукавов шились из чёрного бархата или плиса и украшались шёлковыми узорами, обычно делались со скошенным выступом в форме конского копыта (омах). У многих сикпен на спине украшался вышивкой – узорами из цветных ниток. Всячески украшенная одежда считалась праздничной. Её носили в основном зажиточные женщины. Для повседневной носки сикпен отделявали проще и шили из дешёвого материала [<https://museumsrussian.blogspot.com>].

Заключение

Учитывая вышеприведённые версии трактовки огластинского рисунка, пока сложно дать однозначный ответ по поводу интерпретации данного образа. Если брать во внимание территориально наиболее близкие аналогии и известные их трактовки, то следует видеть в этой фигуре изображение одежды или стилизованную антропоморфную фигуру в широких одеяниях и датировать на сравнительно нешироком временном интервале в пределах этнографической современности XIX – перв. пол. XX вв. В пользу данной версии говорит сравнительно свежий характер выбивки, которая контрастирует со скальным загаром камня.

На данный момент не ясно в силу каких причин стало популярно нанесение на камень изображений одежды, их выкройки.

Если взять во внимание сюжеты сибирских петроглифов, то можно предположить, что такая традиция появилась в эпоху энеолита 5 тыс. л. н., т. к. тогда на скалах Алтая и Монголии стали наносить стилизованные фронтальные женские образы в широких одеяниях. Во время раскопок карасукского поселения Торгажак также зафиксированы женские образы в пространственных одеждах на гравированных гальках [Савинов, 1996]. Развитие

данной традиции наблюдается на финальной стадии развития тагарского искусства и в гунно-сарматское время. Этот период представлен изображениями как мужских, так и женских персонажей в широких одеяниях. Примечательно, что появляются и самостоятельные рисунки верхней одежды рядом с их владельцами или без присутствия таковых. Вероятно, что с рубежа эр в наскальном искусстве региона получает развитие изобразительная традиция, которая заключалась в иллюстрировании традиционной одежды и акцентировании внимания на её деталях, таких как форма, внутренний и внешний декор.

Не следует забывать и о существовавшем у хакасов культе горы, священных скал и утёсов, нередко покрытых древними петроглифами. Надо полагать, что горному массиву Оглахты по этому поводу уделялось большое внимание. Хакасы съезжались на такие торжества и оставляли на священных скалах свои отметки о пребывании там [Кызласов, Леонтьев: 65]. Вероятно, всякое изображение, нанесённое на скалу, плитку в её подножии, в той или иной степени, несёт определённый культовый характер. Подтверждение этому предположению встречаем у исследователей оглахтинских петроглифов: «Вероятно, мастерицы из числа пастушек, обмениваясь опытом на предгорных пастбищах, не имея бумаги, чертили образцы выкроек и другого художественного рукоделия на подручных каменных плитках. Но и в данном случае это делалось не из-за праздного времяпрепровождения, как об этом писали иные авторы» [Кызласов, Леонтьев: 74].

Возможно еще и то, что возникновение рассмотренных нами петроглифов связано с желанием закрепления опыта, сохранения традиций, передачи потомкам «инструкции» по изготовлению одежды, её орнаментальному оформлению. В таком случае нет наиболее подходящего варианта, как носителя долгосрочной информации, чем камень. Это подкрепляется его выгодным местоположением на популярном, почитаемом объекте, и тем самым обеспечивает необходимую аудиторию, особенно во время традиционных празднеств.

В заключение необходимо отметить, что данная работа имеет предварительный характер, поднятая тематика, посвящённая внешним облачениям антропоморфных образов в петроглифах Сибири и Центральной Азии перспективна, требует дальнейшего развития и всестороннего исследования.

Список литературы:

1. *Адрианов А.В.* Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. – ИРКИСВА. – № 8. – 1908.
2. *Кызласов Л. Р., Леонтьев Н.В.* Народные рисунки хакасов. – М.: Изд-во «Наука». Глав. ред. восточ. лит-ры, 1980 –180 с.
3. *Леонтьев Н.В.* Хакасские народные рисунки на плитах горы Оглахты // Вопросы истории Хакасии. – Абакан, 1977.
4. *Новгородова Э.А.* Древняя Монголии. – М.: Изд-во «Наука». , 1989. – 384 с.
5. *Панкова С.В.* Изображения постагарского и таштыкского времени на скалах Минусинского края. // Археологические экспедиции за 2004 год. // Сборник докладов. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. – С. 74-84.
6. *Пахомова Т.А., Заика А.Л., Вдовин А.С.* Петроглифы на оз. Тус в Хакасии // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. / отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. Ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 150-161.
7. *Русакова И.Д.* Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница у д. Абакан-Перевоз в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 101-112.
8. *Русакова И.Д.* Петроглифический комплекс Бояры – Абакано-Перевоз в Хакасии и его место в природно-историческом ландшафте. Дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2001. – 261 с.
9. *Савинов Д.Г.* Древние поселения Хакасии: Торгажак. – СПб: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 112 с.
10. *Черемисин Д.В.* Об интерпретации одного сюжета в петроглифах Алтая эпохи бронзы («женщина-дом» и «одноногий у порога») // Искусство бронзового века: Материалы междунар. симп. / под ред. С. Хансена, В.И. Молодина. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2015. – С. 79-93.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Краснова Юлия Евгеньевна,

бакалавр 2 курса, КГПУ им. В.П. Астафьева,

г. Красноярск, Россия.

E-mail: krasnovayuliya01@mail.ru

Заика Александр Леонидович,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры отечественной истории,

заведующий музеем археологии и этнографии

Федерального государственного бюджетного образовательного

учреждения высшего образования «Красноярский государственный

педагогический университет им. В.П. Астафьева),

г. Красноярск, Россия

E-mail: zaika_al@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Krasnova Yulia Evgenievna,

2nd year bachelor, Federal State Budgetary

Educational Institution of Higher Education

«Krasnoyarsk State Pedagogical University

named after V.P. Astafieva».

Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: krasnovayuliya01@mail.ru

Zaika Alexander Leonidovich,

Candidate of Historical Sciences,

Federal State Budgetary Educational Institution

of Higher Education «Krasnoyarsk State Pedagogical

University named after V.P. Astafiev»,

Associate Professor of the Department of National History,

Head of the Museum of Archeology and Ethnography.

Krasnoyarsk Territory, Russia.

E-mail: zaika_al@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет
БГУ – Бурятский государственный университет
СПб – Санкт-Петербург
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук
ИрГТУ – Иркутский государственный технологический университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
РИО КемГУ – Редакционно-издательский отдел Кемеровского государственного университета
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН, ИАиЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ЛАПСС КФ ИИФФ СО АН СССР – Лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири Красноярского филиала Института истории, философии и фиологии Сибирского отделения Академии наук СССР
МАС – Музей археологии и этнографии КГПУ им. В.П. Астафьева
МВЦ – Музейно-выставочный центр
РИО КГПУ – Редакционно-издательский отдел Красноярского государственного педагогического университета
ХакНИИЯЛИ – Хакасский Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ИРКИСВА – Известия Русского Комитета изучения Средней и Восточной Азии
ЮЮВ – юго-юго-восток
ЮВ – юго-восток
ЮЗ – юго-запад
ВЮВ – восток-юго-восток
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ООО «НПО «АПИ» – Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания»
ГЭС – гидроэлектростанция

МИА – Музей истории и археологии
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
РАНИИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
ВСНХ СССР – Высший совет народного хозяйства
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
АРАН – Архив Российской Академии наук
ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР
ЦКВКП(б) – Центральный Комитет Всероссийской Коммунистической Партии большевиков
АГМ – Архив города Минусинска
МИИЖТ – Московский институт инженеров железнодорожного транспорта
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
ЦИК СССР – Центральный исполнительный комитет СССР
МГУ – Московский государственный университет
ЦК – Центральный комитет
УФСБ – Управление Федеральной службы безопасности
РОССПЭН – издательство «Российская политическая энциклопедия»
РЦХИДНИ – Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории
АГЕ – Архив города Енисейска
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи
ГКУ РХ НА – Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив»
ФГАОУ ВО – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
ПФА РАН – Петербургский филиал архива Российской Академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ СИБИРИ3

АРТАМОНОВА Н.Я. Проблемы развития физической культуры в Хакасской автономной области в начале 1930-ч гг.3

КОМЛЕВА Е.В. «По мере сил наших и знаний будем работать...»: из переписки основателей Минусинского и Енисейского городских общественных музеев19

ЛЕОНТЬЕВ Е.В. К характеристике расселения крестьян юга Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. (по материалам Минусинского округа (уезда)42

ПОГРЕБНЯК А.И. Историк и археограф А.И. Яковлев в минусинской ссылке56

ФЁДОРОВ И.Г. Описание населённых пунктов Енисейской Сибири в путевых записках экспедиции Д.Г. Мессершмидта94

ШЕКШЕЕВ А.П. Саянский поход енисейских красных партизан: реконструкция на основе новых источников108

РАЗДЕЛ II. ЭТНОГРАФИЯ И ГЕНЕАЛОГИЯ.....124

БУТАНАЕВ В.Я. Металл в художественной культуре тюрков Хонгорая..... 124

НИЛОГОВ А.С. Митохондриальные линии современных этнических хакасов151

РАЗДЕЛ III. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.....165

АРСЕНЬЕВА Д.С., ЗАЙКА А.Л. Путешествие Жана Клотта по Енисейской Сибири в 2010 г.....165

ЖУРАВКОВ С.П., ЗАЙКА А.Л. Писаница в окрестностях д. Ильинка (общая характеристика).....182

ЗАЙКА А.Л., ГАНУСОВА В.П. Лаконичная композиция на курганном камне (могильник Селиваниха в окрестностях г. Минусинска).....	195
ЗАЙКА А.Л., КОНОХОВ В.А., ЕРМАКОВ Т.К., СТЕПАНОВ Н.С. Результаты исследования Западного участка Шалаболинской писаницы в 2018-2019 гг.....	208
ИВАНОВА П.С., ЗАЙКА А.Л. Каменные рыбы-приманки в неолите Нижней Ангары (по материалам Музея археологии и этнографии КГПУ им В.П. Астафьева).....	237
КРАСНОВА Ю.Е., ЗАЙКА А.Л. Фигурный образ на камне со склонов горного массива Оглахты (Хакасия).....	247
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	259

**УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ИМ. Н.М. МАРТЬЯНОВА**
(научное издание)
Выпуск № 2

Оригинал-макет: О.В. Войда

Подписано в печать: 02.11.2020
Формат: 60x84¹/₁₆ Гарнитура: Times New Roman
Тираж 150 экз.

Интеллектуальная система Ridero. 2020.

Минусинск, 2020